

Повести в Белых Халатах

**Медицинский
роман
в пяти частях**

Бестселлер 16+

Бестселлер (Союз писателей)

Нина Романова

Повести в Белых Халатах

«Издательство «Союз писателей»

2020

УДК 82-31
ББК 84 (2 Рос=Рус)

Романова Н. (.

Повести в Белых Халатах / Н. (. Романова — «Издательство
«Союз писателей», 2020 — (Бестселлер (Союз писателей))

ISBN 978-5-00143-285-2

В книге объединены пять частей серии «Повести в Белых Халатах», в том числе заключительная – «КардиоДрама оптимистки». Целая вереница перемен происходит со старыми друзьями от первой до последней повести, ведь медицина, которой они посвятили жизнь, требует полной самоотдачи и способна превратить самые размеренные будни в насыщенные событиями и даже приключениями дни. Кто-то находит страсть, кто-то открывает в себе новые таланты, кто-то убеждается, что для счастья необходимо совсем немного... Главный вывод, к которому приходят герои: надо оставлять открытым сердце, потому что настоящим врачом, исцеляющим и возрождающим, является Любовь.

УДК 82-31
ББК 84 (2 Рос=Рус)

ISBN 978-5-00143-285-2

© Романова Н. (. , 2020
© «Издательство «Союз
писателей», 2020

Содержание

Повесть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	22
Глава 6	25
Глава 7	29
Глава 8	32
Глава 9	35
Глава 10	42
Глава 11	44
Глава 12	47
Глава 13	50
Глава 14	53
Глава 15	60
Глава 16	66
Повесть 2	71
Глава 1	71
Глава 2	76
Глава 3	79
Глава 4	83
Глава 5	86
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Нина Лето (Романова)
Повести в Белых Халатах:
Медицинский роман в пяти частях

*Людям, преданным нелёгкому делу врачевания, а также всем
влюблённым в жизнь посвящаю.*

© Лето (Романова) Н., текст, 2020

© Издательство «Союз писателей», оформление, 2020

© ИП Суховейко Д. А., издание, 2020

Повесть 1

Узистка. Байки из ординаторской

Глава 1

Полнолуние

Я заметила, что определённый тип больных для обследования выбирает определённые дни. Кроме как влиянием Луны, ничем больше объяснить этот феномен невозможно. Совершенно точно в полнолуние на гинекологическое УЗИ¹ собираются самые капризные пациентки со всего города. Поэтому, увидев на небе плящущийся на землю жёлтый глаз, я прихожу на работу с чёткой установкой – пережить пару дней. Я не пытаюсь отвечать на вопросы: они пришли сегодня не за моими ответами и советами, а просто излить желчь... Такая фаза Луны! Клиника для этого – лучшее место: на работе подобное поведение может озадачить шефа, дома все привыкли к спектаклям и давно не обращают внимания, а врачи будут терпеть – это их работа. Если яду накопилось много, а крепкой уверенности в стойкости врачебной психики нет, то идти нужно в частную на платное обследование: там точно стерпят! И, поверьте, все эти «лунные» тётки вполне даже милые женщины во все другие дни.

Беременных я стараюсь вовсе не записывать на приём, пока Луна не начнёт убывать: энцефалопатия беременных, помноженная на выпученный небесный глаз, может привести к истерической неразберихе, а истерить женщинам в интересном положении противопоказано.

Регистратор Оксана поймала меня на входе в отделение:

– Нина Викторовна, к вам сегодня записана жена доктора Сирина!

Регистраторы для врача – люди важные: они сидят в обороне на передовой и первыми попадают под обстрел нервных пациентов. Результат прохождения через бастион регистратуры бывает двояким. Одни пациенты, растратив свой накал в борьбе за человеческое к ним отношение со стороны регистраторов, приходят ко мне тихими, готовыми по-родственному обнять просто за то, что я не ору и периодически даже улыбаюсь. Они ложатся на кушетку, забыв, что пять минут назад хотели пожаловаться на хамство младшего персонала, и сосредоточено принимают глубоко вдохнуть и выдохнуть по команде. Медсестра Таня внимательно слушает мои комментарии, старательно вставляя показатели измерений в заключение исследования, которое я подпишу и, как почётную грамоту в школе, вручу пациенту перед тем, как попрощаться.

Вторая часть больных рассматривает регистратуру как полигон для тренировочной стрельбы. Они накаляются добела и, разогнавшись, как паровоз под гору, уже не могут остановить шквал возмущения и стихийное стремление здесь и сейчас поменять не только всю систему здравоохранения, но и устройство мира в целом. Бросаться под этот локомотив бессмысленно. Проще запрыгнуть на ходу, поддакивая и критикуя всех отщепенцев рода человеческого, работающих в медицине, и, дождавшись, когда пар выйдет и скорость пойдёт на убыль, выдать-таки заключение обследования и пожелать хорошего настроения на оставшийся вечер.

Рудик Новиков, заведующим ультразвуковой диагностики, в полнолуние садится писать отчёт, чтобы яд лился мимо него – в основном на меня. Сохраняя poker face², я понесла новость о визите Сириной в кабинет заведующего.

¹ Ультразвуковое исследование.

² Непроницаемое выражение лица (*англ.*).

Новиков пил кофе, развалившись в кресле и сложив ноги на стоящий перед ним столик. Коробка шоколадных конфет, которые он периодически отправлял в рот, закусывая кофейную горечь, несомненно, была преподнесена очередным благодарным пациентом.

– Сирина записана на приём на десять часов. Ты приходишь смотреть её со мной, – опустив приветствия, начала я.

Рука, потянувшаяся за очередной конфетой, замерла в воздухе, и Рудик, развернувшись всем корпусом в мою сторону, промямлил:

– Я занимаюсь отчётом. Сегодня, пожалуйста, без меня.

Подойдя к столику, я взяла конфету и, отправив её в рот, прихватила вторую про запас.

– А я имела твой отчёт в самой интересной позе, – всё ещё наслаждаясь шоколадом, ответила я и тут же получила ещё больше наслаждения от выражения лица Рудика. – Если ты не приходишь, я беру больничный и отправляюсь домой прямо сейчас.

– По какой причине?

– Дай мне полчаса, я принесу тебе три больничных листа с разными уважительными причинами моего отсутствия.

Взглянув на коробку конфет и отметив, что больше половины пока на месте, я взяла ещё одну и вышла из кабинета Новикова. До десяти оставалось меньше часа, и я решила, что успею посмотреть пару больных. В коридоре сидела очередь. Сегодня принимала молоденькая Любочка, дочка профессора-кардиолога, закончившая институт год назад. Её сразу приняли в нашу клинику, куда без убедительного наличия мозгов и солидного опыта можно было попасть только с ещё более убедительной протекцией и солидными связями. Любочка не имела ни первой, ни второй составляющей успешного трудоустройства, зато в избытке наблюдались третья и четвёртая.

Я относилась к девочке с уважением: при минимальном количестве серого вещества в черепной коробке требовалось прилагать значительные усилия, чтобы более или менее сносно выполнять доверенную ей работу. За год она научилась держать ультразвуковой датчик и, как ей казалось, водить им в правильном направлении по животу больного. Другие части тела Любочке обследовать не доверяли, так как там гораздо труднее объяснить, почему она пропустила явную патологию. В заключениях профессорской дочки неизменно фигурировала фраза: «Визуализация органов затруднена в связи с избыточным газообразованием. Рекомендуются повторить исследование после тщательной подготовки больного». «Тщательная подготовка» заключалась в выдаче повторного направления ко мне или к Новикову.

Периодически выходя в коридор, чтобы размять мышцы, не принимающие участия в рабочем процессе, я видела пациентов, терпеливо ждущих своей очереди перед кабинетом Любочки. Сжалившись и над ними, и над молодым доктором, я брала пару-тройку счастливых, которые и не предполагали, что только что сэкономили уйму времени, избежав необходимости повторного посещения нашего отделения после «тщательной подготовки».

Без пяти десять Новиков постучал в мой кабинет. Я как раз закончила смотреть очередной «Любочкин живот» и, поставив свою подпись под заключением, попрощалась с пациентом.

– Нина Викторовна, а что вы скажете, если мы попросим Любочку принять госпожу Сирину?

Медсестра Таня, сидевшая за своим рабочим столом в углу комнаты, громко фыркнула – то ли в попытке подавить смех, то ли оборвав свое классическое «серьёзно?!».

Я посмотрела на Новикова.

– Мне, Рудольф Аркадьевич, совершенно безразлично, кто будет смотреть уважаемую госпожу Сирину. Но, если вы всё-таки предпочтёте направить её ко мне, имейте в виду – зайдёт она в этот кабинет только в вашем сопровождении.

Новиков беспомощно оглянулся на дверь, потом на Таню и спросил:

– Где я буду сидеть?

– А вы не будете сидеть, товарищ заведующий, вы будете стоять за моей спиной, следить за тем, что я делаю, и отвечать на вопросы пациентки.

В этот момент дверь распахнулась и без стука и приветствия вплыла дама, габаритами напоминающая ледокол «Ленин».

– Новиков, рада, что ты здесь, у меня к тебе куча вопросов! Я заставила Сирина записать их на бумаге, так что после исследования мы идём шушукаться в твой кабинет, – кивнув мне в качестве приветствия, женщина, знакомая с процедурой осмотра, который она проходила с периодичностью раз в два месяца, чтоб «не пропустить рак», стянула с себя безразмерную блузу и плюхнула шикарное тело на кушетку. – Надеюсь, доктор Лето, сегодня вы не найдёте меня полной газом и жира, – поджимая нижнюю губу и явно нацеливая саркастическое замечание в мою сторону, добавила она.

К счастью, за двадцать с лишним лет работы в медицине я выработала иммунитет, который может произвести сногшибательное впечатление на иммунологов: в моей крови постоянно циркулируют не только антитела, но и антиуколы, антинамёки и антиобиды, плотной стеной защищающие от хамов пациентов и тупиц руководителей.

По природе очень мягкий и отходчивый человек, я давно перестала бороться с людской глупостью и, поняв, что просветить страждущих может только Интернет, научилась держать своё мнение при себе до прихода определённого контингента – ещё существующей группы больных, которые верят доктору больше, чем «Гуглу». Их с каждым годом становится меньше и меньше, в чём виноваты не только всемирная Сеть и доступность информации, но и, несомненно, мы, врачи. Недоверие возникает на почве равнодушия и непрофессионализма, с которыми наши пациенты сталкиваются так же часто, как мы – с грубостью и неуважением.

Госпожа Сирина продолжала беседовать с Новиковым. Зная, что окончание монолога не наступит, если его не форсировать, я начала обследование. Для лучшего обзора при ультразвуковом исследовании органов брюшной полости мы обычно просим сделать глубокий вдох: при этом лёгкие, наполнившись воздухом, толкают печень, желчный пузырь и почки вниз из-под рёберной дуги, и они становятся более доступны для исследования.

Госпожа Сирина дышать не умела. Точнее, она надувала щёки в попытке вытолкнуть край ожиревшей печени из-под рёбер, что было совершенно бесполезно. Я старалась не обращать внимания на лицо, которое становилось похожим на морду гигантского хомяка. На экран можно было не смотреть, потому что все особенности внутренних органов Сириной я знала наизусть: жировая дистрофия печени и поджелудочной железы, желчный пузырь удалён, почки без особенностей...

Обычно я сканирую пациентов, параллельно диктуя заключение Тане, но не в этом случае. Во время первого визита, недостаточно ознакомившись со спецификой пациентки, я начала перечислять ожиревшие органы, украсив описание внутрибрюшного беспорядка наличием избыточных газов, снижающих диагностические возможности ультразвука. Сирина, не сказав мне ни слова, отправилась напрямиком к главному врачу, а оттуда к начальнику здравоохранения района, жалуясь, что во время исследования я назвала её жирной и загазованной, и настаивая на том, что подобный специалист не может работать в уважающем себя учреждении.

Спасибо нашему любимому главному врачу Кунцевой Людмиле Борисовне, которая доступным языком объяснила госпоже Сириной, что как хороший детектив ценится по раскрываемости, так хороший узист – по показателям диагностики, и я – один из лучших диагностов, на консультацию к которому направляют самых сложных больных и т. д. и т. п.

Жалобу она свою забрала, так как, конечно, хотела лучшего диагноста для своего живота. Но смотреть её без заведующего я отказалась. «Я сканирую, ты политически корректно комментируешь», – поставила я условие. Новиков был не в восторге, имея на то причины личного характера: Сирина и его жена в институтском прошлом были одноклассниками Рудика. Думаю, тогда и произошла какая-то история, сохранившая связь между этими полярно противополож-

ными людьми на долгие годы. Мне трудно представить, как умница Новиков мог дружить с истеричным Сириным, и ещё труднее вообразить, какие общие интересы, кроме пребывания в одной студенческой группе, имелись у него с Сириной – женщиной без манер и малейших признаков привлекательности. Но не всё в жизни поддаётся объяснению, а потому я беззастенчиво использовала Рудика в качестве барьера между мной и источником отрицательной энергии в лице или, точнее, в теле госпожи Сириной.

В остальном полнолуние прошло на удивление спокойно. Зайдя в ординаторскую в конце рабочего дня, я застала всю нашу тёплую компанию в сборе. Гериатр Юра Антонов развлекал коллег рассказом о своём постоянном пациенте – итальянце Луиджи. Старик приехал в Россию с семьёй дочери, занимавшей должность представителя одной из итальянских компаний. Среди всех клиник города они выискали нашу, где работал доктор, свободно говорящий по-итальянски. Переживающий недостаток общения старикан приходил на приём через день и проводил в кабинете Антонова как минимум час.

Оба безостановочно сыпали словами, звучащими как музыкальные термины вперемешку с названиями вин: кьянти, пьяно, стаккато, белиссимо... Иногда являлось всё семейство, и тогда приём превращался в шоу. Удивительно, как итальянцы богаты на эмоции. Если наблюдать за их диалогом, может показаться, что они постоянно спорят и даже ругаются. На самом деле это просто манера говорить, которая не зависит от темы беседы.

Для нас шоу повторялось в ординаторской, где артистичный Антонов в лицах пересказывал диалог на русском, непременно обогащая повествование комментариями.

Сегодня он принёс новую историю. Она как раз подходила к кульминационному моменту, когда я появилась в ординаторской.

– Луиджи частенько ездит на рыбалку с соседом по даче, при этом один не говорит по-итальянски, другой – по-русски, – ввёл меня в курс дела Юрий, прервав рассказ. – Вчера, после очередной поездки, он меня спрашивает: «Доктор, каждый раз, когда у моего друга срывается рыба, он восклицает “б...ь” или “с...а”! В чём разница между этими словами?» На это я ответил: “Разница в размере рыбы”», – под громкий хохот коллег закончил повествование Антонов.

Юра со студенческой скамьи был своим парнем, одним из тех людей, дружбой с которыми я дорожу. Мы находились на одной волне, когда шутили, строили планы или поносили жизнь во всех её проявлениях, смотрели одни и те же фильмы, не боялись зло подкалывать друг друга и долгие годы оставались друзьями, что само по себе бесценно. Как много тех, кто проходит вместе с нами через сито времени?

Звала я его исключительно Антохой. Языка Антонова побаивались, я же неизменно хохотала над всеми его беспощадными шутками и долгие годы обещала начать их записывать. Если я когда-нибудь решусь написать книгу, Антоха, несомненно, станет одним из главных героев.

Глава 2

Поздняя любовь

До начала рабочего дня все непременно собирались в ординаторской. Ночная смена отчитывалась по стационарным больным, обсуждались планы на день, студенты и интерны распределялись по специалистам и, конечно, без остановки работала кофеварка.

– Доктора, прошу минуточку внимания, – Антонов вошёл в ординаторскую с загадочной миной. – Как вы все знаете из курса анатомии, у человека довольно много разных отверстий и около каждого поджидает специалист. Так вот, наконец в нашей клинике начинает работать проктолог!

– Слава богу, будет куда геморрой отправлять, – улыбнулся терапевт Тёткин.

Юра плюхнулся в кресло.

– Кто напоит меня кофе за отличную новость?

Я посмотрела на его довольную физиономию.

– Как будто кроме меня тебя кто-то когда-то поит кофе, – проворчала я и пошла к кофеварке.

Заполучив чашку с живительным напитком, Антонов продолжил:

– Теперь вторая часть новости.

Я посмотрела в его хитрые глаза.

– Мне интересно, почему ты сначала дождался, когда я налью кофе?

– На случай, если тебе не понравится вторая часть.

Я заинтересовалась и села поближе к Юре, чтобы ничего не пропустить.

– Говори, – разрешила я, – кофе отнимать не стану.

Антонов обвёл ординаторскую интригующим взглядом.

– Проктолог – женщина тридцати лет от роду, симпатичная, не замужем, детей нет.

Я преувеличенно вздохнула:

– Слава богу, будет кому варить тебе кофе вместо меня.

Захар достал незажжённую трубку изо рта:

– Симпатичная и в тридцать лет не замужем? Лесбиянка или феминистка.

– А тебя почему это интересует? – спросила я его, прищурилась.

– Чтобы предварительно оценить IQ коллеги, – улыбнулся мне Малаков.

– Ты никогда не был в этом объективен, – вернула я ему улыбку.

Захар смотрел на меня своими чёрными глазами-вишнями, телепатируя: «Не ревнуй». А я ревновала. Не потому, что относилась к нему как к своей собственности – он был безнадежно и хронически женат. Я давно ответила себе на все вопросы по поводу наших отношений. Но в глубине души хотелось верить: он мой! Он не мог быть ничьим больше, потому что только со мной переставал быть колючим, только со мной открывал душу, становился беззащитным и необычайно нежным.

Если говорить о душе, то у нас она была одна на двоих, иначе невозможно объяснить, каким образом мы чувствовали друг друга, понимали всё без слов и жили одними и теми же мыслями, желаниями, ожиданиями. Я согласна была делить любимого только с пятью девчонками, называвшими его папой и ничего не знавшими о моём существовании.

Захар...

Малаков работал в клинике на полставки урологом-консультантом. Вообще, он оперирующий уролог, доктор – золотые руки. Пять лет работал на севере, практикуясь во всех хирургических специальностях, но, вернувшись в цивилизацию, по голодухе женился на плодovitой татарочке-медсестре и был вынужден растрачивать свой талант, вспахивая денежное поле: если не консультировал, то оперировал, и наоборот. Возникал естественный вопрос: когда он успе-

вал делать детей? Видимо, каждый день, свободный от дежурств, был ознаменован очередной беременностью его жены. После рождения пятой девочки Малаков решился на вазэктомию³.

Он стал болью в моей душе, то сладкой, томящей, то непереносимой, сжимающей горло и рвущей эту самую душу на части. Мы всегда были вместе и не были вместе никогда. Мы жили от встречи к встрече и продолжали чувствовать присутствие друг друга, когда расставались. Мы встретились слишком поздно, чтобы что-то менять. Мы встретились слишком рано, чтобы начать сначала.

Младшей из его дочерей исполнилось пять. Впереди ещё долгий путь, чтобы поставить девочку на ноги. Наверное, я могла бы разбить этот хрупкий семейный замок, но Захар принадлежал к числу мужчин, которых можно увести от жены, но нельзя увести от детей. И я оставила всё как есть, взяв ответственность за это решение на себя.

В ординаторскую зашёл Сирин с коробками конфет и завёрнутыми в шуршащий целлофан розами.

– Андрюха, я не понимаю, за что тебе всегда несут подарки – ты роды не принимаешь, зубы не лечишь!

Сирин устало упал на диван, предварительно небрежно бросив трофеи на стол.

– Коллеги, предлагаю в регистратуре повесить объявление: «Группа врачей, не берущих взятки, предлагает по оптовым ценам цветы и конфеты», – не унимался Антонов, раскрывая коробку и начиная беззастенчиво её опустошать.

– Я так понимаю, что оптом сбывать ты будешь мои букеты и шоколад, потому что тебе ничего не несут?

– Я недорого возьму за посредничество, – заверил Сирин Юра.

Мухин, врач ухо-горло-нос, пользуясь моментом, поинтересовался:

– Андрей, я позаимствую у тебя цветочки? Иду на свидание, – уточнил он, чтобы ни у кого не осталось сомнения в его праве на обладание букетом.

– Оставьте вторую коробку для встречи нового доктора! – крикнул из угла Сергей Сиротин, врач-патологоанатом.

– Минуточку! – Сирин поднял руку вверх. – Никто не забыл, что это мои конфеты и цветы?

– Ты принадлежишь коллективу, значит, всё, что принадлежит тебе, идёт в общак, – заявил Юра.

– Хорошо, что машина и дача зарегистрированы на жену, – отшутился Сирин, взял из уже наполовину пустой коробки сразу две конфеты и торопливо отправил в рот, словно опасаясь, что и их отнимут.

Рабочий день подходил к концу, и с каждой минутой сердце билось всё чаще. Время от времени мне приходилось делать глубокий вдох, дабы приостановить это ускорение и вернуть сердечный ритм в норму. Но стоило встретиться взглядом с Захаром, как в груди снова начало сжиматься и трепетать, словно птица-душа просила выпустить её, чтобы устремиться к нему навстречу.

Вот уже который год этот день недели был «моим» – выкроенный из лоскутков суматошной жизни, украденный у всех, кто нас ждал, бережно оберегаемый от любых неожиданных планов. День, когда, покинув клинику порознь, мы спешили на тайную встречу и, захлопнув за собой дверь в мир, превращавшийся на несколько часов в чужой и ненужный, упивались минутами бесконечного блаженства, рождённого обладанием друг другом и самими собой.

Да, именно, самими собой! Когда всё вокруг становится на свои места, исчезают волнения и страхи и остаются только покой и умиротворённость в сердце. Когда пропадает чувство раздвоенности души, находящейся в постоянном ожидании, и ты понимаешь: только теперь

³ Оперативное вмешательство с целью стерилизации.

в пазл судьбы наконец подобран давно потерянный фрагмент, без которого не складывалась картина жизни.

Подойдя к дому, я увидела, что Захар пришёл первым и ждёт меня. Я достала ключи, отперла замок и, толкнув тяжёлую дверь, вошла. Малаков шагнул следом и захлопнул дверь. Мы стояли в тёмном коридоре, и не нужно было света, хотелось просто проникнуться ощущением долгожданной близости.

– Ну, здравствуй, Солнце, – Захар положил ладони на мои пылающие щёки, и я прижала их руками, чтобы передать ему свой жар.

Высвободив одну руку, он притянул меня к себе и начал целовать в шею, щекотно покаявая небритыми щеками. Он зарастал щетиной необычайно быстро, и, на мой взгляд, это придавало ему ещё больше привлекательности и сексуальности. Но прикоснуться к Захару губами было непросто, и первый поцелуй всегда оказывался быстрым, словно пробуешь горячий чай из чашки. Но жажда пересиливала, и вот уже, обжигаясь об эти колючие губы, я не могла от них оторваться и пила это блаженство до дна.

Мне нравились его сильные руки, настолько сильные, что Захар поднимал меня, будто ребёнка, и нёс, осторожно обходя все углы. А я, прижав голову к крепкому плечу, тихонько дула ему в ухо. Не знаю почему, но уши его не оставляли меня равнодушной ни на мгновение: кусать, облизывать, перебирать языком мочку, дуть и просто разглядывать каждый завиток раковины я могла часами. Но где взять эти часы? В последнее время «мой день» не всегда оказывался моим. В плотном графике дежурств, операций, консультаций и семейных забот Захару всё труднее было найти время, чтобы выключить телефон хотя бы на пару часов. И оттого короткие минуты близости казались драгоценным даром и пролетали всё быстрее и быстрее.

Когда тебе уже за сорок, да что уж там – давно за сорок пять, за плечами распавшийся брак, в течение долгого времени казавшийся крепким; когда тебе знакомо чувство нерастроченной любви и нежности, которые некому дарить и которые мучают тебя и не дают радоваться жизни, тогда давно и жадно ожидаемая любовь вдруг вспыхивает и разгорается неудержимым пожаром. И ты уже не в силах сдержать это пламя, превращающее в пепел твою осторожность, умудрённость жизненным опытом, недоверчивость и высокомерие. И ты готова отдаться взявшимся откуда-то звериным инстинктам: узнавать его по запаху кожи, по прикосновению пальцев, по дыханию. И не нужно ни слов, ни даже взгляда, чтобы понять: это Он.

Но у каждого за плечами – жизни тех, кто дорог, кто ждёт тепла и поддержки, кто не даёт безоглядно броситься в беснующееся пламя. И ты понимаешь: поздняя любовь хрупка, как первый лед, ступать по которому нужно осторожно, чтоб не поломать неловкими шагами и не оказаться снова в ледяной пропасти одиночества...

Мы долго лежали обнявшись. Я прижимала Захара так крепко, что устали руки. Когда-то давно он смеялся, что я задушу его в своих объятиях, и шутивно пытался высвободиться, а теперь затихал, наслаждаясь минутным счастьем, когда мы ощущали себя единым целым. Отчего-то стало грустно: то ли от переполнявших чувств, то ли от пришедших на память строчек:

*С любимыми не расставайтесь!..
Всей кровью прорастайте в них, —
И каждый раз навек прощайтесь!..
Когда уходите на миг!*

Но на сантименты времени не осталось. Захар протянул руку за телефоном, и, как только его включил, раздался звонок.

– Да, – ответил он и, высвободившись из моих объятий, сел, повернувшись спиной. – Я буду через час-полтора. Это может потерпеть?

Я смотрела на прямые плечи, и первым желанием было целовать его спину, но ощущение, что он не здесь и не со мной, заставило дожидаться конца разговора. Отключившись, но не выпустив телефон из рук, Малаков обернулся ко мне.

– Солнце, у нас есть ещё час.

Но момент безмятежного счастья был разрушен, и где-то в подсознании зазвучали тревожные ноты, которые в последнее время становились всё громче и громче. Я понимала: однажды они сольются в увертюру к разочарованию, но пыталась отсрочить наступление этого мгновения.

– Ты, пожалуй, иди, – погладив его руку, ответила я. – У меня сегодня тоже наметились планы на вечер.

Я боялась услышать вздох облегчения, но Захар набросился на меня и, навалившись всем телом, крепко сжал мою голову в своих руках и посмотрел в глаза.

– Говори, что за планы, – притворно сердясь, потребовал он.

В другой раз я бы рассмеялась и перевела всё в шутку, но вдруг захотелось плакать. Не дожидаясь, когда защекочет в носу, судорога сведёт горло, а глаза наполнятся слезами, я, оттолкнувшись, перевернула Захара на спину и, усевшись на него верхом, с преувеличенно воинственным видом заявила:

– Буду заниматься устройством личной жизни!

Захар, как истинный мужчина, не понимающий никакого подтекста, удивлённо спросил:

– А я что, не личная жизнь?

– Личная. Но не моя, – ответила я и, хлопнув ладонью по его груди, словно поставив точку в разговоре, соскочила с кровати и отправилась в душ.

Через пару минут, шлёпая по паркету босыми ногами и придерживая обёрнутое вокруг тела полотенце, я вернулась в спальню, ожидая увидеть Малакова одетым и готовым попрощаться, но, к моему удивлению, он всё ещё сидел голый на кровати.

«Всё-таки чертовски привлекательный экземпляр», – мысленно попыталась пошутить я, глядя на него со стороны.

Услышав мои шаги, Захар встал, подошёл ко мне; размотав полотенце, прижался всем телом и, посмотрев прямо в глаза, прошептал:

– Прости, Солнце. Мне тоже мало этих минут с тобой.

И, припав к моим уже опухшим от его колючих поцелуев губам, снова увлёк меня в это сладкое «бессознание».

Глава 3

Незапланированная беременность

Утро понедельника началось с врачебной линейки: обсуждались планы на грядущую неделю и раздавались подзатыльники за прошлую. Получали в основном врачи за недостаточное назначение процедур, исследований и всего того, что увеличивало клинический бюджет. Я обычно пропускала эту часть мимо ушей, потому что моё дело маленькое: обследую, кого направят. Но главврач Кунцева Людмила Борисовна вспомнила сегодня и обо мне:

– Нина Викторовна, а вы почему-то давно не баловали нас своими публикациями в медицинских журналах. Смею напомнить, что это является частью рекламы нашей клиники, а не только утолением ваших авторских амбиций.

Я от неожиданности вытянула шею, чтобы разглядеть Кунцеву и убедиться, что она, действительно, обращается ко мне.

– Да-да, Нина Викторовна, я именно вам говорю, – подтвердила главная, увидев мою макушку, приподнимающуюся из-за голов впереди сидящих.

– Людмила Борисовна, чтобы писать, нужно вдохновение, интересные случаи...

– Вы хотите сказать, что случаев интересных у вас не хватает? – главврач перевела взгляд на Новикова. – Мы дадим задание заведующему отделением ультразвуковой диагностики. Пусть обеспечит доктора Лето случаями для статьи. И не только летом, но и зимой, и круглый год, – не преминула отпустить каламбур по поводу моей фамилии Кунцева. – Я так понимаю, чем сложнее случаи, тем интереснее?

Спорить с начальством я не стала, только посмотрела на Рудика и закатила глаза.

Новиков, главной чертой характера которого было угодить всем, и желательно не за его счёт, поднялся с сидения и с излишним выражением, как школьник, стремящийся отличиться перед учителем, по-пионерски отрапортовал:

– Сделаем, Людмила Борисовна, будет статья!

Я посмотрела на заведующего поверх очков, которых у меня не было, всем своим видом стараясь телепортировать мысль: «Вот ты её и рожай, дорогой».

Рудик, бросив на меня быстрый взгляд, решил прочитать моё послание позже и, отвернувшись, опустил свой угодливый зад обратно на стул.

Новиков имел репутацию очень неплохого врача, но чисто человеческие качества подкачали. Вырос он в семье, далёкой от медицины, и, встав на врачебную стезю, принялся пробиваться по карьерной лестнице как мог. Почему-то ему изначально не хватало уверенности, что знаний и профессиональных качеств достаточно, чтобы зарекомендовать себя отличным специалистом. Поэтому он постоянно искал людей нужных и, найдя, изучал их потребности, привычки и связи, дабы в правильном месте и в правильное время появиться, засветиться, отметиться, выделиться, прогнуться и оказаться пусть на чуть-чуть, но выше, чем стоял вчера. Рудик был давно женат, но упорно ходили слухи, что брак состоялся, чтобы замаять историю, не украшающую его репутацию ни как врача, ни как мужчины. Жена Новикова, женщина самая обычная, выполняла свою главную функцию – не мешать благоверному жить полноценной профессиональной жизнью и строить карьеру.

После линейки все врачи расходились по кабинетам.

На первый приём сегодня была записана пятнадцатилетняя пациентка с болями в животе. Обычно подростки приходят с родителями. Не стала исключением и Антонина. Невысокая, плотного телосложения, она производила впечатление очень беременной женщины. Я спросила мать, когда у Тони были последние месячные и как изменился её вес. Она ответила, что девочка несколько поправилась за последние месяцы, но цикл у неё нерегулярный, и они особо не следят.

– Вы тест на беременность делали?

– Вы что, с ума сошли? – женщина посмотрела на меня, как будто я обвинила её в международном терроризме. – Тоне пятнадцать лет!

С такими мамами спорить бесполезно, тем более и спорить-то не о чем: мой ультразвуковой датчик даст точный ответ на вопрос, как только я коснусь Тониного живота. Через минуту после начала обследования я знала, что Антонина примерно на седьмом месяце беременности. Однако направление у неё было на исследование органов брюшной полости, которые я и исследовала. Беременность никто не заказывал. Я написала заключение по поводу живота и упомянула, что девушка находится на тридцатой неделе. Заключение отправила с Таней в кабинет терапевта Тёткина. Татьяна, медсестра опытная, отдав документ Марку Давыдовичу, не стала дожидаться разговора с пациенткой. Тёткин, калач тоже тёртый, доложив мамаше, что ни со стороны печени, ни со стороны желчного пузыря или почек патологии нет, отправил её вместе с дочкой к Сирину.

Как только за ними закрылась дверь в кабинет гинеколога, клиника замерла в ожидании. Ждать пришлось недолго. Через пару минут по коридору разнеслись крики, и обе – пациентка и её мать – красные, как из бани, вылетели от Андрея и понеслись в приёмную Кунцевой.

– Вы за это ответите! – бушевала негодующая женщина.

Я как раз закончила осмотр очередного больного и решила сделать перерыв, зная, что гроза заденет всех. В кабинете главного врача было тихо, и в следующие пятнадцать минут никто его не покидал. Затем Кунцева вызвала кардиолога с аппаратом для снятия кардиограммы. Шума больше не было. Через час после разговора с Людмилой Борисовной мать с дочерью покинули клинику, стараясь не просто не шуметь, а остаться незамеченными.

Кунцева собрала всех участников истории в ординаторской.

– Беспрецедентный случай! – начала она. – Что вы, доктора, можете сказать в своё оправдание?

Сирин с обидой в голосе начал оправдываться:

– Людмила Борисовна, она вела себя так, словно ответственность за беременность её дочери лежит на мне! Помилуйте, если мать не видит, что её чадо на седьмом месяце, что, простите, это за мать? Какие претензии к докторам?

Людмила Борисовна хлопнула ладонью по столу.

– А претензии к докторам очень простые! Вам не стыдно пинать пациентку из кабинета в кабинет, перекаладывая ответственность за разговор на плечи коллег?

– Людмила Борисовна, но это даже не смешно, – начала я. – Она пришла на ультразвук органов брюшной полости, что я и сделала. На мою попытку сказать матери о беременности началась реакция, заниматься которой у меня не было ни времени, ни, честно говоря, желания.

Я чувствовала, что говорю всё правильно, но в душе понимала: Кунцева тоже права. Конечно, при всей нашей занятости и полной стресса работе мы зачастую стараемся ограничиться рамками своей узкой специальности, чтобы избежать лишних контактов с больным, лишних волнений. Мы стали отсекал работу с человеческим фактором как лишнюю, забыв, что именно работа с пациентом, с человеком, нуждающимся в нашем понимании и помощи, делает нас не просто специалистами в области того-то или сего-то, а Врачами. Да, больные стали другими – более капризными, требовательными, менее уважающими и благодарными. Каждый из них представляет собой комплекс проблем, которые, как головоломку из многих составляющих, нужно сложить вместе для получения чёткой картины диагноза. Но ведь мы знали, какую профессию выбирали и с какими трудностями столкнёмся. А посему ответственность за увеличение дистанции между врачом и пациентом в первую очередь ложится на наши плечи. Мы работаем для них, они приходят к нам, потому что мы согласились помогать, решать проблемы, посвящать им своё время и разделять их беды.

Так говорила нам Кунцева, и мы всё это знали и были согласны с каждым словом, но, как подростки, слушающие родительскую нотацию, оставались при своём мнении.

Сбросив нервное напряжение, Людмила Борисовна посмотрела ещё раз на наши нахмуренные брови и плотно сжатые губы и, вздохнув, сказала:

– Идите, доктора, работайте.

Выйдя от главной, мы посмотрели друг на друга и, убедившись, что мыслим по поводу случившегося одинаково, разошлись по своим кабинетам. Меня уже поджидала пара пациентов, и я начала приём.

Глава 4 Карасёва

Наша клиника с момента создания претерпевала многократные организационные пертурбации. Сначала под руководством учредителей, не имевших отношения к медицине, планировалось создание чего-то среднего между косметическим и диагностическим центром. Затем новые владельцы решили специализироваться на медицине, но планировали развивать только диагностические исследования без предоставления консультативных услуг. Наконец, пять лет назад нас выкупили толковые бизнесмены, которые наняли великолепного юриста и замечательного главного врача, и клиника набрала обороты. Помимо лаборатории, рентгенологического кабинета и УЗИ-диагностики, у нас собрался цвет консультантов различных специальностей. Пару лет назад открылся дневной стационар, что позволило тут же проводить мелкие операции и медицинские манипуляции, не требующие длительной госпитализации. Во главе быстроразвивающегося учреждения стояла Кунцева Людмила Борисовна – прирождённый главный врач. Она относилась к клинике и ко всем сотрудникам, как к своим детям.

Её правой рукой была юрист Полина Карасёва, моя близкая подруга. Когда-то мы с Антоновым и Тёткиным учились вместе с её мужем, но дружилось мне крепче с Полей. Она была младше лет на десять, но мы совершенно одинаково мыслили по всем вопросам, касающимся отношения к жизни, работе, детям, родителям... Если я в чём-то сомневалась, достаточно было набрать номер Карасёвой и договориться о встрече в нашем любимом ирландском пабе «Старый Дублин», где все проблемы решались быстро и легко.

Начинала Полина свою карьеру с работы медсестрой, где и встретила будущего мужа, но позже закончила юридический, и теперь, учитывая её знание внутренней специфики работы лечебных учреждений, равных ей среди медицинских юристов не было.

Сегодня мы встретились в пабе просто потому, что давно не сидели и не болтали по душам: всё какая-то суета, заботы. Полина была в курсе моих отношений с Захаром, но не очень их одобряла, считая, что я теряю время. Годы идут, моложе мы не становимся, и Захар с его пятью девочками казался перспективной не просто сомнительной, а совершенно никудышной.

– Я всё понимаю, но ничего не могу изменить, – неизменно отвечала я на все её доводы, – не хочу ни к кому привыкать, ни с кем мириться. Да и сама подумай, Поля, ведь посмотреть не на кого! Как в анекдоте.

– Что за анекдот? – уточнила Карасёва.

– Сидит обезьяна на берегу Нила, – начала я, уверенная, что подруга эту шутку знает, – проплывает мимо крокодил и спрашивает: «Чего это ты, обезьяна, такая умная и красивая, а сидишь одна, скучаешь?» – «Так вокруг одни крокодилы!» – отвечает обезьяна.

Поля, действительно вспомнившая старую байку, хихикнула и, скорее для проформы, поинтересовалась:

– А как вообще Захар?

Избегая прямого взгляда, я молча кивнула головой. Удивлённая моей реакцией, Карасёва оживилась:

– Ну-ка, ну-ка! Рассказывай!

Я не знала, куда деть руки, и принялась аккуратно раскладывать на столе салфетку.

– Ничего нового, Поля, – призналась я. – За столько лет пора бы привыкнуть, что у него своя жизнь, у меня – своя. Но как-то всё не получается.

Полина взяла свой телефон и отключила звонок, чтобы никто не прервал нашего разговора.

– Вы о чём-то говорили?

– А о чём?

Мне показалось на мгновение, что воздух стал густым и липким и я не могу вдохнуть его полной грудью.

– Он хоть понимает, что втянул тебя в отношения без какого-либо будущего?

– Ой, – я огорчённо махнула рукой, – никуда он меня не втягивал! Ты же знаешь, я сама была готова втянуться с головой.

Поля, грустно улыбнувшись, заметила:

– Втянулась, это точно, и где твоя голова сейчас – одному Богу известно... – Помедлив, она спросила: – А, вообще, скажи мне, у вас уже пятый год эта история продолжается?

– Шестой, – поправила я.

– Ну да, – согласилась Полина. – Вот мне интересно: неужели страсти не поутихли? Не приелось? У нас с Карасёвым каждый день одинаковый, а живём вместе не намного больше вашего.

– Ну, ты не сравнивай, – возразила я. – Мы же не живём, мы встречаемся. Если сложить, сколько чистого времени мы провели вместе, так и года не наберётся.

– Дорогая моя! Ты как будто замужем не была! – всплеснула руками Поля. – О каком чистом времени ты говоришь? Зарегистрированы по одному адресу и живём вместе – это две большие разницы, как говорят одесситы! Мало того что график работы и у него, и у меня бешеный, так даже когда мы дома, сидим каждый в своём углу!

– А чего сидите-то? – усмехнулась я.

– Да в основном с бумагами: он с историями, я с делами... Периодически переползаем к телевизору, но у нас их теперь два, так что у каждого своё кино.

– Да. – я посмотрела на Полю с прищуром. – А отложить бумаги, оторваться от экрана, зажечь свечи в спальне не пробовала?

– Ой, – подруга наморщила нос, – не превращайся только в психолога!

Она достала пачку сигарет из сумочки и положила перед собой.

– Но это ведь нормальная практика – периодически реанимировать отношения. Ни для кого не секрет, что со временем они обесцвечиваются.

– Вот именно, обесцвечиваются, – кивнула Полина. – Ни цветов тебе, ни красок жизни.

– Ну, это уж как ты сама палитру замешаешь, дорогая, – не согласилась я. – Ты ведь знаешь, от мужчин ждать – можно и не дожидаться. Надо всё брать в свои руки.

– Цветы самой себе покупать?

– А почему бы нет? – я вошла во вкус обсуждения темы. – Или представь, ты купишь цветы Карасёву!

– Он спросит, здорова ли я, – состроив смешную рожицу, предположила Поля.

– Ну, не скажи! Я представляю себе совсем другую картинку: красная скатерть на столе, белые свечи, белые розы.

– Белый воск растопленной свечи капает на скатерть, и я думаю, как его отстирывать. – в тон мне продолжила подруга.

– Ну, перестань! – воскликнула я. – Когда ты успела превратиться в тётку? Без романтики, без идей, без желаний!

– Не знаю. – Полина грустно взглянула на меня. – Мы вот недавно встречались с однокурсницами. Знаешь, к какому выводу я пришла?

– К какому? – заинтересовалась я.

– У тех, кто после школы занялся работой, связанной с искусством или спортом, ну даже стал учителем музыки или рисования либо тренером по фитнесу, у них глаза светятся, радость какая-то на лицах. А мы с институтскими дипломами – врачи, юристы. в наших глазах тоска!

– Не скажи, – снова не согласилась я, игриво сверкнув глазами, – у меня что, нет огня во взгляде?

– Ну, ты у нас отдельная песня. Ты вот даже остроты отношений не утратила за пять лет с одним мужчиной.

– Полька, так это какой мужчина! – засмеялась я.

– Или ты такая? – грустно улыбнувшись, предположила подруга. – У тебя ведь всегда всё на чувствах построено, всё гореть должно, одно слово – львица!

– Ну, так уж складывается: любить так любить, стрелять так стрелять. Хотя... – я вздохнула, – не всё и не всегда просто.

Полина кивнула, соглашаясь со мной, и, почувствовав по затянувшейся паузе, что тема исчерпана, повела разговор в другом направлении:

– Я, кстати, веду дело твоего Малакова.

Карасёва подозвала официантку и заказала ещё кофе.

– Очередная жалоба? – спросила я.

– Да, ты знаешь, много сейчас любителей сорвать лёгких денег со страховой медицины. К сожалению, далеко не все юристы в состоянии понять суть претензий и достойно защитить докторов. А потому возникает ощущение: стоит пожаловаться на врача и деньги в кармане. И это ужасно, потому что жалобщики отнимают не только время и силы: при неграмотном адвокате даже хорошие доктора попадают в опалу, причём совершенно незаслуженно! И знаешь, что я заметила? На действительно хороших врачей всегда больше жалоб!

– Это почему? – не поняла я.

– А потому, что именно они берутся за самые тяжёлые случаи и работают с самыми сложными, часто безнадёжными больными. Именно они заставляют трудиться бездельников, которым не место в медицине, и указывают непрофессионалам на их ошибки. А кому, сама подумай, это понравится?

– Я, честно говоря, не представляю, как можно разобраться в жалобе, если не разбираешься в медицине. Клинике всё-таки страшно повезло, что ты ушла в юриспруденцию и теперь защищаешь нас, – улыбнулась я.

В ирландском пабе всегда, даже в полдень, царил полумрак, создающий впечатление, что дневная суета закончилась, можно расслабиться и никуда не спешить.

Посетителей за столиками было немного. Слева от нас сидел мужчина средних лет, на мгновение показавшийся мне знакомым. В силу своей профессии я встречаю большое количество людей, лица которых не запоминаю, а потому ощущение, что этого человека я уже видела, для меня не ново. Мужчина казался сосредоточенным на своём обеде, и моё внимание вернулась к разговору с Полиной.

– Так что там с Захаром? – спросила я, продолжая тему.

Посетитель за соседним столиком расплатился с официанткой и, направляясь к выходу, остановился возле нас.

– Здравствуйте, доктор Лето, – обратился он ко мне, предварительно в качестве приветствия кивнув Поле.

– Здравствуйте, – ответила я, подумав, что, по-видимому, на память жаловаться пока грех, по крайней мере, на зрительную. – Простите, не помню вашего имени-отчества.

– Константин Михайлович, как Симонов.

Я удивлённо приподняла бровь, хотя, конечно, знала, кто такой Константин Михайлович Симонов. Просто не люблю, когда в целях привлечения внимания к своей ничем не выделяющейся персоне проводят параллели с великими.

– Ну, помните: «Жди меня, и я вернусь...»? – мужчина продолжал то ли взывать к моей памяти, то ли проверять глубину моих познаний в русской литературе.

Я по-прежнему молча улыбалась, ожидая, что он поразится моей необразованности и, махнув рукой, оставит нас в покое. Но Полина, не желая причислять себя к разряду красивых дурачек, заметила:

– Это не единственное стихотворение Симонова, и вообще, в первую очередь он военный корреспондент, журналист, прозаик и киносценарист, а уже потом поэт. Но это моё личное мнение, – закончила она своё выступление.

Впечатлённый Константин Михайлович переключил внимание на рыжую бестию, раскрасневшуюся то ли от кофе, то ли от недостатка в баре свежего воздуха, то ли от воспоминаний о знаменитых стихах Симонова. Карасёва, с вызовом глядя на мужчину своими зелёными глазами, продолжала:

– Кстати, при рождении Симонов был назван Кириллом. Вы как, тоже имя меняли на псевдоним?

Теперь мои брови действительно взлетели вверх от удивления: вот это да! Она и в литературе разбирается, не только в медицине и юриспруденции.

Наш собеседник засмутился:

– Нет, этого факта о своём тёзке я не знал. Спасибо за информацию, обязательно прочитаю и расширю кругозор.

– Почитайте, – продолжала Карасёва, – пригодится для завязывания знакомств.

– Так вы что-то хотели сказать? – подкинула я соломинку «не Симонову», чтобы вытащить из литературной трясины, в которой он увяз по уши.

– Да, собственно, просто остановился поздороваться, фамилия у вас редкая и запоминающаяся, – улыбнулся он мне очень даже премилой улыбкой.

– К сожалению, известных писателей под моей фамилией не зарегистрировано, – покачала головой я.

– Ну, желаю вам приятного дня и всего хорошего, – попрощался Константин Михайлович и откланялся.

Мы проводили его взглядом до двери и, убедившись, что мужчина покинул ресторан, посмотрели друг на друга и рассмеялись.

– Чего прицепилась к мужику? – сквозь смех спросила я Полину. – Или понравился?

– Понравился? Да ты видела, сколько он за обедом коньяка выпил? За обедом!!!

– И что тебе его коньяк? – усмехнулась я.

– А не нравится мне, – упрямилась Поля, – когда мужик выпьет и начинает вести себя так, как будто все тёлки его!

– Но мы-то с тобой не тёлки! – вновь прыснула я, видя, как подруга распяляется на ходу.

– Вот я ему и дала понять, что «тут» это вам не «здесь». Сидят две интеллигентные женщины, беседуют, попивают кофе... Кто его приглашал?

– Ну, ладно, успокойся, – примирительным тоном сказала я. – Он ко мне вообще-то подошёл, может, хотел нам кофе оплатить в качестве благодарности за оказанные медицинские услуги. Да и вообще, ничего так мужик, хорошо выглядит.

– Но ты-то его не помнишь?

– Я-то? – я пожала плечами. – Конечно нет. Если бы он мне печёнку свою показал или, скажем, татуировку вокруг пупка, это я могу вспомнить. А лица... я же на них не смотрю.

Полина засмеялась.

– И вообще, интеллект мужчины я запоминаю гораздо лучше, чем его внешность, – поставила я точку в обсуждении «не Симонова».

Полина отпила из чашки и потянулась за сигаретой, но передумала.

– Так вот, возвращаясь к Захару. – продолжила она. – Пять лет назад он делал операцию, и теперь кто-то надоумил этого прооперированного идиота подать на Малакова жалобу: якобы после операции у мужика развились осложнения и вся жизнь пошла наперекосяк. Причём, заметь, за эти пять лет он ни разу никуда не обращался, ни с кем не консультировался и если проходил какое-то лечение, то только у бабок. Я направила его к эксперту, тот дал заключение:

шов зажил первичным натяжением, послеоперационный рубец незначительный и не может служить причиной каких-либо осложнений.

– И что теперь?

– Я сообщила заявителю, что он не только не получит никакой компенсации, но и оплатит юридические расходы из своего кармана, – Полина рассмеялась. – И теперь, логично, он подаёт жалобу на меня.

– Замечательно, – я внимательно посмотрела на подругу. – А ты что?

– Мне не привыкать. Жалко только времени и нервов.

– Полин, а по-серьёзному хоть кто-то судится? Или всё склоки?

– Судятся, конечно. К сожалению, и вина врачей бывает очевидна. Я выступала экспертом в группе по большому процессу. Там неопытный хирург взялся делать операцию по удалению опухоли почки. Опухоль была просто огромной, сместила все сосуды, и, в конце концов, по ошибке доктор наложил зажим на чревную артерию. Сама понимаешь, кровь перестала поступать в кишечник, и развился некроз.

– Но ведь первые проявления некроза кишечника появляются довольно рано, можно было расшить и снять зажимы!

– Можно было, при условии, что хирург следил за больным и заметил клинику вовремя.

Но он пропустил.

– Больной умер?

– Конечно.

– Да, здесь без вариантов – врачебная ошибка.

– Я консультировалась тогда с Захаром, он сказал то же самое. А потом нашёл целый ряд ошибок, допущенных при операции. Малаков у тебя, надо признать, хирург исключительный.

– Видишь! У меня!

Полина снова рассмеялась:

– Не лови на слове.

– Ты слышала, к нам новенькую приняли, проктолога. Опять чья-то дочка?

– Нет, оперирующий хирург, решила уйти в консультанты.

– Видела её?

– Видела, но ничего определённого сказать не могу. Рекомендации отличные, выражение лица стервозное.

– Поживём – увидим, – процитировала я маму одного из моих любимых киногероев.

Уже на выходе из паба я вдруг вспомнила:

– А зачем Симонов имя поменял? С Кирилла на Константина?

– А, – Поля махнула рукой, – он картавил, да и вообще... Не мог произнести ни «р», ни «л»!

И мы, посмотрев друг на друга, снова рассмеялись.

– Мне кажется, – сказала я, – с возрастом мы становимся слишком критичными по отношению к мужчинам.

– Так вокруг же одни крокодилы! – воскликнула Карасёва.

Глава 5

Гинеколог-диетолог

В обеденный перерыв никто из врачей не шёл в кафетерий или в комнату отдыха, где в наличии имелись микроволновка и холодильник, но отсутствовала компания. Точнее, весь средний медперсонал как раз и собирался там вокруг стола, заставленного принесёнными из дома баночками и коробочками с едой. Доктора же, как настоящие борцы за здоровый образ жизни, предпочитали травить себя крепким кофе, в лучшем случае, с бутербродом. Тридцатиминутный перерыв, проведённый в ординаторской, восстанавливал силы, потраченные на пациентов, сплошь энергетических вампиров, и заряжал энтузиазмом на оставшиеся рабочие часы. Здесь же рассказывались врачебные анекдоты, как правило, из жизни, обсуждались тяжёлые случаи и ставились самые сложные диагнозы.

Исключение составлял Андрюша Сирин, которому заботливая тёща собирала и обед, и лёгкий перекус на весь длинный рабочий день. Питание коллеги было одним из пунктов в регламенте ежедневных шуток. Сирин, по телосложению, скорее, нормостеник, отличался патологическим увлечением разнообразными диетами. Антонов постоянно предлагал переделывать табличку на его кабинете из просто «гинеколог» в «гинеколог-диетолог». Если кто-то пытался сбросить вес или просто отрегулировать питание, то старался избегать разговоров на эти темы в присутствии Андрея: замучит советами. Он знал всё про калории, белки, жиры и углеводы, как комбинировать их можно и как нельзя. Последним увлечением гинеколога стала «диета пещерных людей». Он рьяно пропагандировал рацион, в который входили только жареные мясо, рыба и птица, а также растительные продукты, молоко и яйца. Всё консервированное или полуфабрикатное исключалось по определению.

Зайдя в ординаторскую, заглянув в тарелку Сирина и увидев в ней кусок жареного мяса, Антонов спросил:

– Андрюха, ты никак на охоту ходил?

– Ну, до такого экстрима я ещё не дошёл, – аккуратно нарезая мясо тоненькими ломтиками, ответил тот.

– Мне всё-таки интересно: ты в одиночестве переселился в пещеру или в компании жены и тёщи? – едва сдерживая смех, спросила я.

Новиков поморщил нос, не одобряя направление разговора.

– Тёща, я полагаю, в панике: у неё запасы муки, дрожжей, сахара на две армии в случае внезапного начала военных действий, – веселился Юра, – а жена, скорее всего, бросит тебя, Андрюха, через пару месяцев: у тебя при резкой углеводной недостаточности разовьётся импотенция пещерного человека. Я прав, Малаков?

Захар сидел в кожаном кресле в центре ординаторской и посасывал незажжённую трубку. Обычно он был сторонним наблюдателем словесных баталий с Сириным.

– Я думаю, нужно провести открытый научный эксперимент, – продолжал Антонов. – Давайте составим таблицы показателей, таких, как вес, температура тела, наличие либидо и эрекции, и будем ежедневно отмечать изменение или стабильность показателей.

– Ну, и как ты собираешься проверять либидо и эрекцию? – поинтересовалась я. – Сирина на слово верить нельзя.

– Позвольте, господа, – возмутился доктор-гинеколог, – почему же моим словам нет веры?

– В самом деле, – Антонов обращался уже ко мне, – Андрей глубоко порядочный человек, которому можно доверять. Разве что появятся добровольцы, желающие взять на себя проверку показателей?

– Не сомневаюсь, что медсестринский состав гинекологического отделения не заставит себя долго уговаривать, – подсказала я решение проблемы.

В ординаторскую заглянула Людмила Борисовна.

– О чём сегодня дискутируем, господа хорошие?

– Людмила Борисовна, Сирий встал на тропу пещерного человека, будет отращивать бороду и питаться змеями.

Кунцева, привыкшая к нашей иронии в адрес гинеколога, решила не вдаваться в подробности и ограничилась вопросом:

– А ваша супруга, она что? Тоже?

– Тоже не будет бриться? – уточнила я.

В ординаторской раздался дружный хохот.

– Моя супруга не любительница экспериментов, – предвосхитил последующие вопросы Андрей. – Она предпочитает традиционное питание, так как считает, что увлечение диетами ведёт к снижению веса и дряблости кожи.

Я закатила глаза и сделала усилие, чтобы не прокомментировать заявление по поводу потери веса. Сирий под шутки-прибаутки закончил свой обед, поднялся и пошёл по направлению к выходу, но не успел уйти: к нему обратилась Людмила Борисовна:

– Андрей Андреевич, к нам на консультацию поступила больная из области, я записала её на приём к вам и потом на ультразвук к Нине Викторовне. Она жена большого начальника, так что, когда закончите, доложите, пожалуйста, результаты обследований.

Сирий молча кивнул в знак согласия.

Через час от него пришла пациентка – молодая женщина с хронической болью в тазу неясной этиологии. Хромает, ни сесть, ни лечь не может, вижу – конкретно болит. Лечат от эндометриоза. Проглядываю записи осмотра, сделанные Сириным. Ничего особенного, ставит тот же эндометриоз. Начинаю назначенное ей обследование, на которое, как ни странно, она никак не реагирует, то есть не больно! Пациентки с запущенным эндометриозом обычно корчатся, зубами скрипят и ругаются последними словами. А тут... тишина. Не нашла я у неё ничего, что могло стать причиной таких выраженных симптомов. Уже заканчивая осмотр, решила уточнить:

– Никакой болезненности, дискомфорта не чувствуете, когда я смотрю?

– Нет, – ответила она, – там ничего не больно.

– А где больно?

Женщина показала куда-то на лобок.

Я спросила:

– Глубокая боль?

– Да я не пойму, – пожала плечами пациентка, – я могу прямо нащупать, где болит, но отдаёт в таз, спину и прямую кишку. Я иногда просто падаю на колени, потому что от боли не могу стоять...

Я принялась ощупывать лобок и спросила:

– Кто-нибудь щупал место, где болит?

Она отрицательно покачала головой:

– Нет.

И в этот момент при пальпации я нащупала образование, похожее на шнур, который тут же выскользнул из-под пальцев, и женщина закричала от боли.

Я опять пощупала, и история повторилась.

– Где больно? – спросила я.

Она вздохнула:

– Вы на что-то нажимаете, и больно везде! И в тазу, и в животе, и в спине!

Чудненко! Я сменила датчик на высокочастотный, с помощью которого исследуют поверхностные структуры, начала смотреть её лобок и нашла нечто похожее на шнур, очень подвижное, резко болезненное, без начала и конца.

Описала в своём заключении всё, что увидела, и поставила невриному под вопросом. Посадила женщину в приёмной и отправилась к Сирину.

– Посмотрела я твою пациентку. Вопрос – ты лобок ей щупал?

– Зачем?

– Затем, что у неё там болит.

Сирин посмотрел на меня без намёка на понимание.

– Я ставлю ей невриному, для информации – опухоль периферического нерва, по которому боль иррадирует по всему тазу. Сделай тётке хотя бы лидокаиновую блокаду для купирования болевого синдрома.

Я развернулась и уже на выходе из кабинета добавила:

– Да, диагноз я тебе дарю. Доложи Кунцевой, она ждёт.

Глава 6 Лужина

По сравнению с другими вузами студенческие группы в медицинском институте считались небольшими. В нашей, под номером тринадцать, было тринадцать человек. Жизнь всех разбросала не только по дальним больницам и городам, но и по разным континентам.

Лужина Саша осела в Канаде уже лет пятнадцать назад, но не теряла связи с родиной и с нами. Работала она психологом, причём практика у неё была разнообразной: от частных приёмов до участия в судебных разбирательствах и консультаций госпитальных больных. Работа, как говорится, не позавидуешь, особенно если относиться к ней с душой и старанием. А потому периодически Сашке требовалась эмоциональная разгрузка, частью которой являлись встречи со старыми друзьями. Своих детей Лужина так и не родила, поэтому приезжала с племянницей Алисой, которая в нашем понимании была звёздным ребенком. Санька старалась вложить в девочку всё, что недодали бестолковые родители, а посему Алиса в свои пятнадцать лет свободно говорила на английском, французском, испанском и русском, причём русский, пожалуй, был для неё самым неродным: на нём она общалась только с Сашей и с нами, когда приезжала в Россию. По этой причине Лужина рассматривала поездки девочки на историческую родину как совершенно необходимые в целях совершенствования языка.

В институте мы были неразлучными подругами, дневали и ночевали вместе, не вылезали из анатомички, готовясь к экзаменам. К концу учёбы у Александры родилась племянница, и она переключила внимание на воспитание малышки, а когда сестра с семьёй эмигрировала, бросила всё и уехала за ними следом.

Навещают они нас почти каждый год и, как правило, останавливаются у меня: и сын мой Димка, и бывший муж живут независимо от меня, а я независимо от них, так что условия позволяют принимать заграничных гостей.

Впервые Лужина привезла племянницу после двухлетнего отсутствия в России. Я встретила их в аэропорту, и Алиска, с разбегу бросившись мне на шею, крикнула: «Дай поцелую тебя в бородавку!» – и звонко чмокнула в подбородок. Тогда я поняла: за ней нужно записывать. И с тех пор тетрадь с Алисиными шедеврами регулярно пополнялась. То после длительного перелёта она жаловалась, что у неё «бомбошка болит», показывая на голову, то, проголодавшись, просила «кусарик», то, сложив вещи в багажник машины, сообщала: «Сумка в гаражнике». Когда я смеялась над ней, она, притворно сердясь, кричала: «Не смеись!», а на мой риторический вопрос «И откуда ты только на меня такая свалилась?» отвечала: «Нискудова».

Но любимым моим оставался случай, когда Александра, улаживавшая какие-то бумажные дела, оставила Алису со мной на пару часов и мы решили пойти в зоопарк. Уже на выходе из квартиры я обнаружила, что мой растяпа-сын забыл ключи дома и мы вынуждены его ждать. И вот, прождав два часа и понимая, что времени на зоопарк не остаётся и виноват в этом Димка, Алиса подошла ко мне и с бесконечным возмущением в голосе произнесла сакраментальную фразу: «Обязательно было его рожать?!»

Сейчас, в пятнадцать лет, она уже не задавала столь риторических вопросов и в основном все её языковые кульбиты были продиктованы тем, что многие слова и фразы, произнесённые по-русски, представляли собой прямой перевод с английского без учёта смысловой нагрузки. Утром, разбирая бельё из сушки и раскладывая его по полкам, Алиса кричала: «Куда носки идут?» И я, умирая от смеха и представляя марширующие в шкаф носки, бежала записать в тетрадь очередной шедевр. Заметив в моей квартире сваленные в углу коробки и книги и предполагая, что я готовлюсь к переезду, Алиса спрашивала: «Ты что, двигаться собираешься?»

После работы все собрались у меня повидаться с Лужиной. Помимо пары институтских подруг, Карасёва, Антонова и Тёткина пришёл Сиротин, который в своё время учился хоть

и не в нашей группе, но на одном с нами курсе. Он был непостоянной величиной в компании: то появлялся, то пропадал; после распределения, казалось, окончательно потерялся в беспросветной провинциальной глуши, но вновь влился в коллектив, когда Кунцева собрала старых друзей под крышей новой клиники. История его оставалась для многих загадочной, как и выбранная специальность. Пожалуй, все жизненные перепетии приятеля знал лишь Антонов, который, на удивление, мог хранить секреты, когда дело касалось мужской дружбы.

Готовить ни я, ни Шурка не любили, а потому заказали в ресторане суши, которыми могли питаться хоть каждый день, а также пару коробок с пиццей, чтобы накормить Тёткина с Сиротиним, принципиально не признающих сырую рыбу.

После рабочего дня все были голодные, и суши разлетались молниеносно. Тёткин единолично завладел коробкой с пиццей, не намереваясь ни с кем делиться. Как обычно, говорили все одновременно, перебивая друг друга; не дослушав одну историю, начинали рассказывать другую, тут же обсуждали последние случаи, делились информацией по новым препаратам и при этом успевали жевать и, конечно, выпивать.

– Тёткин, оторвись от пиццы! – перекрикивая всех, потребовал Антонов. – Тебе уже операцию надо делать по удалению правого лёгкого!

– Чего это? – вытягивая из коробки очередной ломоть, удивлялся Марк. – У меня с лёгкими проблем нет.

– С лёгкими-то нет, – продолжал Юра, – а вот печень уже не помещается: посмотри на свой авторитетный живот.

Саша замахала на Антонова руками:

– Подавлюсь! Не смеши! – и, отправляя в рот крошечный кусок сырой рыбы, опрокинула на себя соевый соус, который большим пятном растёкся по её светлым джинсам.

– Как была кляксой, так и осталась, – засмеялся Юрка, показывая на Санькины штаны.

– Точно! Ты же на первом курсе была Клякса! – вспомнила я.

– Ну да, она всегда писала чернильной ручкой и таскала её в кармане, на котором оставались пятна, – подтвердил Карасёв.

– Ага, её профессор по физиологии так и звал: Клякса, – согласился Юра.

– Не по физиологии – по анатомии, – возразила Александра.

В комнату заглянула Алиса.

– О! Ребёнок! Иди сюда! – позвал Юра. – Рассказывай, как живут дети в Канаде, чем занимаются в свободное от школы время.

Алиса, ничуть не смущённая всеобщим вниманием, начала рассказывать об уроках конного спорта, в котором весьма преуспела за последние годы.

– А ещё я заканчиваю курсы спасателей и буду работать в бассейне, – добавила девочка.

– И чего ты там будешь делать? – уточнил Карасёв.

– Людей ловить, – серьёзно ответила Алиса, и все начали хохотать, а я побежала за тетрадкой, чтобы записать очередную фразу.

Сидели мы допоздна. Кроме суши и пиццы, съели торт, потом из холодильника выгребли мороженые пельмени, которые Лужина взялась варить и благополучно об этом забыла, а потому вместо пельменей мы ели кашу из варёного теста с катышками соевого мяса. Но было очень вкусно, как давно, в студенческие годы, когда вот так же собирались, смеялись и орали всю ночь, перекрикивая друг друга, чтобы утром безголосыми, невыспавшимися, но счастливыми опять встретиться в институте.

Я смотрела на смеющихся друзей, безостановочно говорящих, размахивающих руками, потолстевших, полысевших, надевших очки, и думала о том, как дороги они мне, как близки и понятны, независимо от расстояния между нами, независимо от нашего возраста. В душе мы остались всё теми же кляксами – молодыми, сумасбродными. Несомненно, медицина изменила наши характеры: при той серьёзности и постоянной ответственности, которые лежат на нас,

важно уметь находить эмоциональную разрядку, чтобы не стать ипохондриками, не впасть в депрессию и не очерстеть душой. Оттого все медики немного сумасшедшие, циничные, но при том глубоко душевные люди, остро ощущающие вкус жизни, потому что знают ей цену.

Перебив после ухода гостей посуду, мы забрались с Санькой на диван; прихватив по бокалу вина, укутались в плед и замолчали: столько встреч и разговоров за вечер! Эмоции и воспоминания переполняли и требовали тайм-аут.

– А как твой Лето-муж поживает? – нарушила тишину Шура.

– Поживает, – ответила я. – Видимся нечасто, у него молодая жена и маленький сын, – я отпила вина и продолжила: – А мы с Димкой уже взрослые и внимания много не требуем.

– Подожди, как сын? – удивилась Саша. – Ты мне ничего не говорила!

– А чего тут говорить? – заметила я. Тема разговора особого энтузиазма у меня не вызвала. – Живёт под пятой, точнее, под каблуком, точнее, в ежовых рукавицах... – я помолчала, соображая, правильный ли речевой оборот применила после всего выпитого.

Лужина, подливая ещё вина в свой быстро пустеющий бокал, хихикнула.

– Шура, вот ты, в конце концов, психолог. Крутой психолог! – махнула я для убедительности рукой, чудом не окропив плед вином. – Вот ты мне, как крутой психолог, объясни...

Лужина кивнула, стараясь сосредоточиться.

– Жили мы вместе почти, страшно сказать, двадцать лет, женились по молодости, по глупости, но ведь по любви! Общие друзья, интересы, учились вместе, сын, блин, общий!

Саша, ещё раз кивнув, подлила мне вина.

– Я никогда – ты слышишь? – никогда его не строила, не учила, не отчитывала! Мы реально были друзьями, любили одни и те же вещи, думали одинаково! Ну, что ещё надо?

– Не ори, – попросила Сашка, икнув, – я не глухая.

Приглушив голос, я продолжила:

– И вот через двадцать лет он уходит. Среди полного благополучия, без скандалов! Просто стали чужими в один момент! Уходит не только от меня с сыном – от всех друзей, чтоб не пересекаться с нами.

Лужина снова икнула.

– Тебе воды налить? – спросила я.

– А что, вина больше нет?

Мы посмотрели друг на друга и начали хохотать, толкая друг друга, разлив Санькино вино на мои джинсы, вытирая слёзы и размазывая остатки потускневшего за вечер макияжа. Отсмеявшись, мы враз замолчали, и в наступившей тишине я вдруг икнула.

Тут же начался новый приступ смеха, мы соскочили с дивана и стояли, согнувшись пополам, пытаясь восстановить дыхание и прекратить икоту. Наконец, измождённые, упали на ковёр, стащили на пол диванные подушки и, устроившись, затихли.

– Ну, так как там Лето-муж поживает? – опять спросила Саша, но я только махнула рукой, потому что смеяться сил больше не было.

– Я ведь всегда считала, что уважение и взаимопонимание – краеугольные камни счастливого брака, – вернулась я к своим нетрезвым рассуждениям. – И вот, оказывается, свобода, которая всегда была основой нашей семьи, ему на хрен не нужна. Ты понимаешь? Не нужна!

– Не ори, – опять напомнила Лужина.

– Он сейчас под полным контролем: куда пошёл, с кем, во сколько прибыл на место назначения, чем занимался поминутно, от кого пришли сообщения на телефон, кто звонил, кому звонил.

Я распалась всё больше и больше, уже даже не пытаясь приглушить голос.

– Они дерутся! Ты можешь себе представить? – орала я, размахивая руками.

– Могу, – кивнула Шура.

– Он ходит с расцарапанной мордой лица! Ты видала такое? Мужу полтинник!

– Видала, – подтвердила подруга.

Устав от собственных эмоций, я упала на подушку и уставилась на Лужину.

– Ну, твой диагноз?

– Это любовь, – глубокомысленно изрекла Сашка.

– То есть ты хочешь сказать, что у нас была не любовь?

– И у вас любовь, – кивнула она.

– И почему он ушёл?

Лужина потянулась к бокалу, но, увидев, что он пуст, оглянулась в поисках бутылки.

– Вино ещё есть?

– Нет, всё выпили. Есть пиво, но тёплое.

– Нет, пиво завтра, – вздохнула Александра.

– Ты не отвлекайся, – напомнила я подруге о нашей беседе.

– Я не отвлекаюсь. – Шура поправила подушки за спиной. – Ты сама сказала «в какой-то момент стали чужими».

– Ну, – согласилась я.

– Просто чужими вы стали до того, как это почувствовали. Отдаление происходит незаметно: время проводите порознь, спите под двумя одеялами, ужинаете в разное время...

– Но так все живут! Медовый месяц не вечный!

– Все живут, пока катятся по накатанному. Жалуются, а менять что-либо боятся. Твой тоже не ушёл бы, если бы не встретил ту акулу. Она его сожрала.

– Ага, – согласилась я, – и не подавилась.

Мы помолчали.

– А ты думаешь, я ушла бы, если бы встретила Захара тогда?

– Не-а, – Лужина покачала головой. – Хотя. Если бы Захар не был женат, может, и ушла бы. Кстати, как у вас?

Я махнула рукой:

– И хорошо, и никак. Тянет друг к другу, иногда кажется, дышать без него не могу. А иногда ненавижу.

– За то, что не твой?

– Нет, за то, что не могу решиться и порвать. Знаю, что всё так и будет, никуда он из семьи не уйдёт, а порвать не могу.

– А надо, – Саша зевнула. – Пока из этих отношений не выйдешь, ничего у тебя нового не будет.

Я бросила на подругу притворно сердитый взгляд.

– Так себе ты психолог, скажу я. Ты должна на позитив меня настраивать, а ты на большую мозоль давишь.

– А я не психолог тебе, а друг. Друг не может быть психологом, а психолог – другом. Меня лицензии лишат, если нарушу это золотое правило.

– Ага, где твоя лицензия, а где мы, – усмехнулась я. – Если только я в Канаду не отпрапорую, что ты на работе бухаешь и консультируешь подругу детства.

– Отстань, – отмахнулась Шурка. – Дай хоть тут мозгам расслабиться. Ты без меня никогда не могла со своими мужиками разобраться. Вот даже сейчас приходится к тебе приезжать.

– За что я тебя и люблю! – воскликнула я и, придвинувшись поближе, обняла подругу изо всех сил.

– Всё! Спать! – скомандовала Лужина, вырвавшись из моих цепких объятий, и, глянув на часы, стрелки которых приближались к пяти, мы повалились на подушки и мгновенно, как в молодости, заснули.

Глава 7

Рабочие будни

Утром в регистратуре меня поджидала Оксана.

– Нина Викторовна, могу я с вами посоветоваться? – обратилась она ко мне.

– По поводу?

– По поводу одного телефонного звонка.

– Почему со мной?

Оксана замялась:

– Другие всегда смеются.

Я подумала и не стала признаваться, что смеюсь не меньше других.

– Давай, – выразила я согласие помочь.

– Вчера в регистратуру позвонил мужчина и спросил, может ли он получить информацию о больном Беленьком из дневного стационара. Я поискала в журнале наблюдений и сказала, что пациент находится в удовлетворительном состоянии, послеоперационный период протекает хорошо, все анализы в норме, швы собираются снимать через день, затем планируется физиотерапия, которую можно будет проходить амбулаторно. Он сказал: «Спасибо». Я спросила: «А вы кто, родственник?» И он ответил: «Нет, я сам Беленький». Я удивилась, зачем же он звонит, а он говорит: «Потому что мой доктор ничего мне не сообщает».

Я с трудом сдержалась, чтобы не засмеяться. Вообще, с учётом того, сколько раз за день я делаю каменное лицо, выслушивая высказывания пациентов, регистраторов, а порой и коллег-докторов, мне не нужны ни ботокс, ни гели: натруженные мимические мышцы гарантируют отсутствие морщин.

– Я теперь переживаю, – прервала ход моих мыслей Оксана, – а вдруг доктор не делился с пациентом информацией по какой-то особой причине, а я нарушила его тактику.

Тут у меня начало сводить скулы, я всё-таки улыбнулась и немного закашлялась.

– Вообще, ты уже не маленькая, должна сначала спросить, кто звонит. Выдавать информацию о пациентах строго запрещается. В данном случае ты ничего не нарушила: получать информацию о себе самом можно. Но на будущее учти: бери номер телефона звонящего и обещай передать доктору.

– Спасибо, Нина Викторовна, – пролепетала девушка.

А я, продолжая покашливать, заторопилась в ординаторскую поделиться с докторами историей о пациенте Беленьком. В ординаторской никого не было, и мне пришлось терпеть до вечера.

В кабинете Таня встретила меня вопросом:

– Нина Викторовна, помните двух пациенток Сирина? В прошлом году он диагностировал два рака шейки матки за неделю?

– Да, говорил ещё «закон парных случаев». Мы одну из них, Светой зовут вроде бы, наблюдали пару раз после операции и после радиотерапии. А почему ты вспомнила?

– Сегодня вторая из них была на рентгене, я с рентген-техником разговаривала. Вы не поверите: у неё опухоль проросла в мочевой пузырь и прямую кишку, метастазы везде! Девочки говорят, никогда не видели такого случая. Серьёзно!

– Я не очень её помню, она на УЗИ была один раз и то отказалась от полного осмотра.

– Да-да, это она! Вы тогда сказали, что яичники плохо видны через брюшную стенку и нужно сделать полное исследование гинекологическим датчиком, а она отказалась.

– Хозяин-барин, – вздохнула я. – Только не понимаю, зачем приходите на осмотр, если ты отказываешься от половины исследования. Это не мне нужно. Или ты пришёл за диагнозом,

или зачем вообще пришёл. Люди – странные существа, – поделилась я с Таней жизненными наблюдениями и открыла приём.

День начался с противного мальчишки пяти лет, которого привели на УЗИ пупочной грыжи. Родители его относились к категории воспитателей, ни при каких обстоятельствах не говорящих «нет» и «нельзя» своему чаду. Вполне естественно, что самое чадо быстро стало исчадием ада и в столь юном возрасте уже совершенно точно знало, как манипулировать простодушными взрослыми. Глядя на резвящегося малыша, бегающего по кабинету, толкающего стул на колёсиках, на котором я сижу, пинающего маму и бабушку, я едва сдерживалась, чтобы не стянуть с паршивца штаны и не всыпать по первое число.

Через пару минут этого шоу я, сожалея о потерянном времени, поймала маленького прохиндея за руку и грозно сказала:

– Ложись на спину и лежи спокойно, а иначе я заберу тебя к себе, а маму и бабушку отправлю домой!

Мальчишка не поверил, вырвался и продолжил свой цирковой забег по периметру комнаты. Я обратилась к маме:

– Выйдите из кабинета, или я отменяю обследование.

Женщины вышли, и я тут же закрыла за ними дверь. Не ожидавший такого поворота событий хулиган рванул следом, но я, прокатившись на своём стуле ему наперерез, преградила путь и прошипела:

– Ложись!

Мальчишка онемел и послушно лёг на спину. Я быстро посмотрела его живот, измерила грыжевой мешок и грыжевое отверстие, вытерла гель с кожи маленького дьявола и спросила:

– К маме хочешь?

Он кивнул. Я открыла дверь, за которой, прислушиваясь к происходящему в кабинете, стояли обеспокоенные родственники.

– Забирайте своё счастье, – сказала я.

Мальчишка спокойно дошёл до порога, зыркнул на меня глазами и пулей вылетел в коридор, едва не сбив бабушку с ног. Я с облегчением смотрела вслед удаляющемуся семейству.

Не люблю маленьких детей. Точнее, я люблю детей, которые с малолетства ведут себя по-взрослому, с которыми можно общаться на равных, даже если им два. Таких детей я обожаю и уважаю их родителей. Тем же, которые воспитывают маленьких монстров, несколько не заботясь об окружающих, я могу лишь посочувствовать, зная, в какой кошмар может превратить их жизнь ни в чём не знающий ограничений ребенок, когда станет подростком. Но, как говорит наша старшая медсестра Олимпиада Петровна, «их сало, они и мажься». А я порадовалась тому, что дети нечасто посещают мой кабинет.

К слову сказать, подобное шоу-поведение присуще и взрослым. Периодически ко мне заявляются дамы, которые требуют, чтобы муж присутствовал во время исследования. И тут начинается показательное выступление: она и жалуется, и плачет, и кричит, чтобы я не делала ей больно, не нажимала, не поворачивала и т. д. У меня среди постоянных пациенток две такие актрисы. Одну из них я отказалась смотреть в присутствии супруга: она своими криками и плачем пугает ожидающих в очереди. Без него она ведёт себя совершенно нормально, рассказывает жалобы и беседует на отвлечённые темы. Вторую актрису я продолжаю смотреть с мужем: уж больно хороша, чертовка. Я бы выдвинула её на «Оскара», но снимать скрытой камерой запрещено.

Нуждаясь в перерыве для восстановления сил после общения с маленьким энергетическим вампиром, я заглянула в кабинет Сирина.

– Андрей, что там сегодня с твоим «парным случаем» по раку шейки?

– А, это... – Сирин махнул рукой. – Год назад, когда я предлагал ей операцию и химию, она чуть не плюнула мне в лицо, заявив, что в сорок лет у неё достаточно мозгов, чтоб не

соглашаться на наши варварские методы, и достаточно сил и резервов организма, чтобы справиться с болезнью. Сегодня компьютерная томография показала шокирующий результат само-лечения.

– Печально, – сказала я.

– Да, в двадцать первом веке некоторые до сих пор отрицают достижения медицины и предпочитают умирать из-за банального отсутствия лечения.

– А что со второй, со Светой?

– Света – молодец, придёт к тебе на УЗИ через неделю. Метастазов нет, всё чисто. Будем наблюдать.

– Будем наблюдать, – эхом повторила я и вышла от Сирина.

Вернувшись в кабинет, я обнаружила Таню с очередной пациенткой. Женщина тридцати лет была направлена на исследование щитовидной железы с клиническим тиреотоксикозом (повышенной функцией). Пришла она на консультацию из областного центра, где уже провели ультразвуковое обследование. В заключении говорилось, что железа атрофирована, в связи с чем исследование железистой ткани затруднено.

Лечащий врач в попытке связать атрофию (при которой функция, как правило, понижена) с повышенной функцией, наблюдавшейся у больной, решил перепроверить и направил женщину к нам. Начав осмотр, я обнаружила, что у пациентки в месте типичного расположения щитовидной железы её нет вообще. То есть предыдущий диагност, не найдя железу, отписался атрофией. Уточнив, не было ли у пациентки в прошлом операций по поводу удаления железы, я начала обследовать всю шею и нашла образование, по всем признакам напоминающее щитовидку, в подъязычной области. Довольно редкое, нетипичное расположение, но случается. В толще органа располагался узел, подозрительно похожий на злокачественный.

Закончив обследование, я подписала заключение, в котором рекомендовала провести исследование с радиоактивным йодом для подтверждения атипичного расположения железы, а также определения характера узла, и включила в рекомендации проведение биопсии под контролем УЗИ.

Через неделю женщина пришла к нам на биопсию, и ещё через пару дней Сиротин подтвердил мой направительный диагноз «папиллярный рак щитовидной железы». Пациентка вернулась в клинику с благодарностью. Я отправила её к Тёткину, который, собственно говоря, и засомневался в результатах первичного УЗИ-осмотра больной. Но всегда приятно осознавать, что я делаю свою работу хорошо.

Глава 8

Юмористы

Очередная пациентка, записанная на утро, не явилась, и я, воспользовавшись неожиданным перерывом, решила выпить кофе. В ординаторской было пусто: начало рабочего дня – обычно самое занятое время. Сварив кофе, я открыла холодильник и обнаружила, что ни молока, ни сливок нет. Чёрный я не люблю, а потому решила проверить на наличие сливок холодильники в других ординаторских и в кафетерии.

Первым на пути был кабинет Кунцевой. Заглянув в приёмную и никого не застав, я обошла рабочий стол и открыла маленький холодильник, зажатый между шкафом и тумбой. В тот же момент открылась дверь и главврач собственной персоной обратилась ко мне с вопросом:

– Нина Викторовна, могу я вам чем-то помочь?

Нимало не смутившись, я обернулась к Кунцевой.

– Пытаюсь стащить сливки для кофе, но пока безуспешно.

– Я как раз послала Наташу в кафетерий: у нас тоже закончились. Придётся вам подождать.

– Спасибо, Людмила Борисовна, я, пожалуй, подожду попозже.

– Нет, вы не торопитесь. У меня есть разговор. Я направляю к вам женщину на биопсию молочной железы. Интересный случай: на маммограмме и на ультразвуковом исследовании определяется образование, по всем показателям доброкачественное. Основной симптом – боль, причём болевой синдром необыкновенный: пациентка жалуется, что примерно в течение года чувствует сильное жжение и стреляющую боль в молочной железе, когда принимает холодный душ или купается в бассейне. Последнее время отмечает усиление боли, которая стала появляться даже при простом прикосновении к груди. Женщина не может носить бюстгальтер и любую облегающую одежду. Онкологических заболеваний в истории нет.

– Гломусная опухоль, – заметила я сама себе.

– Простите, что вы сказали?

– Гломусная опухоль – *glomus tumor*. Я описывала подобный случай в моей статье три года назад. Довольно редко встречается в молочных железах.

– Только посмотрите, какая вы у нас умница, Нина Викторовна! А ведь все ставят фиброаденому, даже наш маммолог! И никто не может объяснить характер боли.

– Эти опухоли довольно редкие и чаще развиваются под ногтями, на стопах или кончиках пальцев. В молочной железе бывают исключительно редко, в литературе описано немного случаев. Выглядят они, действительно, как обычные доброкачественные фиброаденомы. Единственный способ избавиться от боли – удалить образование.

В этот момент в приёмную зашла Наташа с упаковкой сливок для кофе.

– Как раз вовремя, – Кунцева открыла дверь в свой кабинет, – Нина Викторовна, проходите, а вы, Наташа, сообразите нам с доктором кофейку, мы вас заждались.

На конец рабочего дня ко мне был записан Антохин итальянец Луиджи. Накануне предупреждённая о визите старика, я попросила Юру научить меня двум основным командам: «дышите» и «не дышите». Антонов записал мне на бумажку «*respira*», что очень похоже на латинское слово «дышать», и «*provare a scoreggiare*», которое ни на что не похоже, а потому я повторяла весь вечер, чтобы запомнить.

И вот пациент пришёл на осмотр, я, улыбаясь и объясняясь жестами, начала его смотреть. Но старикан попался непонятливый, более того, когда я просила его не дышать, он начал хохотать до слёз и пару раз от смеха даже оконфузился – пустил газы. В медицине всякое случается, тем более Луиджи жаловался на вздутие живота. В конце концов, кое-как закончив

осмотр и написав заключение, я вышла из кабинета, в прямом смысле подышать свежим воздухом.

Чтобы поделиться впечатлением о больном, я заглянула в ординаторскую в поисках Антохи, но, кроме Захара, там никого не было. Я зашла и начала рассказывать ему историю о смеющемся, беспрерывно газующем старике, и Малаков, сначала смотревший на меня с непониманием, вдруг начал хохотать, вытирая слёзы, струившиеся по небритым после ночного дежурства щекам.

Я рассказывала, конечно, с целью повеселить, но степень реакции показалась мне чересчур выраженной. Я прервала своё повествование и пристально посмотрела на Захара.

– Ты чего ржёшь?

Но он только хватал ртом воздух, как рыба, выброшенная из воды, и уже начал икать. Я заподозрила что-то неладное, подошла ближе к креслу, на котором сидел Малаков и, придавив своим коленом между его ног, прошипела:

– Колись!

Захар потянул меня к себе, и я плюхнулась к нему на колени.

– Обещай никого не убивать, – попросил он, продолжая хихикать.

– Что ты имеешь в виду? Говори немедленно!

В ординаторскую заглянул Сиротин:

– Вы чего тут обнимаетесь? – расплылся он в улыбке.

– Я пытаюсь усмирить Нину Викторовну после осмотра итальянца, – объяснил Малаков, продолжая удерживать меня в своих объятиях.

Сиротин влетел в ординаторскую и, потирая руки, словно в предвкушении чего-то интересного, спросил:

– И как прошло?

Я вскочила с коленей Захара и, уже не на шутку сердясь, набросилась на Сергея:

– Сирота, ты, похоже, тоже в курсе! Что, вашу мать, происходит?

Оба ржали не переставая. Наконец Сиротин выдавил сквозь смех:

– Залезь в Google и переведи фразы, которые тебе дал Юрка.

До меня начало доходить, что старая сволочь Антонов сыграл со мной злую шутку. После драки кулаками не машут, но я всё-таки залезла в Интернет и нашла русско-итальянский переводчик. Как я и предполагала, «respira» означало «дышите», но «provare a scorreggiare» не имело ничего общего с «выдохните», как преподнёс Антонов. В переводе говорилось «попробуйте...» О боже! «попробуйте... выпустить газы!!!» Теперь я поняла, почему так веселился старикан и всюду пукал.

Мне стало плохо. От обиды и возмущения накатила тошнота.

– Вот гады! И вы всё знали! И ты! – я метнула взгляд-молнию в сторону Малакова.

– Да ладно, не переживай, – Сиротин хлопнул меня по плечу. – Отличная шутка! Давно мы так не веселились.

Захар старался не смотреть мне в глаза, что подтверждало: конечно, он тоже знал.

– Не злись на Малакова, он был против, но мы взяли с него слово.

– Значит, тебе твоё слово дороже того, что пациенты будут считать меня полной идиоткой? – накинулась я на Захара.

– Не преувеличивай, – Сиротин пытался сгладить ситуацию, – Антонов подготовил старика, сказал, что в связи с его основной жалобой на вздутие живота мы должны провести специальный тест, и пусть он не удивляется, если доктор попросит его выпустить газы – это нужно, чтобы оценить работу кишечника.

Сергей с Захаром снова не сдержались и заржали. Я смотрела на смеющихся заговорщиков и думала: «Убью собаку!» С криком «Где Антонов?» я вылетела из ординаторской и понес-

лась к его кабинету. На дверях красовалась записка: «Доктор Антонов, в связи с конференцией по гериатрии, будет отсутствовать до конца недели. Просьба обращаться в регистратуру».

Глава 9

Конференция

Раз в полгода в больнице, где работал Захар, проводились конференции.

Как правило, первые докладчики переливали из пустого в порожнее: обсуждали вопросы о страховой медицине, статистике, организации здравоохранения в масштабах страны и отдельно взятого лечебного учреждения. Но во второй части «марлезонского балета» удавалось стать свидетелем чего-то действительно интересного и стоящего внимания профессиональной публики. Я старалась не пропускать ни одной конференции. Во-первых, в больнице меня всегда преследовала ностальгия: воспоминания о проведённых в этих стенах студенческих годах подстерегали буквально на каждом шагу. А посему тянуло вновь пройти по длинным коридорам, слиться со сплошным потоком людей в белых халатах, снующих туда-сюда студентов и шаркающих больничными тапочками пациентов. Во-вторых, интересные доклады коллег всегда стоило послушать вживую, а заодно пообщаться с друзьями, с которыми нечасто удаётся встретиться в силу занятости.

В этот раз на конференцию я попадала только после большого перерыва на обед. Судя по списку тем докладов, в плане лекций я ничего не теряла, но вот времени на общение оставалось немного. Захар присутствовал на всех выступлениях с утра и перед перерывом прислал мне сообщение, что следующий доклад будет делать госпожа Сирина и он советует мне поторопиться, дабы не пропустить самое интересное. Я ответила, что рада бы разделить с ним сие знаменательное событие, но по не зависящим от меня причинам выступление пропущу. Правда, очень надеюсь, что Захар приложит все свои умения и с чувством ответственности дословно запротоколирует речь моей «любимой» пациентки.

Подъехав к зданию больницы, я обнаружила, что найти машине пристанище не так-то просто. Обычно мы приезжали вместе с Захаром, у которого зарезервировано место на стоянке для сотрудников. Я петляла среди рядов автомобилей, высматривая свободное окошко, и думала, что каких-то двадцать лет назад никакой парковки здесь не было, так как на автомобилях ездили единицы, а большинство пользовалось общественным транспортом. Наверное, поэтому мы гораздо реже опаздывали, а уж если опаздывали, то все вместе, потому что ехали в одном автобусе.

В огромной раздевалке на первом этаже толпились люди, хотя никто не сдавал в гардероб куртки и плащи: погода стояла слишком тёплая для последних майских дней. Голоса сливались в единый гул, но тут и там слышались возгласы тех, кто пытался перекричать остальных, обычно заглушаемые смехом. Потолкавшись немного среди чужих спин и локтей в поисках знакомых лиц, я выбралась в коридор с лифтами. Прямо передо мной медленно разъехались двери одной из грузовых кабинок, способной вместить как минимум две каталки с больными. Я зашла в лифт и стала ждать, когда кто-нибудь присоединится ко мне, потому что гонять грузовой для одного человека казалось мне непозволительной роскошью. Буквально через мгновение послышались приближающиеся голоса, компания горячо спорящих о чём-то докторов ввалилась в кабину, и не спрашивая, какой мне этаж, кто-то нажал на пятый. На шее у каждого из моих попутчиков висело по бейджику с именем и регалиями, откуда я почерпнула информацию, что оказалась в компании онкологов.

Лифт двигался медленно, и, проехав пять этажей без остановок, я узнала студенческие прозвища всех этих лысых умных дядек, а также пару глупых историй с участием тех, кто выглядел умнее других. Выходя, смеялись все, включая меня. Невдалеке я увидела Сиротина, который стоял с тарелкой в одной руке, пытаясь жестиком удержать другую, в которой держал бутерброд. Не знаю, что в его речи, произносимой с набитым ртом, могли разобрать слушатели,

но выглядели они довольно заинтересованными. Аккуратно обойдя Сиротина сзади, чтобы миновать траекторию движения бутерброда, я похлопала коллегу по плечу.

– Привет, где наши?

– О! – воскликнул Сергей и махнул рукой с тарелкой так, что две оливки соскочили и покатались по полу. – На ловца и зверь! Нинуля, – продолжил вдохновлённый какой-то идеей Сиротин, – я вот рассказываю докторам о нашей с тобой находке.

– Которой? – спросила я, так как интересных диагнозов мы с нашим замечательным патологоанатомом, действительно, ставили много.

– Нейроэндокринная опухоль груди, – Сиротин, видимо, ожидая, что теперь лидерство в обсуждении вопроса перейдёт ко мне, откусил добрую половину бутерброда.

– Да, на самом деле, прошёл такой случай, – подтвердила я. – Причём женщина является нашей постоянной пациенткой в течение многих лет, регулярно делает маммограмму. Так что мы наблюдаем её каждый год. За месяцы, прошедшие с момента последнего обследования, в груди развилось образование размером три сантиметра со всеми признаками злокачественности.

Сиротин, жуя, кивал, подтверждая мою информацию и поощряя рассказывать дальше.

– На самом деле, – кивнув в сторону Сиротина, продолжала я, – заслуга в поставленном диагнозе принадлежит не мне. Я диагностировала злокачественное образование, а уж ценность находки определил товарищ патологоанатом.

Сергей довольно улыбался.

– Кстати, доктор, как настоящий профи, столкнувшись с редкой патологией, проделал достаточно большую работу по изучению всех гистологических форм и видов и дал рекомендации лечащему врачу по дальнейшему обследованию больной. И. – я сделала паузу и посмотрела на Сиротина, словно передавая ему эстафетную палочку.

–.. И в результате выявлены метастазы в кишечнике и поджелудочной железе, – наш патологоанатом снова был на своём коньке.

Я опять тихонько спросила его:

– Где все?

– Кунцева там, – махнул рукой он, и я, похлопав Сергея по спине и кивнув его собеседникам, отправилась на поиски других знакомых лиц.

Вдалеке видна уже была Людмила Борисовна, с новой причёской, аккуратным макияжем и в новом платье, открывающем её безупречные ноги. Надеть такое в клинику она вряд ли бы осмелилась. Я невольно засмотрелась на Кунцеву, казавшуюся лет на пять моложе себя вчерашней, и подумала, как мы привыкаем друг к другу на работе и насколько по-другому выглядим вне её стен.

Не успев дойти до главной, я была остановлена своим бывшим одноклассником Карасёвым, который тут же потащил меня в противоположную сторону, туда, где собрались бывшие выпускники моего курса.

– Где Антоха? – спросил он.

– Эта старая сволочь предпочёл рыбалку встрече с друзьями, – ответила я.

– Открытие сезона! – словно оправдывая Юру, понимающе кивнул Карасёв.

Обсуждали, кто кого в последний раз видел, кто поменял работу и куда собирается в отпуск. Разговоры при каждой встрече повторялись одни и те же, но казалось, именно это самое важное и интересное, а потому информация должна обновляться минимум раз в полгода. Все потихоньку кружили вокруг столов, накрытых в фойе перед актовым залом, нагружая тарелки закусками и бутербродами и за непринуждённой беседой постепенно передвигаясь к подносам с фруктами и сладким.

Глядя на это изобилие, я решила, что заслуживаю хотя бы фруктовый перекус. Взяв тарелку и украсив её самой аппетитной виноградной гроздью, я шагнула к столу с десертами.

Переживая муки выбора, я не могла оторвать взгляда от миниатюрных пирожных, клубничек в шоколаде, вафель с кремовыми розочками. И вдруг не увидела, но почувствовала, что кто-то беспардонно отщипывает виноградины от моей грозди. Возмущённая до глубины души, я развернулась. За мной стоял улыбающийся Захар.

– Мелкий воришка, – прошипела я.

– А крупного у тебя воровать нечего, – парировал Малаков и протянул руку к моей тарелке.

– Ну уж нет, – я спрятала фрукты за спиной, – это суперлень! Почему обязательно таскать моё, когда прямо перед тобой целый стол!

– У тебя вкуснее, – послышалось сзади, и кто-то снова покусился на мой виноград.

По голосу я поняла, что это Сиротин и что против этих двух аппетитов-гигантов битву мне не выиграть, а посему протянула свою «добычу» Захару:

– Ешь и помни мою доброту!

По громкоговорителю сообщили, что следующая лекция начинается через пять минут и всех просят занять свои места.

– Как ты могла пропустить Сирину! – подтрунивал надо мной Сиротин. – Рудик весь доклад просидел с закрытыми глазами, а я пытался угадать, спит или наслаждается.

Захар откровенно захохотал.

– Новиков закрыл глаза после первой её фразы: «Мой доклад относится к врачам всех специальностей, так что прошу *подробно меня слушать!*» — процитировал Малаков.

– Мне кажется, Рудик пытался думать о чём-то другом, чтобы не прерывать докладчицу своим ржанием, – высказал мнение смеющийся Сиротин.

Мы пристроились в конец очереди, скопившейся у входа в зал.

– Ты мне место занял? – спросила я Захара.

– Нет, – ответил он. – Будешь, как обычно, сидеть у меня на коленях.

Наши места во время перерыва оставались под охраной Тёткина, который собрал вокруг себя довольно большую компанию молодых женщин и оживлённо с ними беседовал. С первого взгляда я поняла, что все они работают в фармакологических компаниях. Не знаю как, но представителей этой профессии нельзя спутать с врачами, подвизающимися в практической медицине. Что-то меняется в поведении, выражении лица, манере говорить: всё-таки они становятся продавцами, а не докторами.

Тёткин старался вовсю, развлекая слушательниц анекдотами по специальности:

– Молодой гинеколог делает обзор нового препарата для коллег: «Основным побочным действием препарата является нарушение менструального цикла, что встречается только у женщин...»

Дамы мило хихикали, и Марк был предельно доволен вниманием.

– Или вот ещё из рекламы слабительного: «Наше новое средство действует мягко и незаметно, даже не нарушая вашего сна!»

Тут уже засмеялись и Сиротин с Малаковым, а я зааплодировала, давая тем самым понять, что концерт Тёткина окончен и слушателям пора расходиться.

Следующий доклад был чрезвычайно интересным и полезным. Врач-радиолог рассказывал о конференции в Штатах, с которой он только что вернулся. Разница в организации диагностики у нас и в Америке огромна. Начнём с того, что ультразвуковые исследования у них проводятся техником. То есть доктора, как правило, больных не видят, а заключения делают по снимкам, которые для них подготавливают помощники. Я уже слышала об этой системе несколько раз, но не переставала удивляться. Ведь УЗИ – это не рентген, который даёт панорамный снимок, и ты видишь всё, что можно увидеть, и не видишь того, чего нельзя. У нас рентген-снимки тоже делаются техниками, а врач их только описывает. Но ультразвук – совсем другая история! Всё зависит от того, кто смотрит. То есть в Америке диагностика полностью

доверена техническому персоналу, который решает, патологию он видит или норму. И в зависимости от собственного мнения принимает решение, сделать снимок или нет, показать свою находку доктору как патологию или не показывать, потому что это вариант нормы.

Я частенько задумывалась, смогла бы писать заключения по снимкам, сделанным для меня кем-то другим. Раньше ответом было категорическое «нет»: зачастую невозможно сделать заключение даже по снимкам, сделанным другим врачом. В ультразвуке ты сам должен увидеть патологию (или норму), чтобы написать грамотное, полезное в плане постановки диагноза заключение. Но позднее я своё мнение поменяла, потому что посмотрела на проблему с точки зрения американского менталитета. Кто сказал, что задача радиологов – постановка диагноза? Его задача – описать снимки! Он это и делает и за это получает деньги. Задача техника – сделать снимки в соответствии с уровнем своего опыта, знаний и понимания того, что он видит. Он тоже за это деньги получает. Семейный доктор, который должен поставить диагноз, направит пациента ещё на пять-десять различных исследований, а потом будет составлять пазл. Если будет... Это в России от врача ультразвуковой диагностики ожидают диагноза и пациент и лечащий врач, забывая о том, что УЗИ – это всё-таки вспомогательный диагностический тест. Так что спрос с нас – «узистов» на родине гораздо строже.

Так, рассуждая о превратностях в организации здравоохранения в нашей стране и за рубежом, я прослушала доклад до конца и поспешила выйти из зала, чтобы встретиться с докладчиком. Мы были хорошо знакомы, так как вместе обучались ультразвуковой диагностике на кафедре усовершенствования врачей. Витя свободно владел английским, а потому ежегодно делегировался на конференции, проходящие в англоязычных странах. Я же регулярно заказывала ему книги, купить которые было проще и дешевле на конференциях, чем по Интернету. Увидев меня, Шустер остановился и достал из своего маленького чемоданчика на колёсах большую книгу.

– Привет! – обнимая меня одной рукой, сказал Витя. – Рад, что ты выбралась, а то пришлось бы мне твой заказ по всему городу с собой таскать.

– Привет-привет! – я чмокнула его в колючую щёку. – Отдай мое сокровище!

– У меня для тебя обалденный сюрприз! – Шустер посмотрел на меня загадочно.

– Какой? – заинтересованно спросила я.

– Ну, во-первых, вместо одной книги я привёз две.

Не дослушав, я взвизгнула от радости и протянула руки к его чемоданчику:

– Давай!

– Не беги впереди паровоза. Вторая тебе не по специальности. Они давали несколько на выбор, и я взял по эпилептологии.

Я вопросительно посмотрела на Витю:

– По эпилептологии?

– Да, я привёз её Кильчевскому – нашему начальнику по учебной работе.

– И... Какого хрена?

– Недальновидная ты, Нинка.

– И что я должна разглядеть в твоих хитроумных рокировках?

– А то, что, получив книгу, Давид Абрамович спросил у меня, кто среди коллег ещё владеет английским и кого бы я порекомендовал в следующем году послать со мной на конференцию.

– И?

Мне не терпелось услышать конец истории.

– Я сказал, что Нинка Лето будет лучшей кандидатурой, которая хоть фамилией не вышла, зато английский знает прилично, но, увы, без меня она никогда дальше Мухосранска на конференцию не выедет.

Я в порыве непритворной радости обхватила Витю за шею и снова чмокнула в щёку.

– Шустер, какой ты шустрый! Не зря я тебя так люблю!

– Вот, – улыбнулся Витя, – почаще мне это говори. Это повышает мою самооценку.

Я рассмеялась.

– Ну, с самооценкой, насколько я знаю, у тебя никогда не было проблем.

Из зала стали появляться люди: по-видимому, объявили короткий перерыв. Я решила воспользоваться моментом, чтобы вернуться в аудиторию. Расцеловав шустеровские щёки в третий раз, я отправилась на своё место, где меня вопросом встретил Захар:

– Ты где так долго пропадала?

– Витя привёз мне книги. И знаешь, он практически договорился, чтобы в следующем году я тоже поехала на конференцию!

– С ним? – недовольно спросил Малаков.

Я немного задумалась, прежде чем ответить, потому что об этом аспекте я даже не подумала.

– Ну да, а ты о чём переживаешь?

– Я обо всём переживаю, если это касается тебя, – проворчал Захар и демонстративно отвернулся от меня.

«Ревнует – значит любит», – решила я и, аккуратно пристроив моё сокровище-книгу на соседнее сидение, переключилась на начинающуюся лекцию.

По прогнозу погоды к вечеру ожидался дождь, а потому всех выходящих из здания больницы по окончании конференции приятно радовало солнце и отсутствие облаков на небе.

– А что, доктора, не зависнуть ли нам где-нибудь в кафешке? – предложил Сиротин.

– Как в старые добрые времена после занятий, – кивнул, соглашаясь, Карасёв.

– Ну, если как в старые времена, тогда в «Обжорку», – выступил с предложением Тёткин.

Все сразу оживились и, договорившись о встрече через пять минут, рассыпались по парковке в поисках своих автомобилей. Так как приехала я на конференцию позже других, машина моя запаркована была у самого выхода, и, пока я туда добралась, мимо, подбадривая весёлыми гудками, пронеслись все мои одноклассники и однокурсники.

Захар затормозил и, приоткрыв окно, спросил:

– Девушка, разрешите познакомиться?

Я обернулась, улыбаясь, и махнула рукой:

– Проезжайте, мужчина, не задерживайте движение.

– Давай, довезу до машины, – предложил Малаков, продолжая медленно следовать за мной.

– Да я дошла уже, – ответила я и указала на свою крошку, зажатую между парой «Газелей».

– Ну ладно, увидимся, – ответил Захар и выехал за больничные ворота.

Я с трудом протиснулась в дверь и, оглянувшись, поняла, что выехать мне удастся, только пропустив череду автомобилей, растянувшуюся на километр. На моё счастье, в одной из ближайших машин я заметила Кунцеву. Она сидела на пассажирском месте и махала мне рукой. Людмила Борисовна что-то сказала водителю, и тот, приостановившись и посигналив фарами, дал мне возможность выехать. Счастливая, я тоже замахала рукой, поглядывая в зеркало заднего вида, чтобы убедиться: Кунцева и шофёр заметили проявление моей благодарности.

Когда я добралась до места сбора, все уже расселись за сдвинутыми столами и, как обычно, говорили одновременно, перебивая друг друга. Для меня оставили стул между Захаром и Марком. Увидев меня, Тёткин начал жестикулировать руками, как регулировщик движения, и, как только я примостилась рядом с ним, сообщил:

– Мы с Захаром тебе уже всё заказали.

Я кивнула и прислушалась к оживлённой беседе. Обсуждались новости, услышанные на конференции. Причём каждый считал, что доклад по его специальности был самым интерес-

ным. Тёткин, толкая в бок расположившегося по другую сторону от него Сиротина, пытался объяснить важность сахароснижающих препаратов, а тот, в свою очередь, старался докричаться до Карасёва, сидящего за противоположным концом стола. Захар и Мухин обсуждали новости из мира анестезиологии, а я оглядывалась вокруг, надеясь понять, которая из официанток направляется к нам, но пока все они проходили мимо.

Наконец начали приносить тарелки и на наш стол. Захар и Тёткин дружно захрустели салатом, все остальные тоже принялись жевать, не переставая при этом говорить и жестикулировать, и я, дёрнув Тёткина за рукав, спросила:

– Марк, а что мне?

Тёткин кивнул, дожевывая и ответил:

– Ты салат бери у меня или у Захара, мы не стали тебе отдельный заказывать: ты же не ешь, а клюёшь.

Я чуть воздухом не подавилась от такого заявления!

– Ага, значит, я сижу такая между вами и буду из разных тарелок таскать? От возмущения у меня не хватило слов передать, что я о них обоих думаю.

– И кто придумал так заказать? – спросила я.

– Захар, – ответил Тёткин.

Я взяла свои приборы и, придвинув к себе тарелку Захара, стала с аппетитом её опустошать. Малаков захлопал глазами, наблюдая, как мы с Тёткиным дружно жуём, подождал, пока тарелка Марка наполовину опустеет, потянулся через меня и передвинул её к себе.

Марк, в это время споривший с Карасёвым, пропустил момент перестановки блюд и ткнул вилкой в стол.

– Ух, чёрт, – заметив, что тарелка перекечевала к Малакову, Марк грустно вздохнул и снова переключился на вопрос лечения диабета.

Начали приносить горячее.

– Малаков, кто горячее мне заказывал?

– Тёткин, – коротко переложил с себя ответственность Захар, продолжая жевать.

– Марк, что ты мне заказал на горячее?

– А ты что, и горячее будешь есть? – искренне удивился Тёткин.

Мне стало так весело, что я, не удержавшись, рассмеялась.

– Ребята, а я вот вспомнила, – стараясь всех перекричать и привлечь к себе внимание, замахала я руками, – ведь Тёткин всегда всё у меня с тарелки таскал! Я даже старалась не садиться с ним рядом! Вы помните?

– Так не только с твоей, – подтвердил Сиротин. – Он потому из всех нас самый солидный вырос.

Я тем временем взяла блюдо, которое, по-видимому, предназначалось нам с Марком на двоих, и начала демонстративно уписывать горячее за обе щеки. Марк даже перестал говорить и только грустно наблюдал за мной. Съев ровно половину, я передвинула тарелку к Тёткину и сказала:

– Ешь, друг!

Марк, несколько не смутившись, тут же принялся за еду и возобновил свой диалог с Карасёвым.

– Сладкого, я так понимаю, ожидать не приходится? – спросила я Захара.

– На сладкое у тебя я, – тихо, но уверенным тоном ответил он, словно не сомневаясь в моём согласии.

На вечер у нас с сыном были куплены билеты в театр, и при всём моём уважении к сумасшедшему графику Малакова театром, особенно в Димкиной компании, жертвовать я не собиралась.

– Значит, останусь сегодня без десерта, – вздохнула я.

Захар посмотрел на меня вопросительно.

– Сегодняшний вечер у меня расписан по минутам, – безапелляционно заявила я. – Можем увидеться только после полуночи.

Захар потёр переносицу и улыбнулся:

– А я размечтался...

Сердце вдруг на минуту замерло и снова забилося в обычном ритме. «Что это, – подумала я, – обида на себя, что не предусмотрела и не смогу его увидеть, или на него, что он уверен, будто у меня не может быть ничего важнее встречи с ним?»

В это время Марк пребольно толкнул меня в бок.

– Нинка, друг, – он улыбался во весь рот, – пироженку тебе оставил!

Я протянула руки, обхватила его за шею, чмокнула в щёку и сказала:

– Хороший ты мой! Не зря я тебе по молодости все свои пироженки скармливала: и фигуру сберегла, и друга на всю жизнь заимела!

Глава 10

Врачебные дети

Тяжёлый день, хоть и не понедельник, был в разгаре. Все как-то враз проголодались и потянулись на запах кофе к ординаторской. К моменту, когда я зашла, кофейник уже был пуст, и мне пришлось кофеварить снова. Сиротин, увидев меня, воскликнул:

– Нинуля! Рассказываю коллегам, что за последнюю неделю получил от тебя два интересных случая с великолепной диагностикой: оба предварительных диагноза подтверждаются результатами биопсии – и твоя невринома, и твоя гломусная опухоль.

– Тьфу-тьфу, – поплевала я через плечо, – не дай бог, Серёга, не мои они.

Сиротин довольно улыбался.

– До сих пор у меня отличный тандем был только с Малаховым. Я настолько привык, что все его диагнозы подтверждаются гистологией... Иногда думаю: незачем и на стёкла смотреть.

Юра, протянув чашку за свежесваренным кофе, заявил:

– Анекдот по случаю. «Собрались поохотиться четыре врача: гинеколог Сирин, я – гериатр Антонов, хирург Малаков и патологоанатом Сиротин. Вылетает утка из кустов рядом с Сириным. Сирин: “Вот утка... Или не утка? А может, всё-таки утка? Чёрт её знает.” Утка улетела. Вылетает вторая рядом со мной. Я: “Вот утка! Но такая старая! Кто её будет есть?” Улетела утка. Вылетает третья рядом с Захаром. Малаков – ба-бах из двух стволов! Утка падает. Захар кричит Сиротину: “Сирота! Посмотри, там утка была или чё?”»

Все в ординаторской дружно засмеялись.

– Кстати, – Сирин, как кролик, с хрустом жующий зелёный салат, обратился к Малакову, – Захар, я стал замечать, что после секса у меня в ушах стоит свист. Не знаю, к тебе это или уже к Антонову обращаться за помощью.

– Ну, в твоём возрасте и при твоём питании привыкай к свисту: аплодисментов уже не будет, – под дружное ржание ответил вместо Захара Юра.

Любочка, явно симпатизировавшая Сирину и внимательно слушавшая разговор, вдруг покраснела и закашлялась. Антоха моментально перевёл взгляд на неё и уже открыл рот, чтобы прокомментировать реакцию, но вовремя вспомнил, что собирался просить Любочкиного папу-профессора проконсультировать его родственницу. А потому отложил шутку до лучших времён.

Допив кофе и закончив историю, я отправилась проверить, не ждёт ли меня кто у дверей в кабинет.

Через пару минут Юра, потрясая бумагами, без стука влетел ко мне.

– Нинка, ты можешь отсканировать пару документов?

Я сидела у окна и мечтательно смотрела на резвящихся под окном подростков. В соседнем здании находилась школа. Обычно старшеклассники выскакивали в перемену с сигаретой, озираясь, чтобы не заметили учителя. Но сегодня не по-весеннему грело солнце, и, пожалуй, добрая половина учеников сидела в школьном дворе. Девчонки вытянули шеи, подставив бледные личики солнечным лучам, а малышня просто носилась друг за другом, толкаясь и визжа.

Я смотрела на ребятню и думала о сыне Димке. Как быстро он вырос и, главное, – как незаметно!

Врачебные дети – особая категория: с первых дней их жизнь протекает по иным, отличным от других канонам. Болеют они всегда сильнее и дольше, и при этом на их неокрепшем организме испытываются как минимум два варианта лечения одной и той же нозологической единицы (диагноза): тот, что считает правильным терапевт-мама, и тот, что находит единственно верным хирург-папа. Причём обсуждения самого диагноза, вариантов и плана лече-

ния, возможных побочных эффектов и осложнений проводится тут же – у постели больного, за столом во время его кормления, вместо чтения книги на ночь...

Когда ребёнок здоров, те же темы обсуждаются касательно других пациентов из маминго или папиного отделений. В результате у маленького человечка складывается совершенно специфический образ мышления и поведения, а также и чувство юмора. Помню, когда я рассказывала Димке что-то смешное, он сквозь смех кричал, держась за живот: «Умора ты моя кишечная!»

В пять лет он болел скарлатиной. Самым любимым лекарством были жёлтые драже витамина С, которые он, втайне от меня, сыпал не считая себе в рот прямо из бутылочки и потом долго называл аскорбинку «скарлатиновая кислота».

Когда Диме было семь, у бабушки в почках обнаружили камни, и на случай, если приступ случится на даче, где они проводили лето и откуда далеко ехать до больницы, мальчика научили делать внутримышечные инъекции. Чтобы набить руку, родители прописали бабушке и дедушке витаминотерапию, и внук с удовольствием тренировался на стариках в течение месяца.

Он был в курсе всех событий, происходящих в отцовской операционной, из маминих рассказов знал, когда УЗИ – бесполезная трата времени, а когда – лучше всех других диагностических процедур. У него никогда не было сомнений, куда идти учиться после школы, он уже вырос врачом – человеком внимательным, неравнодушным, любознательным, прямым и достаточно циничным; осталось только подучить теорию. И даже выбрав другую профессию, в душе он всегда был бы медиком.

И вот учёба в прошлом, и через месяц начнётся настоящая профессиональная жизнь. Я не сомневалась: он будет очень хорошим доктором. Иначе быть не может!

Димка с его взглядом на жизнь и умением понять и прочувствовать ситуацию всегда был моим лучшим другом, как говорится, и в горе, и в радости. Но как же быстро, как незаметно он вырос!

За моим компьютером сидел наш айтишник – Аркадий – компьютерный царь и бог, при виде которого Антонов затормозил и перестал махать бумагами.

– Вот чёрт, забыл, что все компы в отключке на пару часов, думал, только мой полетел.

– Аркадий, – обратилась я к компьютерщику, – а есть какая-нибудь программка, которую можно было бы загрузить нашему доктору Антонову между ушей, чтобы информация, когда влетает в одно ухо, не вылетала сразу же через другое?

Аркадий только прищёлкнул языком и, бросив сочувствующий взгляд на Юру, продолжил свою загадочную миссию по обновлению базы данных клиники.

Разочарованный Антоха бухнулся в кресло.

– Тогда корми меня! – заявил он.

Я оторвалась от молодёжного пейзажа за окном и повернула к нему удивлённое лицо.

– Ты серьёзно? Адресом не ошибся? Когда у меня было что-то, кроме кофе?

Антонов потёр высокий лоб.

– Пойду к Сирину, загляну в холодильник, может, что осталось от пещерного ланча.

Глава 11

Рабочая суббота

В субботу я работаю нечасто и стараюсь пораньше начать, чтобы уйти тоже пораньше. Остановившись в регистратуре, я хотела взять список пациентов на сегодня и заметила новенькую регистраторшу, всю в слезах.

– Что случилось, дитя? – поинтересовалась я. – Могу чем-то помочь?

– Спасибо, Нина Викторовна, но, наверное, ничем, – пролепетала Оксана.

Так как регистраторы относились ко мне хорошо и в большинстве случаев помогали, а не мешали моей работе, я решила всё-таки добиться причины расстройства этого юного, не умудрённого опытом и пока не испорченного медициной существа.

– Рассказывай! – потребовала я и беспардонно уселась на её стол рядом с клавиатурой компьютера.

– Вчера к нам обратился больной, – начала Оксана. – Он сказал, что у него в ухе муха. Я записала его на приём к ухо-горло-носу и отправила к доктору Мухину. В строке «направительный диагноз» я со слов больного написала «муха в ухе».

Я уже еле сдерживала смех. Девушка, увидев мою улыбку, заспешила с объяснениями:

– Ну а что я ещё напишу? Я ведь не доктор. Если бы он от другого врача пришёл, я бы переписала направительный диагноз, а он же с улицы – я указала жалобу.

– Ты всё правильно сделала, – серьёзным тоном я постаралась поддержать Оксану.

– Я тоже так думала, а потом пришёл больной и передал мне записку, в которой написано: «Мухи в ухе нет».

Чтобы понять возникшую ситуацию, нужно знать доктора Мухина, которому в детстве досталось столько прозвищ и дразнилок, что он абсолютно всех подозревал в шутках над своей фамилией. Девушка помолчала, потом, отметив, что я внимательно слушаю, продолжила:

– Я не поняла, что делать с диагнозом. Как я уже говорила, больной был с улицы, и мне некому было переслать заключение осмотра. Я спросила старшую медсестру, она засмеялась и сказала: «Только не спрашивай у самого Мухина». Я пошла к Людмиле Борисовне и спросила её. Она взяла записку и велела мне идти работать.

– И чего же ты плачешь?

– Перед уходом Мухин подарил мне коробку конфет, а когда я спросила, за что, он громко при всех сказал: «Сладкое улучшает работу мозга».

Я погладила девочку по голове, отмечая, какие у неё красивые волосы.

– Оксаночка, не расстраивайся. Я думаю, эта история не стоит и выеденного яйца. Если бы фамилия врача была не Мухин, а Сорокин, то и никакой истории бы не было, – постаралась я поддержать новенькую, у которой глаза опять были на мокром месте.

Взяв список пациентов, я заторопилась к себе в кабинет, опасаясь, что не выдержу и начну опять улыбаться.

День ничего особенного не предвещал, и я начала его, как обычно, с кофе.

Я всё ещё была в ординаторской, когда прибежала запыхавшаяся Таня и с порога принялась тараторить:

– Нина Викторовна, звонила Кунцева, срочно разыскивает Новикова по поводу пациентки Михельсон. Она вчера была направлена к нам на УЗИ с подозрением на внематочную беременность и из клиники ушла домой, откуда её на скорой в тяжёлом состоянии привезли в стационар. Кунцева говорит, что внематочная там была и мы её пропустили. Больная находится в реанимации.

– Не помню такой фамилии, вчера у нас точно Михельсон не было. А во сколько она приходила?

– Людмила Борисовна сказала, после пяти.

– Рудик ушёл в три, значит, он тоже не смотрел, – я попыталась восстановить в памяти события минувшего дня. – А кто её направлял на УЗИ?

– Не знаю, Нина Викторовна, вы поговорите, пожалуйста, с Людмилой Борисовной, она так кричит, что я боюсь. Серьёзно!

Я поднялась и пошла в регистратуру, где стоял дым коромыслом. Кунцева, не дозвонившись до Новикова и, по-видимому, забыв, что сегодня суббота, позвонила в регистратуру и теперь пыталась выяснить, что происходило с пациенткой накануне.

Я взяла трубку:

– Здравствуйте, Людмила Борисовна.

– Нина Викторовна! Ну, слава богу, хоть кто-то иногда работает!

– Людмила Борисовна, сегодня суббота, Новиков будет в понедельник. Я могу чем-то вам помочь?

– Нам, дорогая моя, может помочь только Бог. Давайте молиться вместе, чтобы Михельсон не скончалась от кровопотери. Кто её смотрел?

– Я попытаюсь это выяснить и дам вам знать, – заверила я и положила трубку, не дожидаясь дальнейших тирад.

Передо мной стояла Оксана, ещё более расстроенная и испуганная, чем во время нашей первой встречи этим замечательным утром. Она уже нашла нужную историю и с опаской протягивала её мне. Там, собственно, имелась всего пара записей: результат теста на беременность, осмотр Сирина, направление на УЗИ с подозрением на внематочную и заключение обследования, которое было подписано... Любочкой!

– Оксана, – обратилась я к регистратору, – а кто направил пациентку к Любове Марковне?

Девушка испуганно посмотрела на стоящую за моей спиной Таню, потом снова перевела взгляд на меня:

– Доктор Сирин.

– А почему доктор Сирин стал решать, к кому направлять пациентов?

Оксана помолчала, потом, словно оправдываясь, сказала:

– Я хотела её направить к вам, но доктор Сирин сказал, что сам отведёт её к Любове Марковне.

– То есть, – уточнила я, – он лично отвёл пациентку в кабинет УЗИ?

– Да, – Оксана выглядела ещё более напуганной, хотя казалось, что больше некуда.

– Хорошо, – кивнула я, – это всё, что мне нужно знать.

– Сирин сегодня ведёт приём до обеда, – подсказала мне Таня.

Я отправилась напрямик к нашему гинекологу.

– Андрей, не знаю, доброе утро или нет, но твоя Михельсон явно желала бы, чтоб оно было добрее, – начала я, убедившись, что в кабинете никого, кроме нас двоих, нет.

– Что насчёт Михельсон?

– Ты смотрел её вчера и отправил на УЗИ к Любочке, которая не увидела внематочную.

– И?

– На скорой с кровотечением доставлена в реанимацию.

– И?

– Как сказала Кунцева, молитесь, чтобы Михельсон выжила, – я сделала паузу. – Скажи, какого чёрта ты повёл её к Любочке, она ведь не умеет смотреть гинекологию!

– Она и не будет уметь, потому что ни ты, ни Рудик не даёте ей больных!

– Послушай, Андрей, – я смотрела Сирину в глаза, – я понимаю, ты симпатизируешь девочке, но позволь Новикову решать, кого она готова, а кого не готова смотреть.

– Это всегда вопрос денег! Вы выбираете тех, кто лучше оплачивается, а ей отдаёте животы, которые стоят копейки!

Я с сожалением посмотрела на Сирина:

– Мне жаль, если ты действительно так думаешь. Новиков решил...

– А мне глубоко плевать, что решил твой драгоценный Новиков! – неожиданно закричал Сирин. – Он забыл, как полагался на мои решения и что только благодаря мне вообще закончил институт!

Я никак не ожидала от Андрея такого откровенного напора, да ещё с заявлением, что Рудик ему многим обязан. Вероятно, мой потрясённый вид охладил Сирина, потому как он резко замолчал и пулей вылетел из кабинета, позабыв, видимо, что этот кабинет его.

Я перевела дух и отправилась в ординаторскую, где тут же набрала по телефону номер Рудика. Но он не ответил, и мне пришлось принимать решение, звонить или не звонить Кунцевой. Подумав, что, если Людмила Борисовна будет знать, кто пропустил внематочную, Михельсон от этого легче не станет, я решила не звонить и отправилась восвояси начинать прием.

Глава 12

Тени из прошлого

Инцидент с Любочкой был решён папой-профессором ещё до наступления понедельника. Михельсон, благодаря нашим общим молитвам, выжила, Любочку же направили на курсы повышения квалификации на три месяца. Казалось, всё закончилось благополучно, но у меня к Рудику остались вопросы.

Несмотря на то, что он был моим начальником, которого я вполне заслуженно уважала как грамотного врача, мы оставались довольно близкими друзьями. Рудик был старше меня на пять лет, то есть, когда я поступала в институт, он уже практически его заканчивал. А потому истории, связанные с его студенческими годами, до меня не дошли. Однако в глубине души мне вдруг стало очень обидно, когда Сирина заявил, что Новиков получил диплом только благодаря ему. Андрей был неплохим врачом, но Рудику и в подмётки не годился. Новиков был гением в ультразвуке и при том не просто отличным диагностом, но и великолепным клиницистом. Мне совершенно необходимо было знать, в какой зависимости от Сирина он находился.

Первым делом я подумала о жене Сирина. Она хоть и закончила медицинский, но была потомственным администратором. Её отец возглавлял отдел здравоохранения города в течение многих лет и передал пост по наследству своей дочери. Но как от этого мог зависеть диплом Рудика?

Отработав день в понедельник, я зашла в кабинет к Новикову и закрыла за собой дверь. Сев в кресло, дождалась, когда Рудик завершит разговор по телефону.

– Ты по делу или так? – спросил он меня.

– Не знаю, как сказать. Наверное, по делу, но по личному.

– В отпуск не пущу. Любочки нет, так что мы с тобой вдвоём на амбразуре.

– Я не по своему личному делу.

Рудик поднял на меня глаза:

– Что-то с Захаром?

– Вот мне интересно: какая у тебя в голове связь между мной и Захаром? – удивилась я. – Он совершенно самостоятельная женатая единица!

– Прости-прости, – замахал руками Рудик. – Тогда что?

Я не знала, с чего начать:

– Среди наших ходит много сплетен, касающихся тебя, Сирина и вашей связи. Наверное, версия о том, что вы просто одноклассники, могла бы устроить большинство, если бы Андрей периодически не начинал спекулировать на этой теме.

Рудик оттолкнулся руками от стола и на своём кожаном кресле выехал на середину офиса ближе ко мне.

– Это, наверное, не моё дело, – продолжала я рассуждать вслух, – и даже, скорее всего, не моё дело, но мне обидно слышать и думать, что ты можешь зависеть от этой парочки, что твоя репутация...

Новиков остановил меня, подняв руку:

– Начну с того, что моя репутация не имеет ничего общего с историей, которой спекулирует Сирина. Моя репутация основана на профессионализме и опыте. А то, что произошло между нами.

Рудик, я думаю, много раз проговаривал про себя этот диалог с кем-то, необязательно со мной. Но сейчас ему было трудно подойти к разговору.

– Мы учились на последнем курсе. Во время очередной вечеринки я перебрал и не могу объяснить, как так случилось, но я переспал с ней. Мы никогда не были друзьями, никакой симпатии между нами, ничего общего!

Я в шоке смотрела на Рудика:

– Ты имеешь в виду Сирину?

– Ну, тогда она ещё не была Сириной. Короче говоря, после тяжёлого похмелья я пытался сделать вид, будто ничего не произошло, но она пришла ко мне через месяц и сказала, что беременна.

Я не могла поверить тому, что слышу. Рудик, вернувшись в воспоминаниях в прошлое, был не похож на себя. Не возникало сомнений, что рассказ даётся ему нелегко: над верхней губой выступили капельки пота.

Новиков взял книгу и крутил её не глядя, перелистывал, открывал, снова закрывал, переключивал заложенный между страницами рецепт. Видимо, так ему было легче говорить.

– Как ты понимаешь, – продолжал Рудик, – жениться на ней не входило в мои планы, но её отец занимал пост, который в те времена давал огромные возможности и позволял решать чужие судьбы, особенно такие судьбы, как моя, – ничего не значащая студенческая. У нас состоялся разговор, и мне дали ясно понять: моё будущее в медицине закончится не начавшись. И тут появился Сирина, – Новиков встал, положил книгу на стол и прошёлся по кабинету. – Он предложил сделку: вместо меня женится он.

Я, не понимая поворота событий, смотрела на Рудика.

– У них была любовь?

– Нет, они тоже даже не дружили. Но Сирина была более чем посредственным студентом и понимал, что для карьеры ему нужно что-то или кто-то. Она никогда не вышла бы за него, если бы не беременность. Я думаю, её отец имел более солидные планы по поводу дочери.

– А что Сирина хотел от тебя взамен?

Рудик снова сел в кресло напротив меня.

– На тот момент ничего. Он называл это «дружеский жест», но я понимал, что тем дело не закончится.

– И они поженились?

– Да.

– Но ведь у Сириных нет детей?

– Она потеряла ребёнка на позднем сроке. Плод погиб, развились осложнения, ей удалили матку. Больше, сама понимаешь, детей быть не могло.

Я не знала, что сказать. Рудик сидел напротив и смотрел мне прямо в глаза, словно спрашивая, что я теперь о нём думаю.

– Но послушай, – начала я, не уверенная, к какому заключению в конечном итоге приду. – Решение жениться Сирина принял самостоятельно, ты его не просил об этом. Он думал о своей выгоде, и он её получил.

Рудик кивнул. Рука его автоматически потянулась к столу, он снова взял книгу и начал её листать.

– Собственно говоря, ты дал ему шанс, которым он воспользовался и который был бы ему недоступен без этой ситуации. Почему же он теперь тебя шантажирует?

– Я не скажу, что он шантажирует, – Новиков начинал успокаиваться, словно самое трудное осталось позади. – Он, скорее, спекулирует прошлым, напоминая мне, что оказал важную и своевременную услугу и теперь мой черёд платить.

– Поэтому ты всю жизнь тащишь его за собой в гору?

Рудик кивнул.

– Но ведь его жена при всех её связях и возможностях могла организовать его карьеру и без твоего участия?

– Я думаю, эти спекуляции доставляют удовольствие им обоим. Сирина также любит напомнить мне, что после нашей с ней короткой связи вся её жизнь изменилась коренным образом. При этом я продолжал жить своей, ни в чём не изменившейся жизнью.

– Но ты вскоре тоже женился?

– Да, через год во время интернатуры я встретил Лену, которая тогда преподавала кардиологию на кафедре. Она старше меня на пять лет, и я решил, что мы хорошая пара. Лена совершенно не амбициозный человек. Зато моих амбиций с лихвой хватает на двоих. После рождения дочек-близнецов она осталась дома: создаёт надёжный тыл, – Рудик улыбнулся.

Я не знала, ждёт ли Новиков от меня комментария по поводу услышанного или ему достаточно было выговориться. В голове моей мысли крутились беспорядочно, и я не представляла, как остановить их и определить, которая из них главная.

– Мне кажется, – наконец сказала я, – что чувство долга, которое ты носишь в своём сознании по отношению к обоим Сириным, надуманное. Они, как паразиты, присосались к тебе, а ты поощряешь этот паразитизм, потому что решил, что они пожертвовали чем-то ради тебя. На самом деле они выиграли от ситуации и продолжают её использовать по сей день.

– Я согласен с тобой, – Рудик устало потёр виски. – Но я настолько привык, что перестал беспокоиться и пытаться что-то изменить. Собственно говоря, я смотрю на всё как бы со стороны и стараюсь не заикливаться. Да, я продолжаю платить им своим временем, вниманием, но давно ни на что не реагирую, даже не задумываюсь.

– Я рада, что узнала правду от тебя, – я поднялась, чтобы попрощаться. – Теперь, по крайней мере, я знаю, как реагировать на выступления Сирина. Может быть, тебе давно нужен был кто-то, кто поставит его на место.

Рудик улыбнулся:

– Спасибо. Ты хороший слушатель.

– Профессия обязывает, – ответила я, тоже улыбнувшись, и вышла из кабинета Новикова.

Глава 13

Мешок с диагнозами

День начинался как обычно. Пациенты были расписаны на каждые пятнадцать минут, и перед началом приёма я заглянула в ординаторскую. Там пахло кофе, но никого не было. Я налила чашечку и отправилась к себе. Таня встретила меня в явном нетерпении. На моё «доброе утро» она выпалила:

– Доброе утро, Нина Викторовна. Знаете нашу новенькую в регистратуре?

– Ну, она не очень новенькая, уже ближе к старенькой, – не согласилась я.

– Ну да, но ошибки делает, как новенькая.

– Это та, у которой «муха в ухе»?

– Точно, – засмеялась Таня. – Представляете, она сегодня Людмиле Борисовне сказала: «Запись к ухносоглоту будет в пятницу».

– Не-е-ет! – упала я на стул и замотала головой. – Таня, ты это придумала!

– Серьёзно! Нина Викторовна, вот хоть кого спросите, хоть даже Людмилу Борисовну!

– Ухносоглоту! – повторила я, не веря. – И опять с Мухиным! Он её убьёт!

Я рассмеялась, представляя реакцию лора, когда информация дойдёт до него.

В дверь кабинета постучали, и Таня, поднявшись, впустила первую пациентку. Довольно грузная дама средних лет, запыхавшись, легла на кушетку.

– Что вас беспокоит? – начала я обычный опрос.

– Доктор, я сплошной мешок с диагнозами!

Я перевела глаза на Таню, которая уже делала дежурную мину, чтобы не засмеяться.

– И что же в вашем мешке припасено? – поинтересовалась я.

– Я начала опухать, – принялась перечислять свои проблемы женщина. – Посмотрите на мой живот!

– Смотрю, – успокоила я разволновавшуюся даму. – В последнее время в весе не прибавили?

– Прибавила. Набрала десять килограммов за полгода! Но ведь живот от этого не станет расти! Я бы прибавила везде, а у меня нигде ничего больше не выросло.

– Ну, это как сказать, – не согласилась я. – Иногда растёт в одном месте и именно там, где нам не хотелось бы.

– Полгода назад у меня перестал работать сексуальный аппарат, – продолжала она.

Тут уж я не выдержала и улыбнулась.

– В чём это проявилось?

– Я потеряла свой цикл, – объяснила пациентка.

– Обращались к гинекологу?

– Конечно! Но этот пыжик назначил мне тест на беременность! Откуда у меня беременность, если я ни с кем в анатомической близости не состояла?!

Я, прикусив язык, чтобы не рассмеяться, сделала пометку в своей краткосрочной памяти: «сказать Сирину, что он пыжик».

– Кроме того, – продолжала женщина, – я вся чешусь, причём уже вилкой, потому что рукой не дотягиваюсь.

Тут уж я не выдержала и засмеялась. Дама, на моё счастье, попала с чувством юмора и засмеялась вместе со мной.

– Так вот, скажите мне, доктор, что со мной творится с научно-популярной точки зрения?

Я, продолжая тихонько смеяться, ответила:

– Милая моя, давайте разбираться в вашем мешке вместе. Я сейчас вас посмотрю, всё вам расскажу, а потом направлю к замечательному доктору-терапевту, он вас обязательно полечит.

– Нет, к терапевту не хочу. Вы меня, главное, обследуйте, а лечиться я сама могу, – поделилась своим мнением пациентка.

Я не стала с ней спорить. К сожалению, такая позиция очень распространена среди пациентов: они с усердием проходят многочисленные исследования, зачастую совершенно ненужные, а потом занимаются самолечением, полагаясь на информацию из Интернета или опыт знакомых по даче.

Закончив осмотр, я отправилась в ординаторскую в надежде застать там Тёткина, чтобы поделиться историей про мешок с диагнозами.

Терапевт восседал в окружении трёх интернов, присланных для ознакомления с консультативными приёмами. Марк, подрабатывающий в медицинском институте, периодически приводил в клинику своих подопечных и частенько привлекал коллег к процессу обучения, понятно, на добровольных началах. Вот и сейчас, увидев меня, Тёткин оживился:

– Входите, Нина Викторовна, рад вас видеть!

Интерны повернули головы в мою сторону и поздоровались.

– Мы как раз обсуждали диагностику панкреатита. Было бы чудесно, если бы вы смогли показать на вашем волшебном аппарате, как выглядит поджелудочная железа.

– Нет проблем, коллеги. Если один из вас согласится стать подопытным кроликом, другие получат возможность заглянуть в брюшную полость с помощью ультразвука.

Интерны заулыбались, и один из них предложил свой живот в качестве учебного пособия.

– А можно котиком, а не кроликом? – пошутил молодой человек. – У меня фамилия Кошкин.

– Можно, – согласилась я. – Прошу следовать за мной! – и помахала Тёткину рукой.

– А ты чего приходила-то? – спросил Марк.

– Потом, – ответила я и поспешила за интернами, которые, похоже, знали дорогу к моему кабинету не хуже меня.

Уложив добровольца на кушетку, я начала демонстрировать протокол обследования органов брюшной полости. Кошкин был худосочным, а потому органы его были видны практически и без ультразвука.

– Панкреатит, как вы знаете, – комментировала я, – выгребная яма гастроэнтерологии, куда сваливают всё, что не смогли объяснить другими диагнозами, такими, как язвенная болезнь, желчнокаменная болезнь и так далее.

Я вывела на экране изображение поджелудочной железы.

– Вот, коллеги, полюбуитесь на идеальную картинку. Так выглядит здоровая железа, и такое изображение удаётся получить довольно редко. У пациентов со вздутием живота и ожирением, а именно они составляют большинство направляемых на УЗИ, поджелудочную, как правило, видно плохо, а потому наше заключение будет таким же нечётким и весьма подходящим для пополнения выгребной ямы диагноза.

Дообследовав подопытного «котика», на удивление демонстрирующего исключительно здоровые внутренние органы, я распрощалась с молодыми коллегами, пожелав им успехов.

Не успев закрыться за интернами, дверь в кабинет снова распахнулась. На пороге стояла Олимпиада Петровна, продолжая беседовать с кем-то в коридоре. Я оторвалась от бумажной работы, за которую только что принялась, и терпеливо ждала, когда посетительница обратит внимание на меня. Женщина выполняла в клинике обязанности культурно-массового организатора.

– Собираю деньги на день рождения Людмилы Борисовны, – наконец объяснила она цель своего визита.

Я потянулась за кошельком к сумке и, достав деньги, внесла взнос за себя и за Таню.

– Вы, как всегда, Нина Викторовна? По поводу меню – к Тане?

– Точно так, Олимпиада Петровна.

Обычно денежными вопросами организация мероприятий не ограничивалась. Олимпиада Петровна раздавала задания – кому что приготовить. Я предпочитала вносить деньги за себя и за свою медсестру, а Татьяна брала на себя ответственность за кулинарные шедевры от нас обеих.

– Дорогая моя, – вздохнула Олимпиада Петровна, – потому вы и не замужем, что не любите готовить.

Я улыбнулась:

– Олимпиада Петровна, я не хочу мужа-бегемота. Согласна отдать свою руку и сердце только шеф-повару из элитного ресторана!

Она махнула рукой и, заслышав голос Сирина в коридоре, поспешила покинуть мой кабинет, громогласно взывая:

– Доктор Сирин! Доктор Сирин! Минуточку!

Глава 14

Нескучный день

До открытия клиники оставалось ещё полчаса, но я пришла раньше, чтобы до приёма увидеть Захара.

В последнее время пересекались мы нечасто. В те редкие дни, когда Малаков не дежурил, жена старалась максимально загрузить его семейными обязанностями: концерт в музыкальной школе, соревнования по гимнастике, родительское собрание в детской театральной студии... Я начала привыкать встречаться с ним исключительно на работе. Привычный к ночным дежурствам, не заезжая домой, он мчался вести консультативные приёмы.

В клинике ещё никого не было, кроме двух регистраторов. Захар, зная, что я его жду, зашёл в мой кабинет и закрыл дверь на замок. Я села на стол и протянула руки ему навстречу. Он обнял меня и поцеловал в затылок.

– Здравствуй, Солнце моё!

– Ты выглядишь уставшим, – заметила я. – Дежурство тяжёлое?

– Оперировали всю ночь, – подтвердил Захар мои догадки.

Малаков сел на стул и положил голову мне на колени. Волос у него было немного, но это его не портило, а, наоборот, придавало своеобразный шарм и подчёркивало мужественность. Перебирая мягкие как шёлк чёрные кудри на затылке, я спросила:

– Малаков, ты какой национальности?

– Русский по паспорту.

– Ну, по паспорту понятно, – усмехнулась я. – А кровей каких?

– Мать говорила, что кто-то в роду был из кавказцев, – ответил Захар, чуть подумав.

– Ну, тогда понятно, откуда эти смоляные завитки и глаза-вишни.

Я подняла его голову и чмокнула в высокий лоб.

– Давай перебираться в ординаторскую, скоро Татьяна придёт и застучает нас на месте преступления.

Он нехотя поднялся, снова обнял меня, уронив голову на плечо, притворно похрапел и прошептал мне в ухо:

– Кофе хочу.

Я взяла его руки и, поцеловав ладони, ответила:

– Всё, что пожелаете, доктор.

Я люблю целовать его руки – руки хирурга. Кто-то может сказать, что руки нужно целовать женщине. А я не согласна! Руки нужно целовать любимым, и особенно если это руки золотые! Я целовала каждую линию на его ладони, накрывая ею своё лицо, каждый палец, представляя, как много жизней эти руки спасли, не переставая трудиться, и сколько ещё спасут.

Поначалу Захар смущённо пытался отнять ладони от моего лица и шептал: «Ну что ты, Солнце», – но я не отпускала. А сейчас, принимая поцелуи, он весь превращался в нежность, пряча лицо в моих волосах, замирал, наслаждаясь моментом...

Спустившись в ординаторскую, я налила кофе и положила на тарелку приготовленный для него бутерброд. Дождавшись, когда он справится с завтраком, в нетерпении потребовала:

– Рассказывай!

Тут же дверь распахнулась, и шумный Антонов разрушил своим появлением неспешное течение утра.

– Чего рассказывай? – уточнил он. – Очередное происшествие с дежурства?

Улыбнувшись, Захар кивнул.

– Чего оперировал? – продолжал допрос Юра, как будто это была его идея вывести Малакова на историю.

– Полночи в бригаде чинил мочевой пузырь, – начал Захар. – Мужик упал со стремянки и сломал таз. Мне достался разрыв мочевого пузыря.

– И что тут интересного? – уточнил Антоха.

– Интересно то, зачем он на стремянку полез.

– И зачем? – в два голоса спросили мы.

Захар помолчал, достал из кармана халата трубку, постучал ею по столу, убеждаясь в отсутствии табака.

– Белку спасал, – наконец ответил он.

– Белку? – переспросил Юра. – Перепил, что ли?

– Вот и мы так подумали, но мужик был трезвым, жена, приехавшая с ним, подтвердила, что он спасал белку, которая кричала на дереве.

– То есть мужик реально полез по лестнице на дерево спасти реальную белку? – уточнил Юра.

– Точно.

– И, неудачно наверху, сломал таз и разорвал мочевой пузырь?

– Угу, – Малаков сунул трубку в рот и улыбнулся уголками губ.

Юра рухнул на диван.

Я ничего не понимала.

– А зачем он полез её спасать?

Я представила белку, которая наверняка задавалась вопросом, зачем мужик лезет на дерево. Весь комизм и абсурдность ситуации дошли до меня, и я упала на диван рядом с Юрой, который сгибался пополам от смеха. Вскоре к нам присоединился Сиротин, а потом пришли Тёткин с Сириным, и к началу рабочего дня все врачи были в курсе операции по спасению белки, а потом долго ещё к месту и не к месту поминали этот случай.

Убедившись, что на первые полчаса ко мне никто не записан, я решила забрести к своей подруге в отдел медицинского страхования.

Ирина Митрофановна Костина полностью оправдывала своё прозвище, придуманное мной в первый день нашего знакомства, – Ирка-книжка. Читали мы помногу и обе считали, что хорошая книга непременно должна быть настоящей, не электронной, чтобы новенькие страницы пахли типографской краской, а со временем обложка пообтёрлась о соседствующие с ней на полке и приобрела вид, достойный домашней библиотеки.

Ирка была не просто начитанным, а пропитанным хорошей литературой человеком, она чувствовала хорошую книгу каким-то седьмым или десятым чувством, заполучив её, не выпускала из рук, смакуя страницу за страницей. Мы зачитывались одними и теми же произведениями, открывали новых авторов и спешили поделиться находками друг с другом. Накануне вечером Ирка-книжка сообщила, что у неё есть для меня сюрприз.

Я заглянула в дверь и сразу увидела Костину, царственно восседающую в офисе. Вообще, по образованию Ирина была лингвистом, свободно владела русским, английским, немецким и испанским. Но каким-то образом её занесло в медицину, а после и в нашу клинику. Хитро улыбаясь, она протянула мне карманного формата книжечку «La mujer que lo tiene todo».

– Ира, иди ты! Я так обрадовалась, когда ты сказала, что нашла что-то новенькое! Читать вообще нечего!

– Вот и читай.

– На испанском!

– Ну, я же не предлагаю тебе на немецком. Но уж испанский выучить – плёвое дело!

Я вздохнула и взяла книжечку. Конечно, Ирина права. Полгода назад я взялась за испанский: зубрила слова, мучила подругу вечерами, практикуя спряжение глаголов... и вдруг всё забросила. Но не тут-то было: Ирина Митрофановна не одобряла бесцельно потраченного времени и постоянно подпинавала меня на тернистом пути к намеченному результату.

– Чай зелёный с мёдом будешь? – она облизнула ложку и опустила её на блюдечко.

– Нет, мы с Захаром кофе уже пили, – ответила я и плюхнулась на стоящий в углу маленький потёртый диванчик, всегда наполовину заваленный историями болезней. – И потом, я сказала: мёд больше не ем! У меня от него задница растёт не по дням, а по часам, – продолжила я, для пушшего эффекта стараясь ущипнуть себя за ягодицу.

– Вот-вот, даже не щипается, – усмехнулась Ирина Митрофановна, не поддерживавшая меня в диетических выкрутасах. – Зачем тебе худеть? Мы не в том возрасте, когда сохнут, а в том, когда цветут! – воскликнула она. – Жаль, что Захар не нейрохирург.

– Почему?

– Я бы попросила его найти в твоей голове ту извилину, в которой сидит бред про толстую задницу, и удалить её хирургическим путём, – Ирка посмотрела на меня поверх очков и засмеялась, – я имею в виду извилину, – уточнила она.

Не соглашаясь с мнением подруги, я вздохнула:

– Пошла работать, наверняка уже кто-то под дверью торчит.

– Ничего, твоя Татьяна всех рассортирует, не беспокойся. Вот дал Бог тебе медсестру! Не то что у Тёткина. Он, бедный, всё данные мне для отчёта по пять раз собирает, а ты даже понятия не имеешь, что это такое – за тебя Таня всё делает, между прочим.

– Пойду, куплю ей пирожок, – сказала я, улыбаясь. – Кто бы спорил, Татьяна у меня на вес золота.

Я вышла в коридор и направилась к своему кабинету. А ведь правда, я даже не задумывалась о многих вещах, например, о нудной бумажной работе, потому что у меня была Таня. Умница и красавица, она всегда прикрывала меня перед начальством и истеричными больными, принимая первый удар на себя; билась за расписание с регистратурой, организовывая удобные для меня часы приёма, напоминала тысячу мелочей, которые я забывала сделать и которые она тщательно записывала, чтобы не пропустить.

Мне вдруг стало стыдно, что я такая неблагодарная. Нужно что-нибудь сделать для моей Тани, отплатить добром за добро.

Я зашла в кабинет, моя верная помощница сидела за столом и перебирала бумаги.

– Танюша, ты у меня лучшая медсестра в мире! Вот что бы ты хотела прямо здесь и сейчас?

Таня удивлённо посмотрела на меня:

– Серьёзно?

– Да, – ответила я.

– Поездку на море не загадывать? – спросила она.

– Нет, – честно отсоветовала я.

– Ну, тогда зелёный чай с куском торга, который мы вчера у Людмилы Борисовны пробовали.

Развернувшись на каблуках, я выскочила из кабинета и заторопилась в приёмную Кунцевой. И не зря. В момент, когда я влетела запыхавшись, Наташа доставала из холодильника тарелку с аккуратно обёрнутым плёнкой куском торга. Последним.

– Наташа! – закричала я. – Отдай торт мне!

От испуга замерев на месте, секретарша вытаращила на меня глаза:

– Нина Викторовна, вы что, беременны?

Я быстро прикинула выгоду в данной ситуации и ответила вопросом на вопрос:

– А если скажу правду, отдашь торт?

Потеряв дар речи, Наталья, готовая услышать шокирующую новость, протянула мне тарелку. Я схватила торт и уже на выходе из приёмной ответила:

– Конечно нет! С чего ты взяла?

Опомнившись, секретарша крикнула мне вдогонку:

– Торт отдайте! Это для Людмилы Борисовны!

Но я уже была на пути к Костиной. Влетев в её кабинет и захлопнув за собой дверь, словно опасаясь погони за моим добытым обманным путём сокровищем, я выпалила:

– Срочно стакан зелёного чая!

Ирина отложила в сторону бумаги и не поднимаясь включила чайник, который всегда был у неё под рукой.

– Тебе зелёный какой? Китайский, с жасмином, бергамотом или корицей?

Так же, как в хорошей литературе, Ирина Митрофановна совершенно потрясаяще разбиралась в чаях.

– Ты не знаешь, какой моя Таня любит?

– Жасминовый.

– Давай жасминовый.

Через пять минут я вошла в свой кабинет, осторожно держа чашку с горячим чаем и довольно внушительный кусок торта на тарелке. Таня, увидев меня, соскочила со стула:

– Серьёзно? Нина Викторовна! Вы что?! Я же просто так сказала!

– Танюша, ты не думай, что я тебя не ценю, – произнесла я, протягивая честно и не совсем честно добытые лакомства. – Мне ужасно повезло, что ты работаешь со мной, и прости, пожалуйста, если я нечасто говорю тебе спасибо. Уж такая у тебя дурында-доктор.

Таня взяла чашку с тарелкой, глядя на меня полными слёз глазами.

– Нина Викторовна, вы никакая не дурында. Серьёзно. Вы своего рода гений, а гении всегда рассеянны. Спасибо вам большое!

– Про торт никому не говори, – добавила я, делая пометку в моих рассеянных мозгах: «сказать Захару, что я гений. И Антохе». – Я его украла, – добавила я и, довольная собой, вышла из кабинета, сообщив ожидающей очереди, что приём начнётся через пять минут.

До ланча дотерпеть было невозможно, и, заглянув в ординаторскую, я провозгласила:

– Объявляется конкурс на лучшее мнение медсестры о своём враче.

В ординаторской были только Тёткин и Сиротин.

– У меня нет медсестры, у меня лаборант, – хихикнул Сергей.

– Потянет, – ответила я. – Передайте по сарафанному радио.

На ланч, однако, мало кто добрался до ординаторской, включая меня. Перед самым перерывом на приём пришла глуховатая старушка, с которой я провозилась гораздо дольше отведённого времени.

Вечером, собираясь домой, я зашла в приёмную Кунцевой, чтобы попросить у Наташи прощения, но её там не оказалось. Дверь в кабинет главной была открыта, и я осторожно заглянула – убедиться, что секретарши нет и там.

– Заходите, Нина Викторовна, сделайте милость. Или у вас только голова в дверь проходит при том количестве сладкого, что вы поглощаете?

– Людмила Борисовна, вы простите меня за сегодняшнее.

Кунцева посмотрела на меня поверх очков:

– Видимо, вам действительно очень понравился торт, раз вчерашнего не хватило и вы буквально выкрали у Наташи последний кусок.

– Что вы имеете в виду под «вчерашним»?

– Ну, как же, – не очень убедительно притворяясь рассерженной, пояснила Людмила Борисовна, – нам вчера бывшая пациентка презентовала торт. Мы с Наташей сели пить чай, зашла ваша Таня, мы, конечно, решили её угостить и отрезали кусочек. Перед уходом она сказала, что торт «просто умопомрачительный» – я цитирую, – добавила Кунцева, – и она хочет «взять чуть-чуть для Нины Викторовны».

История вызывала у меня всё больше и больше интереса. Кунцева продолжала:

– Танюша ваша не стесняясь отрезала полторта. Ну, я понимаю, мозг для работы требует глюкозы. Чего не отдашь своим сотрудникам!

Я, поражённая хитростью Татьяны, расшаркалась перед Людмилой Борисовной:

– Вот я и пришла сказать спасибо.

Кунцева, заподозрив неладное, пристально посмотрела на меня.

– Вчера не хватило? – снова спросила она.

Я не знала, куда деться от стыда.

– Людмила Борисовна, честно вам скажу, не думала, что последнее отнимаю. Да ещё у вас – в жизни не посмела бы!

Главная махнула рукой и вернулась к своим бумагам.

– Ой, Нина Викторовна, мудрите опять чего-то, правды от вас не дожидаться, – она вздохнула. – Думаете, торта мне жалко? Да нет, конечно. Я посмеялась над Наташей, когда она рассказывала... Идите уже домой.

Я потихоньку затворила за собой дверь и отправилась в кондитерскую.

На следующий день я пришла на работу с двумя тортами: для Людмилы Борисовны и для моей медсестры. Кунцевский торт я сразу занесла в приёмную и оставила в холодильнике. Со вторым я зашла в ординаторскую, где, на удивление, собрались почти все, отчего стояли шум и смех. С моим приходом коллеги, казалось, ещё больше оживились, хотя, по мне, комната отдыха и так напоминала «палату номер шесть». Доктора наперебой пытались рассказать историю, но я не могла понять о ком. Начав задавать уточняющие вопросы, я окончательно запуталась, и Антонов взялся дирижировать оркестром. Все притихли и только кивали и похатывали, поддерживая Юрино повествование.

– Согласно предложенному тобой плану, мы начали опрос наших медсестёр: что они думают о докторах, с которыми работают? Но опустим мнение трёх сестёр, работающих с Сириным...

– Почему это? Что за дискриминация? – подал голос гинеколог.

Антонов поднял руку, защищаясь от негодования коллеги.

– Хорошо. Уговорил, – Юра взял блокнот, в котором, по-видимому, делал заметки о своих интервью. – Две медсестры назвали Сирина самым сексуальным в клинике, третья, Олимпиада Петровна, сказала, что жалеет сердечного, потому что он всегда голодный и ест всякую ерунду. Её мечта, мол, сварить Андрею Андреевичу борщ и чтобы он всю кастрюлю скушал.

Я представила Олимпиаду Петровну, добрейшей души медсестру предпенсионного возраста, и от чистого сердца пожелала ей удачи.

– Сиротин, как ты знаешь, медсестры не имеет, он работает с лаборантом. Вчера, не дождавшись меня, он заглянул в лаборантскую и спросил: «Костик, как ты ко мне относишься?» На это Костя, покраснев как варёный рак, ответил: «Простите, Сергей Викторович, но у меня есть девушка».

Снова раздался хохот, перемежаемый комментариями. Антонов продолжал:

– К медсестре Малакова я, как и к медсестрам Сирина, ходил сам. Как вы знаете, у Захара работает новенькая. Так что я разыскал прежнюю и спросил, чем же она так досадила Захару, что он сослал её в регистратуру, лишив возможности работать на приёмах.

– Никто до сих пор, кстати, причины не знает, – заметил Сиринов.

– Медсестра рассказала, – продолжал Антонов, – что записала к Малакову на консультацию пациентку с пахово-мошоночной грыжей.

Снова раздался смех. Юра поднял руку, останавливая поток комментариев:

– Я уточнил: «Девочка, а где ты списала этот диагноз?», на что она ответила: «Я сама его поставила со слов больной. Она описала в жалобах, что у неё грыжа в паху, которая перемещается вниз».

Юра снова взял паузу, переживая взрыв хохота:

– Но главное не это! Она при всех наводящих вопросах и намёках так и не поняла, что сделала не так и почему этот деспот Малаков потребовал у Кунцевой дать ему другую медсестру, желательно с мозгами. Ей до сих пор не пришло в голову, что она диагностировала у женщины грыжу в мошонке!

Я посмеялась со всеми вместе, а потом поделилась своей историей.

Начала я с того, что моя Таня назвала меня гением. А все гении страдают рассеянностью. И далее поведала о приключениях с тортом. Моя история явно оказалась победителем. Юра, продолжая смеяться, достал из холодильника коробку и спросил:

– И ты собираешься отдать ей целый торт?

Я кивнула.

– Не вижу логики. Давай лучше мы съедим его на глазах у Тани и не поделимся.

– Нет, не могу, – отклонила я его вариант мести. – Пусть она поймёт, что я знаю, и ей станет стыдно.

– А я считаю, твоя Татьяна – настоящая находка! – не согласный со мной Тёткин, кивнув Юре, начал с ним в четыре руки распечатывать торт.

Больше уже никто моих доводов не слушал, потому что торт оказался вкуснее, чем ожидалось. В какой-то момент я поняла, что мне снова не достанется ни крошки. Подскочив к Захару, я урвала с его тарелки последний кусок и в спешке проглотила его целиком, даже не почувствовав вкуса, чем вызвала новый взрыв смеха со стороны жующих коллег. Несмотря ни на что, я была довольна, что моя медсестра считает меня гениальной.

После работы мы собирались встретиться с Захаром. Я со всех ног летела домой и старалась припомнить, что имеется в холодильнике. Забыв в квартиру, решила сначала привести в порядок себя. Наскоро приняв душ и придав волосам вид беспорядочно-сексуальный, я наконец добралась до кухни. Но заглянуть в холодильник мне помешал телефонный звонок.

– Солнце, это я, – начал Захар, и по его голосу я поняла: не придёт.

– Да, привет, – торопливо прервала его я, не позволив продолжить. – Как хорошо, что ты позвонил. Малаков, уж прости, но сегодня не получится встретиться.

Захар осёкся и немного помолчал.

– У тебя что-то случилось? – наконец спросил он.

– Незапланированный аврал, – неопределённо ответила я.

Снова возникла пауза.

– Вообще, это, может, и к лучшему, потому что я как раз звоню, чтобы извиниться: девчонок не с кем оставить. Тоже незапланированно.

– Видишь, как удачно складывается, – с притворным удовлетворением выпалила я. – Увидимся завтра, целую в нос!

Я поспешно нажала кнопку «отбой» и держала её так крепко и долго, что заломило палец. Я пыталась сосредоточиться хоть на чём-то, но мысли перескакивали с одной на другую, и, наверное, именно это спасло меня от слёз.

Не моргая я смотрела в пустоту и ощущала её странным образом материальной: казалось, я могу потрогать мёртвое пространство вокруг, коснуться воздуха, который вдруг стал тяжёлым. Может быть, я сходила с ума, потому что с каждым вдохом пустота проникала в лёгкие и заполняла меня изнутри, сдавливая сердце. Я чувствовала его гулкие удары, размеренные и какие-то деловые. Не было того сумасшедшего ритма, которым оно обычно захлёбывалось при звуке голоса Захара, словно сердце внезапно отяжелело и устало. Я прислушалась: не остановится ли? Но оно продолжало ровно стучать.

Ничего не изменилось вокруг: солнце, прищурившись, через одну из прорех в косматом облаке, пыталось зацепиться лучами за кроны деревьев, стрелки часов перескакивали с цифры на цифру, демонстрируя свою точность и неизменность, и только я чувствовала себя другой.

Что-то надломилось и оборвалась внутри от тяжёлого воздуха, сдавившего горло. Я шагнула к окну и увидела, как день опускает занавес, чтобы зажечь звёздную россыпь на ночном небе. Вспомнив любимый фильм, я попыталась представить себя его героиней и для пущей убедительности прошептала:

– Завтра будет другой день. Я подумаю об этом завтра...

Глава 15

Лесная фотосессия

День рождения Кунцевой ежегодно отмечался у неё на даче и был одним из самых замечательных событий года. Людмила Борисовна приглашала всех сотрудников, причём вместе с супругами и детьми, у кого таковые имелись. Праздник удавался всегда, хотя для меня в этой бочке мёда находилась ложка дёгтя: Захар неизменно приходил с женой, которая была хорошо знакома с Кунцевой – когда-то работала медсестрой под началом Людмилы Борисовны. Я старалась исключать Малакова из зоны своего внимания, но иногда это стоило слишком больших усилий, и вместо радости от общения с коллегами в нерабочей обстановке у меня появлялось чувство усталости.

На этот раз я решила взять с собой Димку: как-никак – он один и есть моя семья. Его хорошо знали все, потому что не только слышали от меня многочисленные истории о сыне, но и общались с ним во время врачебной практики, которую он проходил у нас, учась в институте.

Дача у Кунцевой была старая с огромным участком земли, создававшим иллюзию присутствия в лесу на дикой природе. Правда, кроме докторов, других дикарей не наблюдалось. Дикие звери, если такие водились поблизости, держались в стороне, напуганные громкими разговорами и взрывами смеха. Кунцева, в джинсах и лёгкой курточке, с волосами, собранными в узел на затылке, была вовсе не похожа на главного врача крупной частной клиники. Без административного лоска она казалась значительно моложе, и о возрасте можно было догадаться только по годам мужа, с которым, как все знали, они были вместе со школьной скамьи. Аркадий Александрович выглядел уставшим и совсем не спортивным человеком средних лет. Работа его не имела никакого отношения к медицине, но, прожив столько времени с врачом и общаясь с медиками всех специальностей, он мог поддержать любую нашу беседу на профессиональную тему. Был он, несмотря на свою неспортивность, мужчиной очень привлекательным и, благодаря обширному кругозору и умению говорить, легко завоёвывал женские сердца.

Пока мы с Ириной Митрофановной резали помидоры к шашлыку, Димка беседовал с Аркадием Александровичем, делясь опытом ординатора. К ним присоединились остальные доктора, все без исключения любившие шутить над молодыми коллегами.

– Значит, Дмитрий, скоро ты станешь коллегой Малакова? – спросил Сиротин.

– Ну, в общем врачебном смысле да, но я специализируюсь в реаниматологии, не в урологии, – уточнил Димка.

– Запомни, что только урологи и реаниматологи радуются при виде мочи, капающей из катетера пациента! – под дружный смех обосновал свою точку зрения Сергей.

Я сунула маленькую помидорку в рот и присоединилась к обсуждению. Димка пробудил интерес к студенческой теме, и все, кто по совместительству подвизался на кафедрах, принялись рассказывать случаи из преподавательской жизни.

Сиротин, помешивая угли в мангале, кричал:

– Мой студент в заключении по вскрытию криминального трупа написал: «На больном обнаружено две раны: одна смертельная и одна, к счастью, нет».

Все развеселились и начали вспоминать цитаты из ученических записей. Тёткин замахал руками, по его щекам лились слёзы, и непонятно было, плачет он от смеха или от дыма, разъедавшего глаза.

– Мой интерн не далее как вчера описал пульс пациента как ритмичный, хорошего наполнения, три раза в день!

Снова раздался смех.

– Могу поспорить, что это был Кошкин, – вступил в разговор Захар.

– Как ты догадался? – удивился Марк.

– Он написал в истории болезни, что обследование прямой кишки показало нормальный размер щитовидной железы.

Здесь уже все заплакали точно не от дыма, валившего из мангала.

– Всё не так плохо, как вы думаете, – старался перекричать смеющихся Сиротин, – всё гораздо хуже! – Смех стал только громче. – Я созвонился с руководителем Кошкина по интернатуре, он поведал, что у паренька папа большой человек в городской администрации.

– Абсолютная правда, – подтвердила Сирина, подошедшая с Андреем к хохочущей компании. – Так что по поводу «паренька» можете не переживать: врачом он работать не будет, ему уже готово кресло в отделе здравоохранения. Лучше налаживайте связи с интерном Кошкиным: могут пригодиться в будущем, – многозначительно добавила моя «любимая» пациентка.

– Да, смех сквозь слёзы, – заметил Аркадий Александрович.

Таня принесла большой поднос с шашлыками, нанизанными на шампуры.

– Красота какая! – воскликнул Сиротин, раскладывая мясо на мангал.

– Только вредно очень, – заявил Сирин.

– Вредно, Андрюша, всё, – Людмила Борисовна расставляла тарелки на огромном столе, установленном прямо под соснами.

– Даже мёд, если его положить в дыхательное горло, – добавил Димка.

– Хорошее начало для реаниматолога, – прокашлял сквозь смех Захар.

Я обняла Димку и поцеловала его в ухо. К Малакову подошла жена и принесла ему бутерброд с сыром.

– Попробуй, какая вкуснота!

Захар наморщил нос:

– Не хочу перебивать мясной аппетит. Буду ждать шашлыки.

Каждый раз, когда супруга подходила к нему, Малаков избегал встречаться со мной взглядом, словно чувствовал себя неловко.

Я стояла, обняв Димку, и наблюдала, как вокруг Захара крутится маленькая полная восточная женщина, впервые за все годы не чувствуя укола где-то глубоко в сердце, словно дело касалось абсолютно посторонней для меня пары малознакомых людей. Они никогда не брали с собой своих девчонок, но Анна неизменно демонстрировала их последние фотографии. Вот и сейчас, отойдя от мужа, она завладела вниманием Олимпиады Петровны и принялась рассказывать об успехах младшенькой в танцевальной школе.

Малаков подошёл к нам.

– Рад, что тебе нравится твоя специальность, – обратился он к Димке. – В медицине сейчас появляется всё больше и больше случайных людей, не готовых врачевать, как вот недавно упомянутый Кошкин...

Димка высвободился из моих объятий, словно подчёркивая тем самым свою взрослость и независимость, и с удовольствием поддержал тему.

Я знала, что Малаков пользуется у него большим уважением, и мне это импонировало. Я взглянула на двух дорогих мне мужчин, а затем, чмокнув сына в щёку, покинула мужскую компанию и присоединилась к девчонкам, накрывающим стол. Практически все были в сборе, опаздывали только Мухин, Антонов и пара регистраторов. Новая проктологиня решила не нарушать нашей тёплой компании и отказалась от приглашения.

Мясо было готово, и все, налив вина в бокалы, приготовились к тосту, которым традиционно начинал череду поздравлений Аркадий Александрович. Олимпиада Петровна суетилась с шашлыками, а остальные с нетерпением ждали речь Кунцева.

– Дорогие друзья! – провозгласил он. – По просьбе именинницы я нарушаю традицию и передаю первый тост ей.

Все захлопали. Людмила Борисовна улыбнулась.

– Дорогие мои коллеги, – начала именинница. – Ровно пять лет назад мы впервые собрались за этим столом. И с тех пор каждый год у меня самый лучший день рождения, какой только можно пожелать, – переведя дыхание, главная продолжила: – Вы моя семья. Я провожу с вами больше времени, чем со своим мужем.

Аркадий Александрович, соглашаясь, закивал головой.

– Вы мне очень дороги, – добавила она, – и я благодарю всех и каждого из вас за то, что вы рядом, что мы вместе, что я всегда могу положиться на вас. Спасибо, что вы пришли сегодня, за ваши тёплые слова и замечательный праздник, который для меня организовали. Я хочу поднять этот бокал за моих близких, моих коллег, моих друзей – за вас.

Запыхавшись, от калитки бежал Антонов, размахивая букетом цветов.

– Мне налейте! Я присоединяюсь к тосту!

Таня протянула ему бокал, и он залпом его осушил. Все увлечённо жевали, только Олимпиада Петровна, оставаясь на посту, быстро нанизывала новые куски мяса на освободившиеся шампуры. Вдруг она замерла, глядя в сторону калитки. Юра, стоящий рядом со мной, ткнул меня локтем в бок, указывая на тропинку.

– Глазам не верю, неужели... – пропел он, и я, переведя взгляд туда, куда все вдруг стали указывать пальцами, увидела Мухина, идущего с регистраторшей Оксаной.

Они не просто шли вместе, они явно приехали вместе, и их лица светились загадочно счастливо.

– Ну, наконец и опоздавшие в сборе, – поприветствовала Кунцева вновь прибывших.

Припозднившаяся пара приняла протянутые им бокалы с вином и тарелки с едой.

Все удивлённо переглядывались, теряясь в догадках. Мухин прокашлялся:

– Людмила Борисовна, мы присоединяемся ко всем поздравлениям, несомненно уже прозвучавшим до нашего прихода, и хотим пожелать вам здоровья прежде всего и ещё раз здоровья.

– Остальное у вас уже есть, – добавила Оксана, – и муж, и дети, и любимая работа.

– Да, – продолжал Мухин. – Ну, и чтоб предупредить все ваши догадки и предположения, уважаемые коллеги, позвольте проинформировать, что мы с Оксаной вчера подали заявление в ЗАГС и через два месяца приглашаем всех на свадьбу.

– А-а-а-а! О-о-о-о! – раскатилось по лесу. – Ура! Поздравляем! Горько!

Все, конечно, были удивлены.

– Коллеги! Внимание! – прервал поток поздравлений наш лор. – Не забывайте, что сегодня совсем другой повод для праздника! Я предлагаю всё-таки поддержать мой тост и выпить за здоровье Людмилы Борисовны!

– Да, пусть мы все будем здоровы, – провозгласила Кунцева и, чокнувшись с Мухиным, выпила до дна.

Антоха незаметно подкрался ко мне и прошептал:

– Теперь в каждом ухе по мухе. Интересно, она его фамилию возьмёт?

Я от неожиданности подавилась шашлыком, который жевала, и закашлялась. Юра, довольный произведённым эффектом, постучал по моей спине и пошёл к другой жующей компании.

Я пробралась к столу, чтобы посмотреть, всё ли успела попробовать, и оказалась рядом с Леной Новиковой. Она стояла со стаканом минеральной воды и, похоже, ничего не ела.

– Лена, вы многое пропустили, не попробовав шашлык, – обратилась я к ней.

– Я меняю поздний ужин на утреннюю зарядку, – попыталась сострить женщина.

Я вопросительно посмотрела на Рудика, но тот лишь пожал плечами, жуя за обе щеки.

– Рудик устанет ужин за двоих, – констатировала факт я, накладывая на тарелку любимую селёдку под шубой.

– Нина Викторовна, селёдку я сделала! – крикнула мне Таня.

– Ты её от меня приготовила или от себя? – спросила я в шутку.

– От вас, от себя я сделала заливную курицу, – на полном серьёзе ответила медсестра.

– Нинка, шуба у тебя получилась умопомрачительная, – засмеялась Карасёва, выгребая себе остатки салата.

– Хоть бы успеть попробовать, чего я тут наготовила, – сказала я, глядя, как быстро пустеют тарелки на столе.

Полина, доев «мою» селёдку под шубой, предложила:

– Пойдём прогуляемся.

Я оглядела оставшиеся угощения и, не обнаружив ничего, что ещё хотела бы попробовать, согласилась.

Лес вокруг был просто сказочный: высокие сосны, пушистые ёлки, редкие берёзки и почти полное отсутствие подлеска. Идти было легко.

В первую очередь мы, конечно, обсудили новость про Мухина. Никто не ожидал такого поворота событий. Старый холостяк Мухин и Оксана, которая неоднократно доставала его своими глупыми ошибками!

– Нужно быть достаточно умной, чтобы выглядеть такой глупой, – констатировала факт Полина.

– Но Мухин-то, Мухин-то каков! Решил взять её на перевоспитание, – не переставала удивляться я.

– Да, она его лет на двадцать моложе? – предположила Поля.

– Вот уж точно интересный эксперимент получится.

– Жалко, подснежников уже нет, – переключилась Карасёва, старательно разглядывающая каждую кочку и каждый пенёк в поисках достойного объекта для фотографирования.

– Ну, ты вспомнила! Скоро уже грибы собирать будем, – я наткнулась на какой-то розовый цветок-лютик. – Смотри, вот тебе весенние первоцветы.

Полина рванула ко мне, достала телефон и начала снимать цветочек с разных ракурсов.

Рядом с нами было небольшое болотце, слегка подёрнутое тиной и какими-то узорчатыми водорослями. Посередине лежало бревно, покрытое густым иссиня-зелёным мхом. Вокруг бревна торчал ещё прошлогодний сухой камыш.

– Поля, смотри, какой васнецовский пейзаж!

Подруга обернулась и с криком «хочу!» рванула к болоту.

– Ты представляешь, какая будет фотография! Это же реальная «Алёнушка»!

– Ты чего, собираешься туда лезть?

– Мы обе собираемся туда лезть, – уточнила Полина. – Стой здесь. Я за Димкой.

– Он не согласится быть братцем Иванушкой! – уже вслед убегающей подруге крикнула я. – Бери Сиротина!

Стоять одной в лесу, охраняя болотце, пусть даже с васнецовским бревном, было не очень комфортно. Дикие звери не должны водиться в районе пригородных дач, но руку на отсечение я бы не дала. Оглядываясь по сторонам, я убедилась, что пейзажей Шишкина с медведями вокруг нет, но, несмотря на это, очень обрадовалась приближающимся голосам Поли, Сиротина и Димки.

Увидев наше болотце, сын засомневался, стоит ли туда лезть.

– Бревно совсем трухлявое, – пнув ногой важнейшую часть декораций, сообщил он.

– Так, ты там поаккуратнее, а то рассыплется, как нам на нём сидеть? – закричала Поля.

Сиротин с энтузиазмом выбирал позицию для съёмки: по его мнению, фотографии должны были получиться исключительно как для глянцевого журнала.

– Пошли! – скомандовала Поля, но я отодвинула её и первая шагнула к бревну.

– Дети следуют за взрослыми, – сказала я и уцепилась за стоящее рядом с болотцем дерево.

Веточки, попавшие мне в руки, оказались слишком тонкими, и я, встав на бревно, едва не потеряла равновесие: оно было не только трухлявое, но ещё и скользкое из-за мха. Балансируя буквально на уходящей из-под ног опоре, я сделала первый шаг. Димка смотрел на мои акробатические этюды и давился от смеха.

– Дима! Твою мать! Перестань ржать! Я сейчас свалюсь! – орала я, продвигаясь маленькими шажками к центру бревна.

– Вот! Отлично! Здесь будем снимать! – объявил Сиротин. – Поворачивайся!

Тут только до меня дошло, что по бревну я шла спиной к фотооператору и теперь мне нужно развернуться на сто восемьдесят градусов. Продемонстрировав собравшимся и от души веселящимся друзьям немалый запас крепких словечек, я с трудом поменяла позицию и посмотрела в камеру. Кроссовки соскальзывали, бревно покачивалось на воде, но я выстояла.

– Снимай! – крикнула я Сиротину.

– Садись! – скомандовал Сергей, и я поняла, что он прав: у Васнецова Алёнушка сидит и смотрит на воду. Я начала медленно приседать, чувствуя, как комары радостно вонзают в меня свои носики, пользуясь тем, что я не могу от них отмахнуться.

– Ёклмн! Как же я встану потом? – хохотала я, представляя себе эту картинку.

Сиротин щёлкал не переставая, и я крикнула:

– Подожди, я ещё позицию не заняла!

Но позиция моя была очень шаткая, так как от смеха я не могла удерживать равновесие, чтобы сесть красиво. В поисках баланса я обхватила себя руками за плечи.

– Давай!

С берега доносился гогот, переходящий в похрюкивание. Я бы и сама с удовольствием согнулась от хохота пополам, но не хотелось бы оказаться по колено, а может, и по пояс в болотной воде. Попозировав, сидя на корточках, я уже собиралась встать, когда Сиротин огласил новое задание:

– Теперь садись!

– Я сижу, – проблеяла я.

– На задницу садись!

Димка уже прыгал вокруг Сергея, дрыгая от смеха ногами и размахивая руками, Полина утирала слёзы, а я думала: «Гады комары!» Собрав решимость в кулак, я села, сразу почувствовав, как намокают джинсы от сырого мха.

– Ну, твою же дивизию! – посетовала я, стараясь при этом придать грустно-задумчиво-романтическое выражение своему лицу, чтобы соответствовать оригиналу шедевра. Сиротин, толкнув Карасёву в бок, скомандовал:

– Давай, ты тоже лезь!

Поля всё ещё смеялась, но покорно направилась к бревну, рассуждая на ходу:

– Так у Васнецова одна Алёнушка, мы уже Нинку сняли...

– Не спорить! Авторские права на фотосессию у меня! – Сергей вошёл в роль.

– Осторожно! – заорала я, почувствовав, как бревно закачалось под Полиной. – И поворачивайся сразу к нему лицом! – напомнила я.

Подруга медленно двигалась ко мне и, добравшись довольно быстро, опустилась рядом.

– Как ты тут сидишь? Здесь же мокро, – она сморщила нос. – И комары просто звери!

– Искусство требует! – вздохнула я.

– Модели! Замерли! – скомандовал режиссёр-оператор, продолжая делать снимки.

Мы с Полей дружно загрустили, глянули на воду и качнулись на бревне.

– Карасёва, как мы встать будем? – тихо спросила я.

– Поползём, если что, – ответила она, поворачивая голову в другую сторону, как того требовал Сиротин.

Наконец, сняв нас со всех ракурсов, Сергей сообщил, что мы можем выбираться. Поля предприняла попытку подняться, опершись одной рукой о бревно, другой о моё плечо. Потихоньку встав на корточки, она наконец выпрямилась, но тут же одна нога соскользнула, и Полина упала на колени.

– Ползи обратно! – орал Димка, задыхаясь от смеха.

Я тряслась от хохота и с ужасом представляла, как поползу сама. Карасёва пятилась, периодически останавливаясь, чтобы просмеяться, и, добравшись до конца бревна, ухватилась за кусты и выпрямилась. Я оглянулась, заметила, что за моей спиной тоже торчит какой-то кустик, и, обрадовавшись как родному, протянула к нему руки. Растеньице было хиленькое, но достаточно крепкое, чтобы я, перебирая ветку за веткой, смогла встать. Выпрямившись во весь рост, гордая собой, я двинулась в обратном направлении, думая только о том, чтоб не соскользнуть. Счастливые, с мокрыми задницами и коленками, мы с Полей почувствовали наконец твёрдую почву под ногами и ринулись к Сиротину смотреть, чего он там наснимал.

– Батарей села, – улыбаясь до ушей, поспешил обрадовать нас Сергей. – Но я всё сфоткал, не переживайте.

– Я снял только финал: «возвращение на землю», – оповестил Димка. – Буду продавать оригинал задорого! – кричал он, зажав телефон в высоко поднятой руке и стараясь увернуться от нас. Мы прыгали, дёргали Диму за рукав, но до вожаемого аппарата добраться не могли.

Вырвавшись из наших рук, сын побежал по направлению к основной компании. Мы пустились за ним, чтобы перехватить папарацци до того, как тот обнаружит свою добычу, но угнаться за длинноногим прохиндеем было непросто.

Весь оставшийся вечер Димкин телефон кочевал по кругу, веселя публику. Самыми шикарными эпизодами были ползущая по бревну Полина и я, цепляющаяся за кустик в попытках встать. Мы с Карасёвой стояли поближе к костру, чтобы подсушить «подмоченную репутацию», то и дело почёсывались от комариных укусов, но чувствовали себя совершенно счастливыми в предвкушении снимков, которые Сиротин обещал показать завтра.

Глава 16

Правильные приоритеты

Опьянев от свежего воздуха, весёлой компании и выпитого вина, я вернулась домой, буквально ваяясь с ног, и, как только голова коснулась подушки, уснула беспробудным сном. Звонок в дверь разбудил меня не сразу. Точнее, он звенел в моём сне и, не просыпаясь, я продолжала думать, кто пришёл.

Наконец, он вырвал меня из объятий Морфея, но мне потребовалась ещё пара мгновений, чтобы вернуться в реальность и понять, что я нахожусь дома, в своей постели, и в дверь кто-то, действительно, настойчиво звонит. Испугавшись от мысли, что что-то случилось с Димкой, я соскочила с кровати и понеслась в прихожую. От волнения не посмотрев в глазок, я распахнула дверь и на мгновение испугалась: на пороге стоял мужчина выше и шире в плечах, чем мой сын. Я чуть было не закричала от неожиданности, но вдруг поняла, что это Захар.

– Ты? – удивлённо спросила я.

Он молча кивнул, и я заметила, что он пьян.

– Что ты здесь делаешь? Что-то случилось?

Малаков ничего не ответил, шагнул через порог и, отодвинув меня от двери, захлопнул её.

– Я ушёл из дома, – медленно, словно по слогам произнёс он.

– Ты ушёл из дома, – повторила я, не понимая, о чём он говорит.

– Она сказала, что ей надоело видеть, как я смотрю на тебя глазами побитой собаки...

– Подожди минутку, – перебила его я. – Ты вообще о ком говоришь?

– Она сказала, что успехами твоего сына я интересуюсь больше, чем своими детьми.

Мне наконец стало ясно, о ком идёт речь, и я, схватив Малакова за рукав, потянула его в кухню.

– Когда ты успел так напиться? – спросила я. – Сколько сейчас времени?

Часы на кухне показывали четыре утра.

– Я вызову тебе такси, – сказала я.

– Я хочу спать, – заявил Захар и сделал попытку подняться.

Я прижала его плечи к стене и, глядя в глаза, спокойно произнесла:

– Ты в состоянии понять, что происходит?

Малаков кивнул.

– Если думаешь, что меня обрадует твоё решение, принятое после пьяного скандала с женой, ты ошибаешься. Сейчас я вызову такси, и ты поедешь домой.

– Нет, – Захар упрямо мотал головой, и меня это ничуть не забавляло.

– Я не собираюсь с тобой спорить, – серьёзно проговорила я. – Мне не нравится твоя идея явиться сюда в таком виде.

Малаков молчал.

Сколько раз я пыталась представить момент, когда он наконец придёт ко мне, но нарисовать чёткую картинку не получалось никогда. Лужина, как профессиональный психолог, уверяла: потому этого и не происходит, что нет чёткого понимания, как и что я хочу.

Но меньше всего я хотела, чтобы это случилось таким образом! Было ясно как день, что, протрезвев, Захар будет ненавидеть себя и сердиться на меня за то, что я воспользовалась моментом и приняла это непродуманное решение. На трезвую голову он никогда так не поступал и не поступит – я слишком хорошо его знала!

Глядя на его уставшее лицо, я вдруг поняла: вовсе не любовь ко мне привела его сюда! Это обида на жену, ради которой он жертвует всем, ради которой он живёт и работает, ради неё и девочек он отказывает себе в нормальном отдыхе, возможности расслабиться и наслаждаться

жизнью. Я словно увидела всё со стороны, и стало предельно ясно, что для него наши отношения лишь попытка вырваться из рутины, глотнуть свежего воздуха, разнообразить череду бесконечных забот и проблем. Может быть, это также способ показать жене, что он достоин большего, что он хочет любви, заботы, благодарности за всё, что он для них, для Неё делает! Это вовсе не те чувства, которые испытываю к нему я! Это не любовь, точнее, любовь не ко мне!

От неожиданного прозрения на лбу у меня выступил холодный пот, словно после долгой лихорадки наступил наконец кризис, ведущий к выздоровлению.

– Ты поедешь домой, – твёрдым, не допускающим возражений голосом сообщила я, и по тому, как прозвучали мои слова, Захар понял: я не поменяю своего решения.

Я вызвала такси. Следующие пять минут мы просто сидели молча, словно посторонние люди, и эти минуты показались мне часами...

Закрыв за Захаром дверь, я вернулась на кухню, выключила свет и даже не подошла к окну убедиться, что он уехал. Сон пропал. Я долго ворочалась в постели, пытаюсь избавиться от чувства ненужности произошедшего. Хотелось, чтобы завтра оказалось, что ничего этого не было.

Утром, едва вынырнув из тяжёлого сна, я решила, что в клинику не пойду. Состояние это не новое и известное наверняка каждому. Даже когда мы любим свою работу, звонок будильника нередко наталкивает на мысль, что от любви до ненависти всего один шаг. Самое сложное – проснуться и оторваться от подушки. С целью позитивной стимуляции процесса пробуждения я специально не держу дома ни кофе, ни кофеварки. Таким образом, едва открыв глаза, я начинаю торопиться в клинику, потому что именно там меня ждёт первая чашечка любимого напитка. Но сегодня мне не хотелось встречаться с Захаром.

Я стараюсь не злоупотреблять больничными, но в этот раз набрала номер Рудика и сказала, что заболела.

Новиков, конечно, не обрадовался моему сообщению, но заверил, что переживёт и ждёт меня завтра. Уже окончательно проснувшись, я из принципа валялась в постели ещё пару часов. Наконец, соскучившись по человеческому общению, потянулась к телефону и набрала номер сына.

– Димка, я заболела, – без предисловий начала я давить на жалость.

– Чем?

– Пока не решила.

– И как ты себя чувствуешь?

– Я себя чувствую, но плохо. Голова болит.

– Ну, это тебе череп жмёт, потому что ты такая умная.

Я не выдержала и рассмеялась. Дима умел вытащить меня из любой эмоциональной ямы и вернуть к позитиву.

– Никак не могу проснуться, – предприняла я вторую попытку разжалобить сына.

– Ну, ты же знаешь, что ничего так не пробуждает, как чашечка свежесваренного кофе с сахаром, выплеснутая на живот.

– У меня же нет дома кофе, – сквозь смех напомнила я, продолжая сетовать на жизнь. – Весь на работе.

– Значит, доедь до меня, – предложил сын, живший на другом конце города.

– И ты с удовольствием плеснёшь мне кофе на живот?

Димка рассмеялся.

– Как твоя учёба? – поинтересовалась я.

– Отлично, завтра последний экзамен, – ответил будущий реаниматолог.

– Ну, давай, готовься, – выдала я родительское напутствие и, звонко чмокнув трубку, нажала «отбой».

Я старалась не думать о ночном визите Захара и о нём вообще. Ничего не хотелось делать, хотя дел дома всегда невпроворот. Но как-то с хозяйственными мелочами проще разбираться понемногу вечерком после работы. Тратить же на них целый свободный день кажется мне кошунством. Звякнул телефон, сообщая, что пришло очередное послание от Малакова.

– О'кей, – ответила я телефону и, не прочитав сообщение, прошлёпала босыми ногами на кухню.

В холодильнике одиноко красовался кусок пиццы трёхдневной давности и просроченный йогурт. Я заглянула в морозилку и, увидев замороженную утку, решила извлечь её на свет божий с намерением запечь на вечер. Утка успешно перекочевала из морозилки на стол, но проблема с завтраком от этого не решилась. Зазвонил телефон. На экране высветилось: «Ирка-книжка».

– Привет, – ответила я.

– Ты чего заболела?

Ира явно что-то жевала.

– А что, уже сообщили?

– Пришла твоя Таня с известием, что без тебя ей нечего делать, и, как сознательный работник, предложила мне помощь.

– Ага, – усмехнулась я, – ты сильно не обольщайся, это она чтобы побольше чаю с жасмином за день выпить.

Ирка хихикнула:

– Так чего ты заболела?

Я опять открыла холодильник и посмотрела на пиццу.

– Устала, – здравый смысл победил, и я захлопнула дверцу. – Решила отоспаться денёк, может, сон вернёт мой рабочий энтузиазм.

– Ну, тогда ладно, это не страшно и ненадолго, – согласилась подруга. – Захочешь чаю, подъезжай.

– С'кей, – ответила я и, отключившись, отправила сообщение Карасёвой: «Через час в “Старом Дублине”», на что незамедлительно получила ответ: «Через два».

За два часа я привела в порядок себя, кухню, спальню, разобрала обувь, поменяв зимнюю, перекочевавшую в кладовку, на летнюю, и, заметно проголодавшись, отправилась в «Дублин». Карасёва уже заняла столик и читала меню, которое мы обе знали наизусть.

– Я голодная как зверь, – призналась я. – Как бы исхитриться и не съесть целого слона?

– Если ты боишься поправиться, выпей двадцать граммов коньяка перед едой.

Я, не понимая, в чём фишка, смотрела на Полину.

– Страх как рукой снимет, – смеясь, закончила свой совет подруга.

Мне тоже стало весело, и даже без коньяка страх сняло как рукой. Я принялась заказывать всё самое любимое, не думая о калориях. Телефон зазвонил, и на экране высветилась фотография Захара. Я нажала красную кнопку, сбросив вызов.

– Даже так? – Полина удивлённо посмотрела на меня.

Я вожделенно макала кусочек белого хлеба по очереди в оливковое масло и бальзамический уксус. Подошёл официант, принял заказ и пообещал, что всё будет готово через несколько минут.

– Не хочешь рассказать? – уточнила Карасёва.

Я сосредоточенно жевала. Официант принёс заказанную минеральную воду.

– Ты знаешь, как ни удивительно, ничего не случилось, – я наблюдала за пузырьками газа в стакане, которые дрейфовали сквозь толщу воды к поверхности и там лопались. – Я, наверное, как пузырьки воздуха, достаточно долго пробыла на глубине и теперь поднимаюсь на поверхность, чтобы лопнуть.

– Ну, лопаться не нужно, но на поверхность давно пора, – частично согласилась с моей пузырьковой теорией Полина.

– У меня вся жизнь подстроена под его расписание: когда Захар сможет прийти ко мне, когда у него будет время встретиться где-то, когда он с девочками, когда он дежурит... Его нет и в то же время его слишком много. Я ничего не могу планировать, потому что в любой момент он звонит и кричит в трубку: «Я освободился!», что означает: «Бросай всё и приезжай». Когда мы вместе, он не выпускает телефон из рук, и я чувствую, что его нет рядом, даже когда он со мной.

Официант принёс салаты, и я замолчала, переводя дыхание.

– Ты знаешь, – говорила я и никак не могла остановиться, – в один прекрасный день я представила, что вот его девочки выросли и он свободен. И тогда я спросила себя: свободен от чего? Вырастут девочки – появятся внуки. Оставит ли он свою жену?

Я замолчала. Говорить о наболевшем было нелегко. В такой момент чувствам полагалось переполнять меня, но в душе было пусто, как на пепелище после пожара: всё выгорело.

– Знаешь, я часто слышала: если мужчина любит женщину, то он полюбит и её детей. Как ты думаешь, у женщин так же? Потому что я себя спрашивала, смогу ли я полюбить его детей, и ответ прост: может быть, и смогла бы, но не хочу. Я не хочу никаких детей, ни больших, ни маленьких. Я люблю Димку, и только его дети будут мне внуками. И когда я ответила себе на эти вопросы, мне вдруг стало всё предельно ясно: я устала от наших отношений с Захаром. Я не хочу никаких отношений с кем бы то ни было. Я хочу вернуться к самой себе, заниматься тем, что мне нравится, планировать своё время независимо ни от чьего расписания и просто наслаждаться жизнью без патетических вопросов о будущем.

– То есть вы расстаетесь?

Мой ланч уже заждался окончания исповеди, и я, не ответив, полностью переключила на него своё внимание.

Карасёва продолжала хранить молчание, понимая, что я не спрашивала совета, я просто должна была произнести вслух то, что решила про себя, как бы закрепив решение и сделав его окончательным.

– А на работу-то чего не пошла? – спросила наконец Полина.

– Да ну их всех, – махнула я рукой и, отодвинув пустую тарелку, потянулась за следующей. – Захотела выспаться. Сейчас вот поем и к Димке поеду кофе пить.

– А здешний кофе уже не катит?

– Сегодня – кофе у Димки, – сказала я и почувствовала прилив безмятежной радости просто от того, что скоро увижу сына. – Что ещё надо для счастья?

За следующие пятнадцать минут мы обсудили новый магазин женского белья, открывшийся по соседству с клиникой, поднадоевший всем сериал, который, однако, никто не бросал смотреть, и планы на лето, обещавшее быть жарким. Довольные обедом и самими собой, мы вышли из паба и, улыбнувшись яркому солнышку, разошлись по машинам.

Движение в дневное время было терпимым, а потому дорога в другой конец города заняла не более получаса. Димка жил в небольшой квартире в парковой зоне, наслаждаясь определённой степенью свободы от родительского надзора.

Остановившись по пути в супермаркете, я купила продуктов в количестве, достаточном, чтобы заполнить полки в пустом холодильнике. Возвращаясь к парковке, я решила предупредить сына о визите, но пообщаться удалось только с автоответчиком.

Пока я складывала пакеты с покупками в багажник, от Димки пришло сообщение: «Вынужден срочно уехать. Буду через пару часов. Кофе сварил две минуты назад. Целую».

Я решила всё-таки доехать до сына, тем более что ключи от его квартиры у меня всегда были с собой. Легко забежав на третий этаж без лифта, я открыла дверь и с приятным удив-

лением отметила, как аккуратно всё прибрано в пенатах моего вечного разбросахи. «Взрослеет», – подумала я и пошла на кухню.

Налив кофе, который, в самом деле, был ещё горячим, я открыла холодильник в поисках сливок: на верхней полке, завернутые в полиэтиленовую пленку, одиноко лежали два куска пиццы. Больше ничего не было. «Даже это передаётся в генах!» – улыбнувшись собственной мысли, я захлопнула дверцу и побежала на улицу к своей машине. Загрузившись пакетами, еле дотащилась до квартиры, пнула ногой дверь и бросила всё разом на пол.

Через несколько минут холодильник выглядел вполне пристойно. Я, довольная собой, пила холодный кофе, сидя на подоконнике и ожидая появления Димкиной машины на горизонте. Через час мне стало жаль времени, поскольку гарантии, что блудный сын вернется в назначенный срок, не было. Написав, что кофе выпит, я украсила своё сообщение парой сердечек и отправила его Диме.

На улице светило солнце, стоял первый день лета, и на душе было легко и радостно. Мне казалось, что я сделала очень важный шаг – приняла решение, расставив правильные приоритеты в жизни. Я видела совершенно отчётливую картинку: Димка, Я, Солнце, Работа и распахнутая для новых приключений дверь. Жизнь прекрасна, и всё ещё только начинается!

Повесть 2 Терапевт

Глава 1 Спокойствие! Только спокойствие!

Кира, моя жена, называет меня пессимистом и уверяет, что я постоянно преувеличиваю степень своей невезучести, тем самым умножая вероятность развития любого события по неуголному мне сценарию. Я в корне не согласен с подобной точкой зрения. Прежде всего, я не пессимист. Напротив, я твёрдо уверен, что, несмотря на все мелкие и крупные препятствия, попадающиеся на жизненном пути, я всегда достигаю желаемого результата. Ну или почти всегда... Или почти желаемого... Соответственно, не совсем корректно и понятие невезучести. Если учесть, что ничего мне не даётся сразу и легко, что за каждую мелочь приходится биться, то, возможно, именно элемент везения в конце концов предопределяет итог непростого пути к цели. Так что, пожалуй, я самый оптимистичный и везучий человек из всех, кого знаю.

На мои доводы Кира приводит свои аргументы, заявляя, что всё у меня случается через определённое место. Она имеет в виду тот факт, что даже к маленьким вершинам, которые без лишних усилий достигают все «нормальные», по её определению, люди, мне приходится продирааться через тернии. Каждый день я попадаю в десятки мелких приключений, что давно стало привычным для меня, но до сих пор раздражает мою жену.

Здесь следует упомянуть, что к пятидесяти годам я выработал потрясающее чувство самообладания. Для меня впасть в панику – это не просто глупо! Это, во-первых, не по-мужски, во-вторых, не по-врачебному, а в-третьих, совершенно бесполезно в смысле нахождения выхода из критической ситуации. «Спокойствие! Только спокойствие!» – говорит мой любимый с детства герой. И если бы в наше время была популярна геральдика, на моём фамильном гербе в качестве девиза красовалась бы именно эта фраза!

Сегодня Кира осталась ночевать у тёщи, время от времени страдающей гипертоническими кризами. Про Раису Львовну, так же как её гипертонию, можно писать романы. Но я решил расслабиться и не думать ни о жене, ни о её матушке. И вечер мог бы оказаться вполне замечательным, если бы на меня не оставили Фроську – существо, всей своей сущностью опровергающее утверждение «Собака – друг человека». Фроська, безусловно, является настоящим другом Киры, состоит в приятельских отношениях с тёщей, но между нами все пять лет совместного проживания наблюдается полное непонимание и расхождение характеров. Я ничуть не сожалею, что не имею ничего общего с этим созданием, но Кира постоянно упрекает меня в неуживчивости и нелюбви к её питомцу.

Несмотря на взаимную неприязнь, сегодня один из вечеров, когда приходится терпеть компанию друг друга. Больше всего меня напрягает необходимость вести Фроську на прогулку, и я оттягиваю этот момент как можно дольше, но не настолько, чтобы вздорная собачонка омрачила моё существование внеочередной уборкой квартиры.

С огромным нежеланием оторвав своё солидное тело от уютного дивана и отметив, что за окном уже темно, я присвистнул, приглашая псину на променад. Воспитанная на убеждении Киры, будто в её жилах течёт чистопородная кровь, доморощенная «принцесса» отвернула морду в противоположную сторону, но, понимая, что я не буду долго церемониться, медленно и важно поднялась на тонкие, вечно полусогнутые ножки и, осторожно ступая, но так и не глядя на меня, направилась к двери.

При всей нелюбви к вздорному животному не могу не отдать должного чувству собственного достоинства, с которым идёт по жизни эта маленькая сучка. Остановившись перед дверью, Фроська наконец удостоила меня взглядом, но вовсе не потому, что решила откликнуться на хозяйский свист, а чтобы напомнить об одном из уроков Киры. Жена выдрессировала всех, начиная с собаки: нельзя покидать квартиру без мешочка. Я, собственно, очень уважительно отношусь к ритуалу уборки за своим питомцем, так что в лишнем напоминании не нуждаюсь. Прошуршав мешочком в кармане и оповестив, что готов к прогулке, я открыл дверь, и мы оказались в тёмном подъезде.

– Прохиндеи! Снова выкрутили лампочку! – Фроська прижалась к моим ногам, и я, опасаясь, как бы не наступить на хрупкое трясущееся тельце, взял её на руки.

Наш вечерний променад занял не более пяти минут, и мы готовы были вернуться: я – к своему дивану, Фроська – к своей подушке, – но не тут-то было! Попытки найти ключи от подъезда и квартиры не увенчались успехом. В нагрудном кармане обнаружилась связка ключей от гаража, машины и рабочего кабинета. Связки от дома не было!

– И биться сердце перестало! – я с расстройства плюнул, едва не попав на Фроську. – Вытащил вместе с твоим мешочком!

Впервые я пожалел, что Фроська такая маленькая: была бы побольше, можно было бы пнуть её под зад от обиды. Но обижаться приходилось только на себя.

Ждать у подъезда запоздавших соседей не имело смысла, так как в квартиру мы всё равно не попали бы. Ехать к Кире в двенадцать ночи тоже не хотелось. Оставалось только подобрать собачку и отправиться к гаражу. Провести ночь в машине не представлялось мне чем-то сверхъестественным. Откинув сиденье, я развалился и постарался устроиться поудобнее. Но соизмеримый по размерам с моим авторитетом живот и потерявшие гибкость колени были явно не согласны. А когда через десять минут заломило поясницу, я понял: нужно искать другой выход из сложившейся ситуации.

Фроська всё это время, свернувшись клубочком, грелась у меня на груди, чего я никогда не позволял ей дома. Я сел, и собачонка, недовольно поскуливая, перекочевала на холодное сиденье рядом. Раздумывать долго было не о чем. Из всех имеющихся в наличии ключей неиспользованным остался только ключ от рабочего кабинета. Там, к слову сказать, у меня отличная кушетка. Попасть в клинику проблем не составляло, ведь с некоторых пор у нас открылся стационар: он хоть и назывался дневным, но больные в нём при необходимости находились круглосуточно. Я попытался припомнить, кто из докторов сегодня дежурит. Хотя, собственно, какая разница...

Клиника встретила нас тёмными окнами. Лишь в ординаторской сквозь жалюзи пробивался еле заметный свет. Это вселяло надежду, что дежурный врач ещё не спит.

Я позвонил в дверь. На улице похолодало, и, пожалев трясущуюся Фросю, я сунул её за пазуху. Периодически нажимая на кнопку звонка, я прождал не меньше пяти минут, пока наконец не послышались чьи-то торопливые шаги и женский голос спросил:

– Кто там?

– Доктор Тёткин, – представился я.

– Никого нет! – ответила женщина. – Пожалуйста, приходите завтра.

– Но вы ведь там! – удивился я. – Что значит – никого нет? Откройте дверь, я здесь работаю. Мне нужно попасть в свой кабинет.

– Пожалуйста, приходите завтра, – повторила доктор. – Я никого здесь не знаю, я просто на дежурстве.

– Мне от вас ничего не нужно, – продолжал убеждать её я, – у меня есть ключи от моего кабинета, просто позвольте мне войти.

– Клиника закрыта, – твёрдым голосом отрезала женщина. – Приходите завтра!

Я услышал её удаляющиеся шаги, в бешенстве нажал на кнопку звонка и не отпускал до тех пор, пока по ту сторону двери снова не раздался возмущённый голос:

– Перестаньте хулиганить! Я сейчас вызову полицию!

– Послушайте, милая девушка, – стараясь сохранять спокойствие, я попытался возобновить диалог, – моя фамилия Тёткин, я действительно врач-терапевт, работаю в этой клинике, мне срочно нужно попасть в мой кабинет.

– Я никого здесь не знаю. Если вы хотите войти, позвоните главному врачу: как только она разрешит, я вас впущу.

– Вы серьёзно предлагаете мне позвонить главному врачу в час ночи? – я готов был рассмеяться сквозь слёзы над бесценным образчиком женской непосредственности.

Ситуация сложилась, мягко говоря, абсурдная. Если бы на дежурстве оказался врач-мужчина, никакой проблемы просто не возникло бы!

И тут я услышал, как буквально в нескольких шагах от меня остановилась машина. Первое, что пришло в голову: она всё-таки вызвала полицию. Не услышав предупреждающих выстрелов, я осторожно оглянулся.

Из стоящего прямо перед входом в клинику автомобиля боком выползала молодая женщина. Я её сразу узнал. Это была Барби, пациентка гинеколога Сирина, наблюдавшаяся у нас много лет сначала по поводу бесплодия, затем по причине невынашиваемости, а сейчас с целью подготовки к родам. Прозвали мы её Барби за кукольную внешность, увлечённость шопингом и отсутствие какого-либо интеллектуального запаса в красивой голове.

По тому, как она пыталась вылезти из-за руля, я понял: роды не за горами. Захлопнув дверку, Барби утиной походкой направилась ко мне.

– Доктор, я рада, что хоть кто-то здесь есть. Мне срочно нужно в туалет!

– Женщина, клиника закрыта, – ответил я, – вам лучше поехать домой.

– Вообще-то, я еду в больницу рожать, но, видимо, не доеду, потому что сил терпеть уже нет. Или вы хотите, чтобы я здесь лопнула? – она захлопала ресницами.

Повернувшись к двери, я обратился к собеседнице, стоящей по другую сторону двери:

– Доктор, тут внештатная ситуация: наша пациентка просится в туалет, поздний срок беременности, вы не можете отказать в помощи.

После непродолжительного молчания дверь открылась. На пороге возникла девушка, на вид совсем студентка. Я ни разу не видел её в клинике, но случилось, что на дежурство приглашались врачи из других больниц.

– Мне нужно в туалет, – произнесла Барби и, отодвинув меня локтем, бесцеремонно вошла внутрь.

Я поспешно ринулся за ней, опасаясь, что дежурантка захлопнет дверь перед моим носом. Но она ухватила меня за рукав.

– Вы куда? – незнакомка явно не собиралась меня пропускать.

– Я уже объяснял вам, девушка, что я – доктор, работаю здесь и мне необходимо попасть в свой кабинет. Он находится на третьем этаже, и на нём висит табличка «Терапевт». А вы, собственно говоря, кто?

Девушка смотрела на меня всё так же недоверчиво.

– Я врач-стоматолог, нахожусь здесь на дежурстве.

– И что же врач-стоматолог делает здесь на дежурстве? – удивился я.

– Мне сказали, что больных на ночь не осталось, но в клинике должен быть доктор, поэтому я согласилась подежурить.

– Отлично, – улыбнувшись, заметил я, – если у кого-то ночью неожиданно заболят зубы, вы сможете пригодиться.

Оторвав её цепкие пальцы от своего рукава, я вознамерился отправиться в сторону лестницы, но вдруг уловил подозрительные звуки, доносящиеся из женской комнаты. Я подошёл к двери и услышал, что Барби явно тужится.

– Ты чего там делаешь? – закричал я.

– Ой, мне так легче, доктор, – отозвалась блондинка, – подождите немного, не уходите.

Я распахнул дверь: она сидела, скрючившись на унитазе, с выпученными глазами. Я схватил её за локти и потянул на себя, пытаюсь поднять.

Из-за пазухи выскользнула Фроська, придавленная навалившейся на меня Барби, и, пискнув, отскочила в сторону.

– Ой, собачка! Доктор, стойте, не могу идти! – кричала дамочка не своим голосом.

У меня за спиной замерла стоматологиня, видимо, гадая, как ей реагировать на происходящее в женском туалете.

Я глянул на живот Барби и с ужасом понял, что времени доехать до больницы нет.

– У тебя ребёнок в каком предлежании? – заорал я. – Головном или тазовом?

Но красотка ничего не соображала, она снова начала пучить глаза и тужиться.

– И биться сердце перестало! – воскликнул я, подхватил роженицу под мышки, дотащил волоком до ближайшего кабинета, ногой выбил дверь и буквально бросил Барби на кушетку.

Она уже не переставала тужиться, и я отчётливо видел, что прорезается плод попкой.

– Простыни! Пелёнки! Всё, что найдёшь!!! – взревел я так, что доктор-стоматолог вылетела пулей и принялась в панике носиться по соседним кабинетам.

– Звони в скорую! – крикнул я ей вслед. – Говори, что она рожает тазовым!

Пот катился ручьями, заливая глаза, руки тряслись, сердце билось в горле. Я пытался вспомнить хоть что-то о родах в тазовом предлежании и методиках их ведения. Даже головное предлежание я принимал самостоятельно всего пару раз, когда работал участковым в маленьком городе, и с тех пор, вот уже много лет, у меня не было никакой акушерской практики! И вдруг эта Барби решила окончить мою карьеру случаем с летальным исходом лишь потому, что я со своим везением оказался не в то время не в том месте!

Раздумывать было некогда, и я принялся за дело. Стоматологиня стояла с полотенцем, готовая принять ребёночка. Мне показалось, прошла всего пара мгновений, как я услышал крик новорожденного.

– Ножницы! – потребовал я, перехватывая малыша из рук дежурантки. – И спирт! Посмотри в тумбе письменного стола, там должна быть водка. Ну или что-нибудь.

Врачиха бросилась к столу и, достав бутылку коньяка, протянула мне вместе с ножницами.

– Дура, ножницы протри!

Трясущимися руками она облила ножницы коньяком и снова подала мне. Я перерезал пуповину и просто завязал узлом.

В этот момент послышались громкие шаги в коридоре, и на пороге появились представители скорой помощи. У меня даже не было сил им обрадоваться.

– Ну, друзья, вы, похоже, сами разродились? – спросила входящая в кабинет доктор. – Пряма-таки в походных условиях, – глянув на Барби, заметила она.

– Мы тут тазовым рожали, – небрежно бросил я, – а инструментов, кроме носового платка и шариковой ручки, никаких. Так что хорошо, что вообще разродились без вашей не очень скорой помощи.

– Так вы просто герои! – улыбнулась врач, достала неотложный чемоданчик и начала заниматься своими прямыми обязанностями.

Я стянул перчатки, которые не помню даже, когда успел надеть, бросил их в мусорную корзину и на подгибающихся ногах вышел из кабинета.

И в этот момент меня словно током ударило: Фрося! Моей жене всё равно, в каком положении я принимал роды: если собака потерялась, я пожалею, что сам родился на свет.

Бросившись ко входной двери, я неистовым голосом завопил:

– Фрося! Псина безродная! Фрося!

Из кабинета на мой зов появилась стоматологиня, прижимая к груди трясущуюся собачку. Протянув мне Фроську, она, словно оправдываясь, сказала:

– Забилась от страха под стол.

Я сначала не понял, кто из них от страха забился под стол. Глядя на эту молоденькую девочку, я представил, каким испытанием стала для неё эта ночь. Недавняя выпускница, она, конечно, пережила гораздо больший стресс, нежели я, хотя бы имевший представление о происходящем: вряд ли на стоматологическом факультете их обучали принимать роды.

– Вы простите меня, я, конечно, резковато с вами...

Она улыбнулась.

– Спасибо вам, если бы вы не оказались здесь, не знаю, чем бы всё закончилось, – сказала она и, вдруг заплакав, развернулась и быстрым шагом пошла по коридору.

Подхватив Фроську, я отправился в свой кабинет, по пути хлебнув оставшегося коньяка прямо из бутылки, предусмотрительно захваченной с собой. Роды мы принимали в кабинете Антонова, у которого всегда в столе хранился подаренный пациентами алкоголь.

Наутро вся клиника только и говорила о моём героическом ночном дежурстве. Стоматологиня покинула пост, отправившись на место постоянной работы, так что единственным участником-героем остался я.

Прикорнув в ординаторской на диване, я с удовольствием подслушивал, как коллеги хвалят меня за находчивость и профессионализм.

– Нет, ты представляешь: принять тазовое, ночью, без помощи, без инструментов! – не переставал удивляться Сиротин. – Я даже теоретически сейчас не вспомню, как это делается!

– Снимите Тёткину кардиограмму, – шутила Нина Лето, – вдруг у него инфаркт случился от такого перенапряжения.

– Инфаркт вряд ли, а грыжа запросто, – поддерживал её Антонов. – Стоматологиня говорит, он тужился сильнее, чем роженица. Она всё думала, кто из них родит первым.

В ординаторскую заглянула регистратор Оксана.

– Доктора, передайте, пожалуйста, Марку Давыдовичу, что его собачку я покормила.

Я тихонько прищурил глаза, стараясь не показать коллегам, что вовсе не сплю. Тепло разливалось по всему телу, видимо, коньяк продолжал своё дело. Ни о чём не думалось, просто было спокойно и как-то счастливо. Всё-таки нечасто в работе терапевта выпадают такие ночи.

Глава 2

Лена

В ординаторской собралась наша обычная компания кофеманов, страдающих неизлечимой зависимостью. С утра обсуждалась тема медицинских сериалов.

– Я просто обожаю кино про врачей, – говорила Ниноля, – смотрю всё подряд. Одно нравится больше, другое меньше, но надо отдать должное: сейчас стали снимать лучше, более правдоподобно.

– Да, видимо, больше денег на консультантов выделяют, – присоединился я к обсуждению.

– Для меня эта тематика слишком щепетильна, – вмешался Сиротин. – Всегда ожидаю, когда «врач» начнёт говорить ерунду на профессиональную тему, а то и вовсе полный бред, далёкий от медицины. – Сергей бросил на меня вопросительный взгляд и кивнул в сторону кофеварки, приглашая присоединиться к распитию кофе.

– Вчера смотрел фильм «Врач» с Гошей Куценко, – Сирин кофеин не употреблял принципиально, но в ежедневных посиделках в ординаторской принимал активное участие. – Неплохое кино, про нейрохирургов, вроде как с медицинской точки зрения подкопаться не к чему.

– Вот уж ты, Андрюша, выбрал фильм для примера! – возмутилась Нина. – Таким идиотом врача выставили! Где это видано, чтобы он рассматривал снимки, беседовал с пациенткой и тут же по телефону обсуждал личные проблемы! Просто какой-то debil в белом халате!

– Не забывай, это кино не про лучшего врача года, – не согласился Сиротин, – а просто про врача.

– И что, даже будучи просто врачом, ты позволишь себе разговаривать по телефону на темы, совершенно не касающиеся работы, махать снимками перед носом больной и задавать ей вопросы в перерывах между фразами, обращёнными к любовнице?

– Ну, мне проще, – ответил Сиротин, – моим «клиентам» в морге, как правило, всё равно, говорю я одновременно с ними и по телефону или нет.

Все, за исключением Нины, засмеялись.

– А может быть, и правы киношники, что выставляют врачей-мужчин такими придурками, – вздохнула она и отправилась в свой кабинет, где её уже ждали пациенты.

Обычно тяжёлым днём называют понедельник, а сегодня пятница, и пора бы задуматься, как провести приближающиеся выходные. Но мысли далеки от отдыха: на приём ко мне записана Лена Новикова, жена заведующего отделением ультразвуковой диагностики. Рудик, её муж, ещё не подошёл, и я не знал, ждать его или нет.

Лена из тех пациентов, которые занимаются самодиагностикой и самолечением на основе прочитанных в Интернете статей сомнительного медицинского содержания. Ровно год назад я выявил у неё уплотнение в груди довольно значительных размеров и отправил на УЗИ. Образование оказалось подозрительным на онкологию, но на биопсию Лена идти отказалась и в течение года лечилась самостоятельно. Неоднократно я пытался поговорить с Рудиком, но безуспешно: понимая мои доводы, Новиков ничего не мог изменить в отношении Лены к своему диагнозу. Она предпочитала нетрадиционные методы и свято верила, что официальная медицина приносит больше вреда, чем пользы. Странно было слышать такое от жены врача, но оставалось только надеяться на чудо.

Увы, чуда не произошло. Неделю назад она пришла на повторное исследование, в ходе которого Нина определила, что опухоль увеличилась в размере практически в два раза, кроме того, теперь в процесс были вовлечены лимфатические узлы.

Тут же собрали консилиум из заведующей клиникой Кунцевой Людмилы Борисовны, меня как лечащего врача, Нины, консультанта-онколога и самого Новикова. Всем вместе нам удалось убедить Лену немедленно провести биопсию и встретиться с хирургом для обсуждения дальнейшей тактики. Сиротин по результатам гистологии подтвердил худшие опасения: запущенный инвазивный процесс с вовлечением лимфатических узлов...

На консультации в онкологическом центре, куда Новиковы отправились вдвоём, хирург поставил их перед фактом: на данном этапе операция невозможна, так как опухоль слишком велика.

Сегодня, с результатами обследований и заключениями всех консилиумов, Новиков попросил меня встретиться с Леной.

Так и не взбудрив организм чашечкой кофе, я отправился к своему рабочему кабинету. По пути заглянул к Рудику, но его на месте не оказалось.

Не успел я сесть в кресло и сосредоточиться на предстоящем непросто разговоре, как в кабинет ввалился Юрка Антонов, наш гериатр.

– Скажи, Марик, как при таких имени и отчестве ты заимел фамилию Тёткин? Подозреваю, изначально ты был Тёткинсон, но твои предки в годы еврейских погромов с целью самохранения отбросили недвусмысленно звучащее окончание.

Это была не новая шутка Антонова. Впрочем, в клинике не осталось ни одного сотрудника, которому в той или иной форме не перепало от Юриного чувства юмора.

– Мало того, что ты выбил дверь в мой кабинет и перепачкал кушетку, так ещё и выпил марочный коньяк, который я хранил на экстренный случай. Откуда ты вообще узнал, что у меня в столе коньяк?

– Ну, во-первых, это был самый что ни на есть экстренный случай. Во-вторых, ты сам накануне спорил с Сириным, у кого в столе алкоголь дороже, – рассмеялся я.

– И ты выбрал мой кабинет потому, что дороже у меня? – возмутился Юра.

– Твой кабинет выбрала Барби, так как он оказался ближе к туалету, – резонно заметил я.

– Короче, Тёткинсон, – Антонов хлопнул ладонью по столу, как бы подводя итог разговора, – с тебя бутылка. Не по-товарищески это: роды принял, а с коллективом не отметил.

– Бутылка с Сирина, – возразил я. – Это его пациентка, так что он нам по-любому должен.

– А ведь ты прав, – кивнул Юра. – Не зря ты зовёшься Тёткинсоном.

Он направился к двери, и очень вовремя – на пороге появились Новиковы.

Обменявшись коротким рукопожатием с Юрой, Рудик присоединился к Лене, устроившейся напротив меня, и взял жену за руку.

Разговор, мягко говоря, давался с трудом. То, что я мог предложить год назад, сейчас не имело смысла. Возможные варианты практически исчерпали себя за недостатком времени. Зная Лену не только как пациентку, но и как жену коллеги, мне было сложно откровенно сказать ей, что она добровольно лишила себя шанса получить полноценное лечение и доступные теперь методы являются гораздо более агрессивными, чем те, которые мы могли применить раньше.

Она сидела передо мной, похудевшая, постаревшая лет на десять, как-то разом сдавшаяся и потерявшая надежду. А мне нужно было эту надежду в неё вселить. И не просто надежду, а твёрдую веру в то, что ничего ещё не потеряно и мы сделаем всё возможное.

– Ну что, я хочу поделиться хорошей новостью, – придав голосу как можно больше уверенности, продолжил я. – Вчера, после ряда отсрочек, вызванных не зависящими от нас причинами, я встретился наконец со своим коллегой – онкологом. Он заверил меня, что у нас есть реальная возможность поправить ситуацию.

Лена заморгала часто-часто, как будто пытаясь остановить набегающие слёзы.

– Существует такой вид химиотерапии, как неоадьювантная. Её применяют как раз в таких случаях, как у вас, с целью уменьшить опухоль в размере, чтобы затем провести хирур-

гическое лечение, – я смотрел Лене в глаза, стараясь не потерять прямой контакт, чтобы она чувствовала: я говорю о ней, для неё. – Как правило, после комбинированной терапии удаётся добиться хороших результатов.

Рудик с пониманием кивал.

– Схему нужно начинать не откладывая, не позже чем завтра, – продолжая говорить, я взялся писать направительное заключение к онкологу.

– Но ведь химиотерапия – это очень вредно!

Я посмотрел на Лену, и мне захотелось заорать: «Нет ничего вреднее твоего диагноза и того, как ты его запустила! Нет ничего вреднее того, что случится с тобой через пару-тройку месяцев, если ты не начнёшь лечение! А если у тебя хватит мозгов начать его завтра, то взамен пары месяцев у тебя, возможно, появится пара лет. А может, даже и больше...»

Но вместо тирады, естественно, произнесенной про себя, я улыбнулся, сложил внушительную пачку бумаг в папку и, протянув её Рудику, сказал:

– У вас нет времени и дальше откладывать лечение. Скоро появятся отдалённые метастазы, от которых вы скончаетесь. Побочные эффекты химиотерапии для вас сейчас гораздо менее опасны, чем угроза прогрессирования болезни. Уверен, вы это отлично понимаете. Просто нужно взять себя в руки, настроиться на положительный результат, и мы обязательно его добьёмся.

Рудик поднялся, взял бумаги и положил руку Лене на плечо. Она продолжала сидеть, крепко сжав кулаки и глядя в пол.

– Вы верите в положительный результат, Марик? Вы меня не обманываете?

Я растерялся на мгновение, но она подняла глаза, и я понял, что от моего ответа сейчас зависит её решение, а значит, и жизнь.

– Лена, я не обманываю вас. Лет десять назад вы рассматривались бы как безнадежная больная. Слава богу, медицина не стоит на месте. Сегодня есть методы диагностики и лечения, о которых мы раньше даже мечтать не могли! Нам с вами обязательно нужно выиграть время! Вы пролечитесь, а ещё через десять лет появится новое поколение препаратов, и они дадут нам следующие десять лет.

Она улыбнулась, как мне показалось, с облегчением, вздохнула и поднялась.

– Спасибо вам, Марик. Я буду у вас наблюдаться все следующие двадцать лет.

Я вышел из-за стола и, подойдя к Лене, обнял её хрупкую фигурку, которая совсем ещё недавно была довольно пышной.

– Приходите в любое время. Мы с Ниной будем наблюдать на УЗИ, как опухоль тает.

Новиковы ушли, со мной остались тишина, мысли о неожиданных поворотах судьбы и о том, кто эти повороты для нас определяет.

Глава 3

Доктор-Зайчик

Вчера вечером заболела Фроська. Думаю, причиной разыгравшегося панкреатита явился визит тёщи. Но, естественно, никто с предложенной этиологией не согласился. Моя тёща – классический вариант еврейской мамы, для которой процесс приготовления и последующего поглощения пищи составляет, без преувеличения, смысл жизни. Убедить Раису Львовну в том, что собачка весом в шесть килограммов не в состоянии переварить и усвоить количество еды, превышающее половину её собственного веса, невозможно. Она считает, раз питание дробное, то есть поглощаемое маленькими порциями каждые десять минут, значит, оно здоровое.

Поведение Фроськи при появлении в квартире Раисы Львовны предсказуемо, как расписание поездов в Германии. Первые пару часов она не отходит от тёщи, следуя за шаркающими от холодильника к плите и обратно тапочками буквально по пятам.

Начиная с третьего часа, Фроська перемещается на наблюдательный пункт, где сидит, наострив уши. Она уже не топчется за кормилицей шаг в шаг и подходит к миске, только если в ней оказывается лакомство.

К концу четвёртого часа пребывания Раисы Львовны на кухне Фроська ложится на пол, продолжая осоловелыми глазами наблюдать за происходящим, но уже не поднимается, а лишь судорожно сглатывает при виде очередного вкусенького кусочка, падающего в миску.

Я думаю, блевать и гадить Фроська начинает после ухода кормилицы только из уважения к последней и опасаясь, что если не дотерпит, то в следующий раз не дадут. Тёща же чисто-сердечно считает нас лгунами, когда Кира в очередной раз орёт ей в трубку:

– Мама! И что вы опять дали собачке? Она изгадила мне всю квартиру!

На что мама неизменно отвечает:

– Ничего такого, чего я сама не кушала! Скажи своему доктору, пусть он животное лечит, хоть какой-то будет толк от его медицины.

Я давно перестал реагировать на замечания Раисы Львовны. Более того, я несказанно рад, что она не считает меня врачом. На заре моего брака с Кирой я как образцовый муж, стремясь угодить тёще, пытался добросовестно разобраться в её гипертонии. Но стоило заявить, что в первую очередь нужно отрегулировать питание и сбросить вес, как меня записали в ветеринары и принялись демонстративно игнорировать как врача.

После гневной тирады, выплеснутой на маму, Кира, возмущённая моим бездействием, обратила своё недовольство на меня. Но на подобные выходки я давно подобрал стандартный ответ:

– Могу ускорить процесс очистки собачьего организма путём клизмы и промывания желудка.

Кира, воочию представив последствия предлагаемых процедур, согласия на них никогда не давала. А, как известно, без согласия родственников никаких манипуляций с пациентом проводить не рекомендуется.

За ночь меня неоднократно поднимали оказывать помощь страдальце, в результате наутро я чувствовал себя как после дежурства и собирался на работу в надежде, что хотя бы первая пара пациентов проспит назначенную со мной встречу.

Донеся до машины своё неразбуженное тело и сев за руль, я понял, что забыл дома телефон. Без телефона день грозил превратиться в целый ряд мелких катастроф, а потому я нехотя вылез и тем же вялым шагом поплёлся обратно. Кира, открыв дверь, не преминула заметить, что всё у меня не как у людей. Она уже была на пути к ветеринару, хотя я профессионально убеждал её, что к обеду Фроська будет в полном порядке и единственное, что ей действительно нужно, – это лечебное голодание дня на два. Но для Киры, как и для её мамы, в таких вопросах

я был не авторитет, а потому, подхватив сумку с сидящей в ней грустной собачонкой, супруга выскользнула на лестничную площадку.

Не обнаружив дома телефон, я уверил себя, что найду его в портфеле, лежащем в машине. Времени до начала приёма оставалось немного, и, спешно захлопнув за собой дверь, я бодрым шагом вернулся на стоянку. Попытка отыскать в кармане ключи оказалась безуспешной, и, дойдя до автомобиля, я заглянул через окно внутрь: ключи лежали на водительском сиденье. Дверцы были заблокированы.

– И биться сердце перестало! – воскликнул я и в самом деле почувствовал перебои сердцебиения, потому что в тот же момент осознал: ключей от дома у меня с собой тоже нет, так как они остались в портфеле, там же, где, вероятно, и телефон. Портфель лежал на заднем сиденье, и чуть приоткрытый замок показался мне зловещим оскалом.

«Спокойствие, только спокойствие!» – повторял я про себя, раздумывая, какой из возможных способов добраться до работы самый быстрый и безболезненный. Решить проблему было бы намного легче, если бы телефон оказался доступен. Но... На нет и суда нет.

Я отправился к проезжей части в надежде поймать попутку. Денег с собой тоже не оказалось, но расплатиться можно и по приезде в клинику. Мимо меня, как назло, пронеслись одни «мерсы» и «порши» вперемежку с троллейбусами. Ни одно из этих средств передвижения останавливать мне не приходило в голову. Я ждал появления «жигуля» или «тойоты», и вдруг рядом со мной тормознула ярко-красная «бэха», отчего-то показавшаяся мне смутно знакомой. Заглянув через тонированное стекло, я увидел Барби, которая активно махала мне рукой и явно приглашала в машину.

Я открыл дверку.

– Доктор! Зайчик! Садитесь скорее, здесь нельзя стоять!

Подобное обращение не показалось мне уместным, но необходимость добраться до работы по возможности быстрее заставила плюхнуться на пассажирское сиденье, не теряя драгоценного времени.

– Спасибо, что подобрали меня, – догадался поблагодарить я свою спасительницу, – у меня, поверите или нет, ключи захлопнулись в машине.

– Конечно поверю! – лихо вырвав на среднюю полосу и хохоча во всё горло, крикнула Барби, как будто у меня предполагались проблемы со слухом. – Поверите или нет, но мои ключи тоже постоянно куда-то пропадают. Ну, хоть на шею вешай!

Не ожидая от красотки той степени лихачества на дороге, которую она демонстрировала, я пристегнулся ремнём и упёрся ногами в пол.

– Доктор! Зайчик! Я вам так благодарна! Я ведь, извините, правда думала, что останюсь на минуточку и просто зайду в туалет, а, оказалось, заставила вас работать сверхурочно!

Меня никто никогда не звал зайчиком, даже мама, которая, если и отождествляла меня с каким-то животным, то это был «мишка косолапый», который «по лесу идёт.»

Я подсчитывал, как скоро при таком движении мы доберёмся до места, и надеялся, что больше пары раз она не успеет назвать меня зайчиком. В противном случае с моего языка могут сорваться возражения. Вдруг на очередном светофоре, продолжая трещать без остановки, Барби свернула в сторону, противоположную направлению к клинике.

– Куда? – подскочил я.

– Доктор! Зайчик! Я только на минуточку, мне здесь по пути. Я схвачу один ма-а-ленький пакетик и потом сразу отвезу вас на работу. Вы ещё успеете спасти пару таких, как я, до конца рабочего дня.

Спорить не имело смысла. Я пожалел, что не умею медитировать, но вспомнил, что, собственно, нужно просто прислушиваться к своему дыханию. Я стал отслеживать вдохи-выдохи, и, вероятно, у меня получилось отключиться, так как внезапно я проснулся от звука захлопнувшейся двери и трескотни Барби, севшей в машину. По-видимому, я проспал тот момент,

когда она упорхнула за своим «пакетиком». Я украдкой глянул на часы, и меня прошиб холодный пот: прошло больше двух часов с тех пор, как я вышел из дома! Я не просто опоздал к началу приёма, я пропустил как минимум четырёх пациентов!

– Доктор! Зайчик! Я вас домчу за пять минут, – затараторила Барби.

– Послушайте, не называйте меня зайчиком. Меня зовут Марк Давыдович.

– Какая прелесть! Марк – это Марик? Маркуша?

Я закрыл глаза и попытался снова сосредоточиться на вдохе-выдохе.

– А я, представляете, до сих пор не могу придумать имя моему сыночку. Так пусть он будет Марик!

Я открыл глаза и посмотрел на эту сумасшедшую.

– Вы меня практически не знаете, – попытался напомнить я.

– Ну что вы, доктор! Я знаю про вас всё: вы – лучший! Я вас просто обожаю!

В этот момент мы подъехали к клинике. Барби с визгом тормозов подрулила прямо к центральному входу. Пытаясь опомниться от захватывающей дух гонки, я открыл дверцу машины и опустил ноги на землю. Но подняться с сиденья не смог: прямо передо мной стояла Кира.

Когда жена увидела меня в безумно-красном BMW, лицо её перекосило, как после обширного инсульта, рот съехал на одну сторону, глаз задёргался, и она стала похожа на Раису Львовну.

И тут Барби, выскочившая из автомобиля, обежала вокруг и заглянула в мою открытую дверь.

– Марк Давыдович! Зайчик! Я могу объяснить начальнику клиники, что мы опоздали из-за меня.

Кира чужим голосом переспросила:

– Зайчик?

Барби отодвинула её локтем.

– Женщина, ну что вы встали у самой машины? Видите, мой доктор выйти не может! – и, окинув Киру с ног до головы оценивающим взглядом, добавила: – Вы столько пространства занимаете! Отойдите!

Кира открыла рот, набрала полную грудь воздуха и на выдохе выдавила:

– Ты кто такая?

– Женщина, перестаньте хамить, – Барби пыталась вытянуть меня из машины, но я почему-то продолжал сидеть.

– Этот... «зайчик», он тебе кто? – снова задала вопрос жена.

– Нет, ну это уж слишком! – Барби бросила тянуть меня за рукав и, развернувшись к Кире, пошла в наступление: – Этот мужчина помог мне родить сына! Ещё вопросы будут?

– То есть, что значит – помог родить сына? В каком это смысле?

Кира смотрела поочередно то на меня, то на Барби, и я даже представить не мог, как исправить сложившуюся ситуацию.

– Нет, ну вы совсем неумная женщина, похоже. Какой может быть ещё смысл, когда я вам прямым текстом говорю: «Помог родить сына». У вас что, есть несколько вариантов ответа?

– Кто это, «зайчик»? – уже обращаясь ко мне, спросила Кира.

Я наконец выбрался из машины и, не глядя ни на одну из них, заторопился в клинику.

Поднявшись в кабинет, я выглянул в окно: ни Киры, ни Барби перед входом не было. В дверь постучали, и, запыхавшись, забежала секретарь главврача Наташа.

– Марк Давыдович, вы простите, это я позвонила вам домой. Сотовый не отвечал, Людмила Борисовна просила разыскать вас и выяснить, что случилось. Я просто сказала, что вы до сих пор не пришли и мы не знаем, что делать с записанными на сегодня больными.

Я устало опустил в кресло и махнул рукой:

– Сейчас начну принимать.

Не успев закрыться за Наташей, дверь снова распахнулась. На пороге возник Антонов:
– Тёткинсон, что это было?

– После, – снова махнул я рукой. – У меня приём.

– Ну ты силён! – развел руками Юра. – Коллектив ждет отчёта!

Я снова махнул рукой, словно отгоняя любопытствующих, как назойливых мух, и взял карточку первого пациента. Я перечитал имя дважды. Епп Вольдемар. Отчества не было.

– И биться сердце перестало! Как прикажете его вызывать? Выкрикнуть фамилию?

Я схватил местный телефон и набрал регистратуру.

– Тёткин говорит! Девочки, мне что, сегодня медсестра не положена на приём? По-вашему, я сам должен бегать в коридор за пациентами и в регистратуру за анализами? Что происходит, в самом деле?!

– Марк Давыдович, это Оксана. Мы сейчас скажем старшей, что вы пришли. Минуточку.

Но минуточек упущено было довольно много, и приём начинать пришлось без сестры. Я открыл дверь в коридор. Там сидел единственный пациент.

– Вы ко мне?

– Да, доктор.

– Как ваша фамилия?

– Епп.

– Заходите.

Мужчина шестидесяти лет жаловался на кровь при мочеиспускании. Никаких других симптомов не наблюдалось.

– Я направлю вас на анализы, а затем на консультацию к урологу, – сказал я.

– А можно без уролога? Можно только с вами?

– Почему? – я взглянул на него, оторвавшись от бумаг.

– Я слышал, что он у вас суровый и методы исследования у него просто как в гестапо.

– Не слушайте ерунду. У нас великолепный уролог по фамилии Малаков. Он хирург, один из опытейших специалистов. После консультации с ним вернётесь ко мне, и мы решим, каких методов придерживаться.

Епп вздохнул.

– А почему у вас отчество не записано в карте? – поинтересовался я.

– Я из Канады, в Россию приехал по работе. У нас отчество не принято.

– Надо же, акцента у вас вовсе нет.

– Мама у меня русская, – улыбнулся Вольдемар. – Спасибо, доктор. Я запишусь к вам на следующей неделе.

– Записывайтесь, – я протянул ему направление на исследование. – Всего хорошего!

Рабочий день только начинался, а я не мог сосредоточиться, думая о том, что меня ждёт под занавес. «Спокойствие, только спокойствие!» – повторил я себе и снова набрал регистратуру, чтобы выяснить, где же, чёрт подери, моя медсестра!

Глава 4

Ночное

Завершив рабочий день, я пришёл домой и обнаружил два чемодана, одиноко стоявшие у входа в квартиру. Я даже не пытался войти и дать какие-либо объяснения Кире, а просто взял свои небогатые пожитки и ушёл.

За следующие пару часов, ожидая приезда специалистов по открыванию автомобильных дверей для подобных мне чайников, я пересмотрел всю свою жизнь с момента окончания института, то есть взрослую, по моим понятиям, её часть. Я, как правило, не занимаюсь самоанализом, не мучаю себя вопросами «а что случилось бы, если...» Я живу настоящим, стараюсь наполнить каждый день смыслом и по возможности избегая ненужных драм. А потому для меня оказался откровенной неожиданностью тот факт, что, перелистывая прожитые годы, я не увидел ничего, заслуживающего внимания и интереса, кроме своей работы.

Я на мгновение представил, что завтра мне не нужно идти в клинику... Чем бы я занялся? А чем я занимаюсь в выходные? Убираю квартиру, помогаю Кире с большими покупками, чиню то, что требует починки в доме, или отвожу машины в сервис, гуляю с Фроськой. Хотя. Выходные случаются редко, потому что суббота – мой обычный дежурный день. Я даже несколько смутился, осознав, что нет у меня ни хобби, ни друзей, помимо коллег по работе, ни детей. Мы никогда не хотели завести ребёнка. Точнее, Кира никогда не планировала. Для меня, если жена не поднимала этот вопрос, проблемы не существовало.

Я переключил мысли на Киру. А чем она занимается весь день? До замужества года два проработав в школе библиотекарем, уже больше двадцати лет Кира была домохозяйкой. Я не возражал против её выбора и сейчас впервые задумался: а чего она домохозяйничала, если генеральные уборки и походы в магазины проводились в мой единственный выходной? В будни по утрам я уходил до того, как она проснётся, самостоятельно сварганив себе бутерброд, а вечером, как правило, возвращался к приготовленному из полуфабрикатов ужину, исключая визиты тётки, устраивавшей нам праздники живота.

Стало быть, всё время моей жены занимала маленькая сучка Фроська, превратившаяся в семейного диктатора. Именно по её вине Кира так уставала за день, что не успевала ни прибраться, ни приготовить еду к моему возвращению с работы. Я же, постоянно загруженный в клинику, преподающий на кафедре в институте, участвующий в конференциях, учёбах, повышениях квалификации, был слеп и даже не представлял, какая тяжёлая у Киры жизнь!

К моменту, когда двери моего автомобиля были наконец открыты, я своими неожиданными размышлениями довёл себя до осознания того, что возвращаться домой не хочу, даже если меня туда позовут. Но меня никто и не звал. Я оглянулся на зашторенные окна своей квартиры, вздохнул и, словно стряхнув с себя ненужный груз, сел в машину и поехал на дежурство.

Дежурство моё начиналось на следующее утро, но идти больше было некуда. Вся моя жизнь, враз дав усадку, как после стирки в горячей воде, поместилась в стенах клиники. На стоянке был припаркован автомобиль Малакова: видимо, этой ночью дежурил он. Поднявшись в ординаторскую, я застал Захара спящим на кушетке, хотя времени было совсем мало. Я взял список больных, оставленных для наблюдения на ночь, и отправился на обход. Постовая сестра, увидев меня, покосилась на расписание, приколотое над её столом.

– Добрый вечер, Марк Давыдович, а я думала, сегодня Малаков в ночь.

– Мы оба сегодня в ночь, – ответил я, – чтобы веселее.

Больных в списке оказалось всего трое, так что обход завершился за полчаса. Вернувшись в ординаторскую, я некоторое время слушал музыкальный храп Малакова, но вскоре почувствовал, что желудок просит что-нибудь в него кинуть. «Да, голод не тётка, доктор Тёткин», – поделился я сам с собой каламбуром и отправился на пост.

Медсестра продолжала переключать то ли бумажки, то ли коробки с лекарствами, то ли и то и другое одновременно.

– Лида, а как вы заказываете пиццу?

Девушка рассеяно указала на скоросшиватель, лежащий на журнальном столике.

– Там много телефонов, зависит от того, что вы хотите.

– А что я хочу? – переспросил я её, листая разноцветные буклеты ресторанов с круглосуточной доставкой.

После секундной паузы Лида предположила:

– Я думаю, вы хотите большую пиццу с курицей и двойным сыром.

– Точно! – согласился я.

Лида тут же по памяти продиктовала мне номер, и, набрав его, я сделал заказ.

– Это всё? – уточнила оператор.

– Минуточку, – попросил я и, прикрыв трубку ладонью, обратился к Лиде: – Как ты думаешь, а что Малаков хочет?

– Малаков – двойную «Барбекю» с беконом, – не задумываясь отрапортовала сестра.

– А ты?

Она улыбнулась:

– А я у вас обоих по кусочку отщипну.

Я кивнул и закончил диалог с оператором.

Оставив Лиде наличные, я вернулся в ординаторскую. На диване сидел Захар с закрытыми глазами.

– Ты чего сегодня здесь делаешь? – не поднимая век, обратился он ко мне.

– Решил составить тебе компанию, – ответил я. – Не возражаешь?

– Нет, я как раз пиццу заказал, – сообщил Малаков. – «Барбекю» для себя и «Маргариту» для Лиды. Хватит на троих.

– На шестерых. Я только что заказал «Барбекю» для тебя и куриную для себя, – усмехнулся я.

– О как! – оживился Захар. – Пируем сегодня!

Он соскочил с дивана и бодро направился к кофеварке.

– Я три ночи в госпитале отдежурил на этой неделе. Не возражаешь, если посплю?

– Сколько твой организм затребует, – заверил я коллегу, – всех пациентов я уже обошёл.

Кофейный запах разливался по ординаторской, вселяя уверенность в том, что жизнь, несмотря ни на что, прекрасна.

Обсудив глобальное потепление климата и недавно прошедшие в Штатах выборы очередного президента, мы наконец дождались звонка от Лиды.

– Доктора! Пицца доставлена, подтягивайтесь, а то мне всё не унести!

За какие-то полчаса нам удалось уговорить куриную, «Барбекю» и «Маргариту», причём Лида, как и собиралась, лишь скромно отщипнула по кусочку от каждой. Мы с Малаковым совершенно счастливыми глазами смотрели друг на друга и на оставшуюся коробку.

– На завтрак, – кивнул в сторону Захар.

– Угу, – промычал я, – представляю себе такой царский завтрак! Не знаю, почему я никогда раньше не заказывал пиццу? – удивился я сам себе.

– А чего ты ешь на дежурствах? – поинтересовался Малаков.

– Обычно кашу из столовой, – припомнил я.

– Ну, Тёткин! Пицца – это же обязательный атрибут ночного дежурства! – воскликнул коллега – хронический ночной дежурмант. – Вот ты, столько лет дежурил – и всё неправильно!

– Лучше поздно, чем никогда, – отвечая больше своим мыслям, нежели Малакову, произнёс я.

– Кстати, это замечательно, что ты сегодня здесь. Я, знаешь ли, посмотрел твоего Еппа, – прихлёбывая кофе, продолжил разговор Захар. – И большое у меня подозрение, что биопсия покажет онкологию.

– Что, опухоль мочевого пузыря?

Захар кивнул.

– Тут знаешь, ещё какая заморочка? На консультацию он приходил с дочерью, так вот она осталась поговорить со мной после того, как я закончил осмотр.

– Без отца?

– Без, отправила его оплачивать приём.

– Какая-то специфика?

– По её словам, Епп реально страдает канцерофобией. Всю жизнь говорил, что, если у него обнаружат рак, он покончит с собой.

– Даже так! А у него опухоль больших размеров?

– Да практически не видно ничего! Я отщипнул от подозрительного участка, если и есть – самое начало.

– Что думаешь делать? Может, его психологу показать? – спросил я.

– Думаю, не повредит, но диагноз я ему сообщать не буду, – ответил Малаков.

– Как планируешь лечить? Догадается по лечению, – предположил я.

– Посмотрим, скорее всего, консервативно справимся, без операции, – Захар достал свою вечно пустую трубку и постучал ею по столу, словно убеждаясь в отсутствии табака. – Как Сиротин по биопсии отчитается, так мы с тобой распишем терапию.

– Знаешь, – продолжил я тему, – сколько за все годы прошло у меня онкологических, а я так для себя и не решил, нужно ли им знать диагноз. Большинству – нет, не нужно, но это тоже палка о двух концах. Ведь, чтобы бороться, человек должен понимать опасность и осознавать, насколько она серьёзна. Иначе запустить проще простого.

– Вот если у меня будет рак, – сказал Захар, – мне обязательно нужно знать. Я предпочитаю держать всё под контролем. Бояться надо именно неизвестности. А тут уже действовать надо, а не бояться. Но это лично моё мнение. Сам понимаешь, всегда всё решается индивидуально, как с твоим Еппом.

– А чего бы тебе не пойти домой? – вдруг спросил я. – Отоспишься по-человечески. Работы здесь и на одного мало.

– А ты останешься? – посмотрел на меня Малаков с некоторым сомнением.

– Завтра всё равно сюда возвращаться. Да и идти куда-то уже поздновато.

– Если ты правда не возражаешь, я бы уехал, – Захар поднялся и, подойдя к окну, глянул на две одиноко стоящие у центрального входа машины. – Совсем девчонок моих не вижу.

– Конечно, езжай. И пиццу заberi, – предложил я, зная, что дома у коллеги пять дочерей.

– А как же царский завтрак? – усмехнулся он.

– Да мне, как ты видишь, кашка из столовки будет полезнее, – отшутился я, похлопывая себя по животу.

– Ну спасибо, – Малаков не заставил себя уговаривать и, подхватив коробку, бодро вышел из ординаторской. – Спокойного дежурства! Увидимся в понедельник! – крикнул он с порога и зашагал прочь.

Я выглянул в окно и, наблюдая за отъезжающим автомобилем, представил, как обрадуются девчонки неожиданному возвращению отца, да ещё и с пиццей. Я же был ему благодарен за то, что он ни разу не упомянул сегодняшний инцидент перед клиникой и не поинтересовался причиной моего незапланированного ночного дежурства.

Глава 5

Голд

Именно в такие дни Нинуля говорит:

– What a beautiful day!⁴

И мы, не понимающие английского, по тону её голоса понимаем: всё будет хорошо. Вот и я сегодня, не имея ни малейшего представления о правильном произношении, попытался воспроизвести немудрёную фразу. Судя по улыбкам Антонова и Лето, единственным в клинике, кто свободно владел иностранными языками, вышло не очень. Но зато от души. Мне вообще всегда хотелось выучить какой-нибудь язык. Я бы предпочёл испанский, потому как мечтал съездить в Испанию. Но дальше «hola»⁵ и «gracias»⁶ не продвинулся, оправдывая свою лень отсутствием практики.

По понедельникам врачебные линейки должны сопровождаться как минимум часовым перерывом, чтобы собравшиеся в ординаторской после планёрки доктора имели время обсудить, перевернуть, вдоволь раскритиковать услышанное и запить переживания кофе. Кофеварка работает буквально на износ, но страсти от этого не утихают.

Последние пару месяцев администрация настойчиво напоминает, что бюджет, а следовательно, и наша заработная плата складываются из услуг, предоставляемых клиникой. И чем больше мы назначаем обследований и процедур, тем положительнее это сказывается на финансовом благополучии предприятия.

Многие так и делают: выдают стандартный список анализов, исследований, консультаций и прочего, что можно пройти в нашей клинике, без учёта того, всё ли в этом списке необходимо данному пациенту.

Я, с точки зрения начальства, не самый хороший врач. С одной стороны, больные меня любят и уважают, приёмы ко мне расписаны на две недели вперёд. Но вот в плане назначений... Я выписываю исключительно то, что нужно в конкретном случае, назначаю то, что показано. Я давно и окончательно поставил администрацию перед выбором: если им нужен доктор Тёткин, то придётся с этим мириться. Если мои принципы кого-то не устраивают – увольняйте. По-видимому, присутствие доктора Тёткина приносит клинике больше дохода, чем его отсутствие, поэтому дёргать меня за мою принципиальность перестали.

– Коллеги, но ведь существует категория пациентов, которые хотят обследоваться, и чем больше, тем лучше! Почему, скажите, я не могу назначить максимум исследований, если это именно то, что они от меня ждут, а деньги для них вообще не вопрос? – размахивая руками, что было для него совершенно не типично, кричал доктор Сирин. – У меня сейчас наблюдается интересная дама, у неё план: в день пройти по крайней мере одно исследование и посетить одного специалиста. Она не вылезает из нашей клиники уже неделю, и за эту неделю, заметьте, я обеспечил вам всем премиальные в конце месяца!

– Молодец, Андрюша, возьми с полки пирожок, – сказала Лето. – А я, к сожалению, в ваших дебатах остаюсь лишь сторонним наблюдателем: назначений не делаю, на УЗИ смотрю только тех, кого вы присылаете. Но если вот от души – я на стороне Тёткина. Врачи должны оставаться врачами, а не превращаться в торгашей. – Нина налила себе очередную чашку кофе и, сделав глоток, снова обратилась к Сирину: – А ты, Андрей, только без обид, торгуешь медициной. В половине случаев ты просто делаешь на пациентах деньги, и в основном на том, что им совершенно не нужно.

⁴ Какой прекрасный день! (англ.)

⁵ Привет (исп.).

⁶ Спасибо (исп.).

– Да ладно, Ниноля, – вступился Антонов, – паллиативную медицину никто не отменял! На одном твоём летнем позитиве далеко не уедешь, – добавил он, усмехаясь. – Я вполне понимаю Андрея, у меня самого полно стариков, для которых сходить к доктору и на пару-тройку обследований – необходимый для жизнедеятельности ритуал. Если я скажу, что в этом нет необходимости, они решат, что их дела совсем плохи и даже нет смысла заниматься здоровьем, или пойдут к другому доктору, который назначит им всё, что они хотят, и направит, куда душа требует.

– В государственной медицине нас ругают за каждый дополнительный анализ, потому что в бюджете нет денег, а здесь – за недостаточные назначения, – вступил в разговор Малаков, нечасто участвующий в наших обсуждениях. – Это всё издержки системы здравоохранения, и однозначного ответа на ваши вопросы нет. Необходимо менять систему, но на данном этапе развития нашего социума это практически невозможно.

– Как тут не вспомнить наше счастливое детство при социалистическом режиме с обязательными диспансеризациями, бесплатными санаториями и профилакториями, – начал любимую тему Серёга Сиротин, ярый защитник прежнего порядка, существовавшего при Союзе.

– Бесплатное обучение в медицинском институте, между прочим! – поддержал Антонов.

– И зарплата врачей, на которую можно купить хлеба и колбасы на весь месяц, если достанете колбасы по блату, – Сирин был противником советской системы и мог спорить с Сиротиным часами, если никто не вмешивался и не разводил их в разные стороны.

– Господа, вопрос, конечно, интересный, – поднялся из кресла Рудик, – но пора начинать приём, – и уже на выходе из ординаторской, как и положено заведующему отделением, добавил: – И помните: бюджет клиники зависит от ваших назначений!

Как только за Рудиком закрылась дверь, Юра Антонов хлопнул в ладоши, призывая всех к вниманию.

– За денежными разговорами мы упустили главное, – начал он. – Тёткин так и не отчитался о сцене, произошедшей в пятницу на глазах удивлённой публики между его женой и Барби.

Я не любитель оказываться в центре всеобщего внимания, тем более когда речь идёт о личной жизни. Но, зная своих товарищей, понимал, что разговора не избежать.

– Кстати сказать, Тёткин оделурился по стационару оба выходных, – подлил масла в огонь Сирин.

Все вопросительно посмотрели на меня.

– Марик, тебя что, Кира выгнала? – спросила Ниноля.

– Тёткинсон, если тебе негде бросить кости, можешь бросить у меня, – предложил Юра.

– Спасибо, конечно, – я замаялся. – У нас, в самом деле, временная размолвка с Киной.

– А что у тебя с Барби? – нетерпеливо перебил Сиротин. – Начинай с главного!

Я так и знал, что все считали это самым главным.

– Главное в том, – начал я, – что у меня нет ничего с Барби. Нет и быть не может.

Коллеги разочарованно загудели.

– Вот я сейчас скажу вам правду, и вы, конечно, не поверите, потому что правда не интересна, в ней нет интриги. А вам ведь интрига нужна.

– Марик, не переживай, в жизни столько всякого случается. Мы всегда на твоей стороне! – успокаивающим тоном заверила меня Нина.

– Я согласен с нашим Летом красным! Мы всегда на твоей стороне, Тёткинсон! – подхватил Антонов, с удовольствием обыгрывавший наши с Ниной фамилии.

– Вот я и говорю, что вы уже заранее придумали интригу. Если я не поддержу её своим рассказом, вы разочаруетесь и не поверите.

– Так что произошло на самом деле? – как всегда конкретно, без обиняков и намёков спросил Малаков.

– Я захлопнул ключи и телефон в машине, опаздывал на работу, ловил попутку и поймал Барби. Она меня довезла. Конец истории.

– Она везла тебя два часа, когда ходу здесь пятнадцать минут? За это время твоя жена, испугавшись, что с тобой что-то случилось, приехала в клинику, где и встретила вас с Барби, – продолжал уточнять детали Сирин.

– Да, Тёткинсон. Под вопросом эти злосчастные два часа. Или ты столько времени ловил попутку?

– Да не ловил я ничего два часа, я их проспал в машине у Барби!

– С Барби? – в один голос спросили все.

Я почувствовал, что разговор меня начинает напрягать.

– Я похож на идиота? Конечно нет. Она по пути заскочила к какой-то подруге и просидела там два часа.

Антонов подошёл ко мне и похлопал по плечу.

– Я как раз думаю, что ты идиот, потому что спал в машине без Барби.

– Ты о чём?

– Уж если иметь проблемы, то хоть было бы за что.

Я посмотрел на Юру с сомнением.

– Ты правда можешь представить меня с Барби?

Антонов оглядел меня с головы до пят.

– Пожалуй, Барби может найти кого-то поинтересней...

– Ну ты, конечно, извини за прямоту, – я был разочарован замечанием друга, – но это у меня не может быть ничего общего с какой-то куклой без мозгов!

– Минуточку! – вступил в разговор Сирин. – Кто сказал, что Барби – кукла без мозгов?

– А что, ты считаешь её высокоинтеллектуальной особой?

– Насчёт высокого интеллекта не скажу, – пожал плечами Андрей, – но экземпляр она очень даже оригинальный.

– Конечно, ноги от коренных зубов, силиконовая грудь, появляющаяся из-за угла первой, и умопомрачительно синие глаза в цветных линзах, – чисто по-женски прокомментировала Нинуля.

– Грудь, кстати, без силикона, – улыбнувшись, заметил Сирин.

– Да ты что! – подскочил Антонов. – Не верю.

– Так чем она интересна? – вернул нас к теме Захар.

– А ты погугли в Интернете, посмотри на «Фейсбуке» – сейчас вся информация доступна в сетях, – предложил Сирин.

– Хочешь сказать, про нашу Барби что-то есть в Интернете? – удивилась Нина.

– Наивные вы мои коллеги, – Сирин обвёл собравшихся высокомерным взглядом, – семь лет наблюдаете больную и ни разу не задумались, кто она и чем занимается.

– Ну, во-первых, кроме тебя никто ею вплотную не занимался. Во-вторых, как-то до Тёткинсона интереса к ней вообще никакого не возникало, – заступился за всех Антонов.

– Кстати, как её зовут? – я внезапно сообразил, что знаю её только как Барби.

– Тони Голд, – объявил Сирин.

– Что? Это реальное имя? – удивился Юра. – Это ещё покруче, чем наша Лето!

– На самом деле она Антонина, но об этом мало кто знает, – уточнил Андрей.

– Откуда такая фамилия? – продолжал допытываться Антонов.

– Короткий брак с иностранцем, как шутит сама Барби, чтобы сменить фамилию на понравившуюся.

– Да, это сильно: выйти замуж, чтобы сменить фамилию! – усмехнулась Нина.

– Нинуля, а ты как до своего времени года докатилась? Тоже по замужеству? – поддел её Юра, знавший Лето ещё во времена её девичьей фамилии.

Сиротин, в это время изучавший что-то на компьютере, громко присвистнул:

– Ничего себе! Вы знаете, что наша Барби – владелица одной из крупнейших фармкомпаний?

– Ни много ни мало «Фарм Голд Корпорэйшн», – подсказал Сирин.

Я не поверил его словам и посмотрел на экран, стремясь убедиться, что меня не разыгрывают в очередной раз. С фотографии улыбалась Барби, а ниже мелким шрифтом сообщалось о предстоящей встрече главы компании «Фарм Голд» с зарубежными коллегами для обсуждения перспектив совместного бизнеса.

Я не мог поверить прочитанному. Все стояли вокруг компьютера, и только Сирин, довольный тем, что для него единственного это не новость, улыбаясь, наблюдал за нами из своего кресла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.